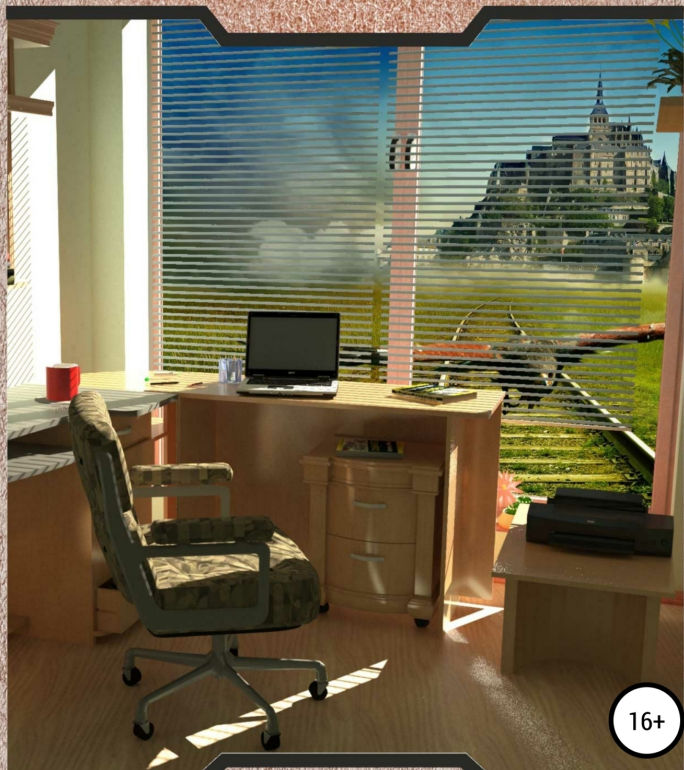

Ярослав Васильев

Право на жизнь

16+

Ярослав Васильев

Право на жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64769102

SelfPub; 2021

Аннотация

Три года прошло с тех пор, как земляне оказались в новом мире, где правят меч и магия. Они сумели выжить и восстановить город, но спокойное время закончилось. Земляне должны отстоять перед остальным миром своё право жить так, как им хочется. А для этого – собрать у себя всех тех, кому тесен старый мир навсегда застывшего Средневековья. Тарья и Нэрсис – местные жительницы, которые попали к землянам... случайно? Или их дом и вправду здесь, среди небоскрёбов и машин, а не среди мечей и волшебников?

Содержание

Часть I. Место под солнцем	4
Глава 1. Иммигранты	4
Глава 2. Пойди туда, не знаю куда	58
Глава 3. Приглашение	80
Глава 4. Лесные игры	101
Глава 5. Кто с мечом к нам придёт	123
Глава 6. От меча и погибнет	137
Глава 7. Мне отмщение, и аз воздам	173
Глава 8. Стальная лиса	215
Эпилог не ставший окончанием	266
Часть II. Королевства людей	275
Глава 1. Разведка	275
Глава 2. Балвин	296
Глава 3. Весть из далёких стран	320
Глава 4. Посольство. Часть I	353
Глава 5. Посольство. Часть II	375
Глава 6. Проба сил	399
Эпилог. Хранитель	411

Ярослав Васильев

Право на жизнь

Часть I. Место под солнцем

Глава 1. Иммигранты

Из главной тюрьмы города Балвина редко возвращались на свободу. А уж те, кого прозвали «обречёнными» – и по-давно. Стены полуподземной камеры были выложены из голых, неоштукатуренных блоков. На стыках собиралась влага, будто сочились слезы: тюрьма словно плакала о тех, кого отправят на каторгу. Остро воняло мочой из ведра-параша в углу. Зябко из-за сырости и подвального холода. Пробирало чуть ли не до костей, несмотря на то, что «обречённым» оставляли камзолы и башмаки, а не отбирали, как у остальных постояльцев тюрьмы, всё кроме рубахи и шаровар или чулок. Подвешенная у самого потолка плоская, где фитиль плавал в прогорклом жире, тускло освещала обитателей этого страшного жилища.

До срока, когда на рудники пойдёт караван, попутно собирая из городов по пути приговорённых душегубов, оставалось всего ничего. Камера была переполнена. Вместо по-

ложенных пяти человек сидели, лежали и стояли полтора десятка мужчин и женщин. Но угол, где расположились Тарья и Нэрсис, был относительно свободен. Охране наплевать, что творится по другую сторону решётки – лишь бы не убили и не покалечили. За каждого отправленного на рудники каторжника городская казна получала деньги. А за труп у стражи вычитали из жалования.

Когда в камеру втолкнули двух молодых красивых девушек, сразу нашлись желающие поразвлечься. Хотя душегубы поумнее решили сначала посмотреть, не просто же так на девках не платье, а мужской костюм – шаровары и камзол с рубахой. Четверо волосатых амбалов оказались самыми глупыми и нетерпеливыми... Нэрсис на своём корабле не просто так была одним из лейтенантов, а не постельной игрушкой для развлечений капитана и команды. Первого дурака, протянувшего руки, чтобы схватить и повалить на пол, девушка двинула по яйцам – в носки её сапог были вшиты стальные пластины. Мужик сипло захрипел и сложился пополам, от боли не смог даже кричать. Второго Нэрсис ткнула пальцем в глаз. Мужик тонко завопил:

– А-а-а-а!

И замолк испуганно, когда новый пинок сапогом лишь на волос разминулся с лицом, попал по рёбрам.

Нэрсис ощерилась и холодным, как могила, голосом сообщила:

– Значит, так, покойнички. Мне терять нечего. Я из «Мор-

ских птиц», слышали? Мой экипаж давно ждёт меня. А здесь меня стража забудёт или по дороге на рудники – всё равно. Но вас заберу с собой.

Обитатели камеры побледнели. Про одну из самых знаменитых пиратских флотилий в приморском торговом городе, конечно, слышал каждый. Адмирал «Птиц» лишь одного правила придерживался всегда: «Лишней крови не лить, но если тронули у тебя матроса – режь всю команду и пассажиров». Потому сейчас никто из душегубов даже на мгновение не усомнился, что хоть и девка перед ними, а любого протянувшего к ней руки отправит на тот свет. Наплевав на последствия. Тарья сдружилась с неожиданной подругой по несчастью, ещё когда обе сидели в камере «допросной части». За прошедшие недели неплохо успела Нэрсис узнать. И теперь над словами бывшей пиратки мысленно посмеялась. Если бы подруга по несчастью и в самом деле рвалась подохнуть, давно бы покончила с собой. Умный человек всегда найдёт способ, даже в тюрьме. Но раз до сих пор жива и не покалечена – на допросах не сопротивлялась. И тоже рассчитывала сбежать.

Сейчас, размышляя о побеге, Тарья поморщилась и потёрла левое предплечье. Там, невидимая для взгляда обычного человека, именем Синклита магов стояла чародейская каторжная печать. Её не сведёшь, и снять клеймо может только тот, кто наложил. Но сначала пойдти, отыщи нужного мага. Метки каждый раз ставил случайный чародей из го-

родской гильдии, чьё лицо обязательно спрятано под маской, как и лица каторжников. А вот отыскать беглеца по каторжной печати без особых усилий сможет даже самый захудалый деревенский колдун. Потому-то в преступном мире «меченых» убивают сразу. Разве что удастся податься на острова в Западном море или к дикарям на Южный архипелаг. Да, женщине на южных островах намного тяжелее мужчин. Всё равно лучше там, чем клеймёной Синклитом на рудниках.

Зимы в Маркасе были холодные, чувствовалось дыхание северных пустошей. Когда приходил снежный ураган, то не помогали даже пушистые меховые шубы и штаны из верблюжьей шерсти. Снег за несколько часов мог завалить дом до самой крыши. А воздух так холодел, что если ударить стальным прутом по стене, прут с жалобным звоном мог расколоться на части. Двери домов в такое время не запирали. Ведь оказаться на улице, пока не закончится ураган – верная смерть любому. А открытая дверь может спасти жизнь какого-то заплутавшего в белёсой мгле прохожего.

Несмотря на отомкнутые запоры, во время ураганов и самых суровых холодов не крали совсем. Негласный обычай, за соблюдением которого очень строго следила воровская гильдия города. Потому ученикам Хромого Уна – двум девушкам и четверым парням – в такое время оставалось лишь запалить свечу, тренироваться вскрывать запоры и заодно слушать из уст наставника интересные истории. После стакана наливки старик любил ударяться в воспоминания.

нания, а рассказать ему было что. Как-никак живая легенда ночной гильдии Маркаса. Начал простым вором, успел по молодости разок погреться кандалами на рудниках. Да бежал, пересёк с юга на север весь континент, а потом выбился в старейшины гильдии Маркаса.

Вот и сейчас, кончив урок, один из учеников сбегал в подпол, притащил пузатую глиняную бутылку. Хромой Ун налил кружку, залпом выпил половину. Дальше принялся цедить мелкими глотками, одновременно продолжая вчерашнюю историю.

– Это, так на чём я остановился?

– О рудниках говорил, и как оттуда бежал.

Старик отечески потрепал рыжие кудри своей самой младшей, но и самой способной ученицы.

– Ты, девочка, про рудники лучше не думай. Страшно там, особенно когда девка попадает молодая. А самое худое... – глаза наставника потемнели от нехорошего воспоминания, – если меченые Синклитом попадают. Любят таких на каторге, ой как любят. Они не могут бежать, с ними можно сделать всё, что угодно. Хоть клеймёные по закону не считаются рабами, их жалобы никто слушать не будет. А безнаказанность – она зверя в человеке будит.

После очередного глотка Ун с такой силой поставил кружку на стол, что расплескал содержимое.

– Когда попадает молодая женщина... повезёт, коли приглянется кому из начальства. У нас две гордячки оказа-

лись, из благородных. Им по хорошему предложили – одна
лицо в ответ поцарапала, другая сказала, что скорее сдох-
нет. И ничего, через пару седмиц обе стали подстилкой
для всей тюремной стражи. Им быстро объяснили: будешь
слишком строптива – прямая дорога в вольный город Лин.
И лучше уж обслуживать по десятку мужиков за день.

Дальше голос старого вора и казначея Гильдии зазвучал
глухо.

– Запомни, Тарья. Лин – единственное место, где живут
нэрлих, принявшие законы людей и право Синклита магов
становиться при нужде высшим арбитром в любом споре.
Главный товар города – полукровки. Сильные, выносливые
рабы. Но если в «самцах-производителях» недостатка ни-
когда не бывает, женщин там вечно не хватает. Потому
везут с юга, покупают рабынь. Но далеко, дорого, и плохо
южанки наш климат переносят. Вот и скупают на катор-
ге всех, кого могут. А уж там... Магам запрещено вмеша-
ваться в тела имеющих душу, таких не примет в свой за-
гробный чертог даже Чёрный Дэс. Но вот эту самую ду-
шу выжигать из тела совсем не запрещается. Я, когда от
Гильдии бывал в Лине, меня возили на фермы живого то-
вара. Голые женские туши – иначе не назовёшь – рядами
лежат на специальных кроватях, растят пузо и пускают
слюни. Только вот бывает судьба и пострашнее.

Подружка Тарьи, девушка впечатлительная, передёрнула
плечами и дрожащим голосом спросила:

– Куда уж страшнее!

– А туда, – поднял вверх указательный палец Ун. – Помесёньши – они бесплодные мулы, потому ценятся как постельные игрушки. А души, как говорят жрецы, боги им не дали, так что переделывать тела на заказ можно. Часто до рождения начинают, и в таком случае ребёнка напитать эманациями надо. Душу женицины тогда не убивают, а запирают в особой «клетке», чтобы раз за разом нужную жизнь видела и чувствовала. Как её подчиняться хозяину заставляют или кнутами бьют – уж что будущий владелец приплода захочет. Ещё в эти «клетки» маг заглянуть может. Некоторые специально приезжают в Лин – кто посмотреть, кто вместе с жертвой происходящее в «клетке» ощутить. А кто и женицину помучить: ведь в магических видения жертву можно запытать до смерти неограниченное число раз.

Раздался лязг тяжёлых засовов и скрежет заржавелых петель, проворачивающихся на крюках. Тарья, которая до этого смотрела в оконце и с наслаждением ловила тоненький луч света, проникавший в узкую решетчатую щель, повернула голову. При виде двух тюремщиков с факелами, шестерых солдат и незнакомого судейского нехорошо засосало под ложечкой.

– Выходи, душегубы. Тут на вас покупатель нашёлся. Если пригодитесь.

Тарья почувствовала, как подруга по несчастью вздрогну-

ла и положила ладонь ей на руку. По возможности незаметно покачала головой. Вряд ли из Лина: те интересовались исключительно молодыми женщинами, а тут хотят посмотреть всех. Скорее на какие-то тяжёлые и опасные работы. И это хорошо. Пусть охранников там окажется больше – зато на каторге сторожа опытнее насчёт побегов.

По каким-то своим меркам чиновник отобрал из камеры целый десяток, причём из них четверых женщин. Привёл всех в длинный полутёмный зал. В дальнем конце вместе с заместителем коменданта тюрьмы за столом расположились трое гостей, в противоположном оставили под охраной каторжников.

– Первый, шагай, – стража дёрнула крайнего из каторжников и пихнула в сторону начальства.

Мужик на негнущихся ногах подошёл к столу. Его о чём-то начали спрашивать, но говорили негромко. С другого конца комнаты не слышно... Тарья присмотрелась особым зрением и прислушалась особым слухом. Нэрсис знала, что она недоученный маг – нужно было как-то завоевать её доверие. Остальные не подозревали, иначе Тарьей занимался бы трибунал Синклита. Зато сейчас Тарья сумела разобрать, что за гости к ним приехали.

Двое южан – только по другую сторону Срединного хребта вместо шаровар носят кожаные чулки, да и камзол слишком приталенный. Третий вообще не человек, а нэрлих – невысокий, широкоплечий до того, что, сидя за столом, кажется

квадратным, волосы на лице растут не как у людей, а сразу ниже глаз, к низу густея и становясь окладистой чёрной бородой. Причём настоящий степняк – живших в Лине нэрлих и под угрозой смерти не заставишь вместо нормального камзола надеть расшитые рубаху и плащ, да вдобавок вообще без талии. И не иллюзия, морок или поддельную ауру девушка различила бы: наследственный талант. Лин теперь исключался с гарантией. А ещё Тарья обратила внимание, как задавали странные, глупые вопросы и как смотрели больше не на ответы, а на поведение – пытается каторжник врать или нет.

Девушка шепнула подруге:

– Отвечай честно. Так лучше.

И со спокойной душой пошла, когда стражник больно толкнул её в спину.

Из каторжников отобрали четверых: обеих подруг и двух братьев, которые под клеймо угодили за подлог. Мужики торговали в своей лавке вычеканенными кувшинами, якобы привезёнными с юга, товар же делали сами. Но погорел портовый таможенник, штамповавший фальшивые документы на ввоз из-за моря, а гильдия медников добилась для всех пожизненной каторги.

Не пригодившихся душегубов с пинками и зуботычинами – Тарья подумала, что начальник явно рассчитывал продать больше смертников – погнали обратно по коридору. Остальных повели в новую камеру. Не в полуподвале, а на первом

этаже, оконцем во внутренний двор. И каждому досталось по лежаку. Двери тоже не было, вместо неё стену в коридор перегородивала решётка. Когда замок с лязгом защёлкнулся, а тюремщик устроился на стуле неподалёку от камеры, Тарья растянулась на лежаке, с удовольствием вдыхая запахи, которые доносились из оконца: пыли, железа, лошадиного пота, навоза и сбруи, горьковатый привкус каких-то цветов. Не сравнить с вонью камеры для каторжников.

Нэрсис устроилась на соседнем месте голова к голове и негромко произнесла:

– Видать, неплохо за нас готовы заплатить, если эти так стараются.

– С чего ты взяла? Ну ладно, понятно, что не в общую камеру...

Подруга начала считать и загибать пальцы.

– Про камеру отдельную, очень хорошую ты сказала. Это раз. Два – она смотрит во внутренний двор, выход из коридора только через внутренний двор. Сюда сажают тех, кто не должен сбежать. Это два. Ну и три – посмотри, как на нас пялится тюремщик.

Тарья пожалала плечами, давая понять: не видит в этом ничего удивительного. Конечно, после нескольких недель в тюрьме видок у них тот ещё, но всё равно обе – привлекательные девушки. Нэрсис мало что блондинка, вдобавок морские походы выточили фигуру, заменив изнеженный жирок дочки богатого купца точёной мускулатурой. Да и себя

Тарья заслуженно считала красивой. Не зря хоть и шептали про неё что в воровской гильдии, что в разбойничьей шайке «рыжая ведьма», новые парни каждый раз пробовали ухлёстывать. А тюремщик вообще женщинами не избалован, с такой-то корявой и рябой рожей.

Нэрсис, угадав рассуждения подруги, усмехнулась.

– Да-да, он не только на нас, но и на этих, медников, тоже слишком внимательно смотрит. И решёточка – чтобы без присмотра руки на себя не наложили. Не-е-ет, не просто так всё это.

Тарья не ответила. Скатала камзол и положила себе под голову, закрыла глаза и принялась размышлять, что её ждёт. Жрец храма Небесной сотни богов в родном городе говорил, что хозяйка судьбы Титания носит с собой весы. И если на одну чашу ложится что-то хорошее, то на другую для равновесия ляжет плохое. К своим двадцати Тарья в этом очень хорошо убедилась – и сейчас принялась вспоминать свою жизнь с первого дня и сравнивать. Ведь часто как бывает: сначала думаешь, что удача была или неудача, а потом окажется наоборот. Или вообще мимо весов судьбы пройдёт. Вот, например, встреча с Нэрсис. Тогда она думала – это удача. Ведь если случится самое страшное, и девушек решат продать в вольный город Лин, вдвоём будет шанс сбежать. А теперь оказалось, что их встреча прошла мимо весов удачи. На каторгу они вообще не попадут. Так что же её ждёт?

Ребёнок графа от любовницы-простолоудинки, до трина-

дцати Тарья всё равно воспитывалась наравне с остальными детьми своего отца. Родитель ей гордился и пророчил дочери поступление в Академию синклита магов... Пока всю семью вместе с капитаном замка и самыми верными людьми из стражи не поразило сначала проклятье, а потом лёгочная чума. Тарья с заразой справилась, остальные нет. Если наложить проклятье, магическое лечение невозможно, а травы помогают едва ли одному из пятидесяти. Следом появились родственнички. Новые хозяева не особо скрывали и кто виноват в наведённой порче, и какая судьба ждёт единственную выжившую...

Небольшая тюрьма в подвале главной башни графского замка была самым холодным местом, потому последнюю неделю туда складывали трупы умерших. И пусть новые хозяева заразиться не боялись, терпеть вонь никто из них не желал. Да и не нужно на одну девчонку крепких запоров и десятков сторожей. Из сарая во дворе вынесли все припасы, на скорую руку разделили пополам решёткой. В глухом углу сейчас сидела на полу единственная пленница. А с другой стороны – одинокий охранник. Обиженный, что его за какую-то провинность не взяли на пир. Там сейчас праздновали успешный переворот и славили нового графа Килассер.

А ещё, как видел охранник, из деревни возле замка для пирующих приволокли с десятков девок. Мужик представил, как остальные сейчас в главной зале обжираются и трахают баб, со злобой сплюнул. Потом решил сорвать злость

на пленнице. Помучить её хотя бы словами.

– Чё лыбишься? Думаешь, раз дочка этого, покойного, то всё теперь твоё?

Внимательно посмотрел на девочку. Сохранив невинность, пусть и незаконнорождённая, девчонка имеет право на наследство. Отцовство подтвердит любой маг с дипломом Академии. Тарья сидела неподвижно, обняв колени и глядя куда-то в сторону. Мужик взглянул на платыице – дорогого шёлка цвета спелого мёда, хотя уже изгвазданное и с оторванным рукавом. Кожа руки и плеча бархатная, сразу видно – благородная. Не то что грубая и шершавая кожа крестьянок. Вот бы эту кралю завалить и самому попользоваться...

– Так чё лыбишься, говорю? Сказать, чёт ты ждёшь? Сначала тебя хозяин трахнет, потом остальные попользуют. А потом, когда надоешь, продадим на юг. Хозяин сказал, значица, чтоб жива была. Здеся это самое, не положено быть этой самой, ауры от трупака зарезанного. Так чё не надейся, не сдоинешь.

И обрадовано захохотал: пленница не выдержала и уткнулась лицом в колени.

Несколько минут Тарья не поднимала голову. Боялась, что охранник заметит её полный бешенства и ненависти взгляд. Сдохнет... Возможно. Только отец всегда учил: какова бы не была судьба – лучше пасть в бою, чем просить пощады с верёвкой на шее. Всё было решено, ещё когда её бро-

силы сюда. Сердце зашлось в бешеном стуке. То, что Тарья собиралась сделать – позор для леди... Девочка приказала голосу благовоспитанности заткнуться.

Тарья встала, потянулась. Краем глаза заметила, что охранник неотрывно смотрит за ней масляным взором. Встала чуть боком, передернула худыми лопатками так, что платье обтянуло тело. Тарья перехватила взгляд залюбовавшегося ей охранника, но продолжала стоять спокойно. Не выразив ни тени беспокойства, что надорванный шов платья от неудачного движения начал распускаться дальше. Фигурка девочки была ещё несколько угловатой, ещё не окончательно оформленной, но мужику по другую сторону решётки сейчас было всё равно. Подогревая похоть, со стороны центральной башни раздался женский визг и мужской гогот.

И тут Тарья начала медленно раздеваться. Поначалу робела и растёгивала крючок за крючком чисто механически. Ее позы были напряжены, полны неестественности и лишены признака малейшей страсти. Но понемногу тело девочки оживало на глазах, и охраннику показалось, что эта своеобразная игра постепенно затягивает пленницу, доставляя нешуточное удовольствие.

– Потом будет и твой хозяин, – хрипло произнесла девочка и облизнула губы, – и много кто ещё. Но хотя бы первый раз дай мне получить удовольствие. Иди ко мне.

Платье, наконец, скользнуло на доски пола возле решёт-

ки, из одежды остались одни трусики. Девочка легла на тюфяк, раскинув ноги.

– Ну, быстрее же. Пока за тобой не пришли.

– Ты это, не надейся. Я тебя не отпущу. И нож оставлю, не думай, что пырнёшь и смоешься.

– Я и не думала. Давай.

Как-то старший брат нашёл место, откуда можно было наблюдать за прислугой, которая надумала переспать друг с другом. Показал Тарье – оба были изрядные сорванцы. И пока их не поймали и не выдрали, оба много чего успели узнать. Сейчас Тарья вспомнила, как одна служанка разогревала любовника перед тем, как лечь под него. И неумело копируя движения, начала себя гладить. Сначала по плечам... На этом охранник не вытерпел. С глухим рыком он отстегнул с пояса нож и снял башмаки и, путаясь в завязках, скинул шаровары. Сорвал с гвоздя на стене ключ, щёлкнул замок решётки. Раздался сухой треск, и мужик рухнул как подкошенный.

Тарья ощерилась: дурак забыл или не знал, что в Тарье проснулся семейный дар, и её готовили к поступлению в Академию. Платье же было изготовлено на заказ, чтобы не мешало заниматься магией. Оставалось сделать его проводником, заманить охранника так, чтобы он рукой держался за решётку, и одновременно ногой встал на платье.

Не надеясь на свои магические силы, Тарья перепрыгнула через неподвижное тело, схватила нож и с силой ткнула

ла охранника в шею. Брезгливо сморщилась: платье теперь окончательно испорчено. Впрочем, оно ей и не понадобится. В кладовку, где хранился крысиный яд и остальная отравка, лучше лезть без платья. Да и не увидит её никто в таком виде, ночь уже на дворе... На этой мысли Тарья зло ощерилась: если и увидит – ему же хуже.

Полчаса спустя возле замкового колодца сгустилась чёрная тень. Тарья высыпала в воду содержимое всех мешочков, которые сумела на себе утащить. Следом в воду полетели сначала маскирующее заклятье, потом проклятье собственного изобретения. Наставлявший Тарью учитель мог бы гордиться: в тринадцать лет девочка смогла на ходу, без справочников, на одном лишь отчаянии создать сложную конструкцию. И, насколько Тарья смогла ощутить, сработало всё как нельзя лучше.

Несколько секунд Тарья стояла над колодцем, мысленно вознося Чёрному Дэсу молитву за умерших. Потом тихонько шепнула:

– Покойтесь с миром. Вы отомищены.

И растворилась в ночной темноте.

Как Тарья узнала потом, прежде чем отраву распознали, умерли почти все. Включая затеявшего переворот отцовского кузена и его старшего сына. Вот только не удалось девочке и добраться до мага, который признал бы наследство: городской чародей оказался замешан в заговоре. Потому сначала радовался подвернувшейся возможности безнаказанно

снасильничать дочку настоящего графа, а потом булькал с ножом в брюхе. Но дальше, хотя Тарья и потеряла право на наследство и не угрожала отобрать домен, остаться на родине она не могла. Безутешная вдова и младший сын, новый граф Килассер, остались, к сожалению, живы. Тарья даже не могла поселиться где-нибудь под своим настоящим именем – заказ на её голову даже спустя семь лет оставался в силе.

Следующие семь лет пролетели весёлой жизнью сначала в гильдии воров холодного северного города Маркаса, потом южнее среди разбойников Балвина. Домашнего обучения и врождённых способностей Тарье хватало чуютъ зелья и магическую сигнализацию на домах и тюках. Поэтому, наверное, и дожила до своих лет свободной и здоровой, а не превратившейся к двадцати годам в старуху припортовой шлюхой. Жизнь наладилась, и неплохо: солдаты герцога под стрелы да ножи в лесную чащу без особой нужды лезть отнюдь не рвались... Пока атаман соседней шайки не увлёкся и не перерезал до последнего человека торговый караван, оказавший слишком уж яростное сопротивление.

В ответ взбешённый герцог нанял боевых чародеев и стражей Великого синклита магов, а те вычистили округу. Добрались и до тех, кто меру дозволенного знал и старался кровь не проливать.

В сизом от жары небе чуть заметно шевелились молочно-курчавые бараашки. Шуришала от несмелого ветра листва, вдалеке беззаботно пересвистывались и спорили

лесные птицы. От полянки, на которой расположился отряд, тянуло пряными ароматами травы и сладкими запахами переспелой клубники, горечью лесных цветов. Вроде места совсем глухие, из людей – улёгшиеся в тенёчке бойцы с необычными шевронами: на чёрном щите две скрещенные молнии и серебряная корона. Только вот на краю поляны валяется поваленный корневым червём ствол осокоря, трухлявый и голый. И видны на остатках следы ножа, толстую мелкозернистую кору ободрал на свои нужды человек.

Но вот кусты бесшумно раздвинулись, и к солдатам вышел ещё один. Голый, из одежды лишь набедренная повязка, всё тело вымазано зелёной, чёрной и коричневой краской. Замри он на месте – будешь в шаге стоять и не различишь. Разведчик подошёл к капитану.

– Правильно Деалла учуял, командир. И ты был прав, когда требовал разведку дважды проверять. Первый раз я сразу часовых заметил. Городские, службу так себе несут. Новички в лесу, похоже. Да и разводящий у них ленивый, проверяет посты раз в полчаса. Резь и бери сонных. Только оказалось, рядом с каждым новиком ещё человек сидит. Тихо сидит. Там, где я шёл, волчара сидел битый – чуть меня не учуял.

Стоявший рядом с капитаном заместитель удивлённо присвистнул:

– Тебя, Ласка?

Раскрашенный ощерил кривые зубы:

– Меня, меня. Только всё равно я его срисовал, а он меня – нет...

Тарья проснулась рывком. Несколько секунд ещё сидела на постели, вся во власти видения. Потом очнулась, толкнула мужчину под боком.

– Беда, Ворон! Нас нашли. Синклит нашёл! Моя сигналка сработала...

Любовник и атаман их ватаги проснулся мгновенно. Схватился за нож. Поздно! Со всех сторон небольшой, спрятанной в чаще леса деревеньки, весь последний год служившей тайным убежищем ватаги, уже кричали люди и слышался звон железа.

Ворон оценил ситуацию мгновенно. Не стал выбегать наружу. Вместо этого нажал какой-то секретный рычаг. У Тарьи удивлённо отвисла челюсть: в полу хижины открылся настоящий люк, из которого дохнуло затхлым воздухом катакомб. Ворон пихнул девушку в люк, сам спрыгнул следом. Захлопнул ход за собой. И пояснил.

– Здесь когда-то был город. Потом умер, лесом заросло. Я нашёл. Пошли. Когда вход найдут, мы должны быть далеко. А нам ещё припасы из тайника забрать.

Мужчина фыркнул.

– Ты мне и без ничего нравишься, но в голом виде далеко не уйдём. Сможешь запутать следы против мага?

– Смогу. Ты меня потому с собой взял?

– Я не привык бросать своих женщин. Ещё и потому. А

ты, раз согласилась спать со мной – моя, – Ворон усмехнулся. – Надо же. Три месяца тебя обихаживал, наконец уговорил... И потому мы оба здесь. И только мы. Судьба.

– Судьба. Пошли.

Неделю спустя Тарья думала, что смерть от клинка была бы куда легче. Их гнали как зверей. Спасали лишь амулеты от преследования, которые были в тайнике – но их приходилось заряжать постоянно, отчего девушка находилась в полуборморочном состоянии оцепенения. Да ещё спасала железная воля Ворона, временами тащившего Тарью на себе. Наконец им повезло наткнуться на заброшенную усадьбу. Отдохнуть, восстановить силы. Зарядить амулеты и всё-таки уйти от облавы.

Доски пола загрохотали под тяжестью сапог, с первого этажа послышался звук споткнувшегося обо что-то человека и ругань:

– Куда запряталось это тёмное отродье!

Услышав гнусавый солдатский голос, Тарья испуганно обхватила плечи и прижалась к брёвнам стены. Ворон лишь ухмыльнулся и крепче сжал нож. Шум внизу прекратился, и беглецы услышали, как кто-то выходит на крыльцо, пнув носком сапога остатки двери. Их не найдут! Их не должны найти! Удачно, что старая лесная дорога привела именно сюда, в заброшенный дом. Каморки прислуги и бывшие кладовые второго этажа напоминали перепутанный клубок. Обыскивать дом ночью солдаты побоятся: та-

кие усадьбы не просто так стоят заброшенные, не так уж редко в них прячется всякая нечисть. Это Тарье и Ворону терять нечего,

Внезапно из отверстия под потолком раздались спорящие голоса. Тарья вздрогнула, но Ворон закрыл ей рот ладонью и, прижавшись губами к самому уху, еле слышно прошептал:

– Это внешняя стена, посмотри, какие толстые брёвна. Будем сидеть тихо – мы их услышим, они нас нет.

А спор набирал силу. Высокий аристократичный голос настаивал немедленно обыскать всё от крыши до подпола, а второй – басистый и слегка хриловатый – отказывался. Мол, никуда душегубы от них не денутся. А до заката всего два часа, и ночью рисковать своими людьми в проклятом доме он не собирается.

– Маг-ищейка, – шепнул Ворон. – А второй – командир отряда.

Перепалка длилась недолго. Слышно было, как подошли солдаты, искавшие в доме, и хриплый рявкнул:

– Здесь пока ещё команду я. Мои люди не должны рисковать душами!

С улицы донёсся звон сбруи и топот лошадиных копыт.

– Уехали, – одними губами выдохнул Ворон. – Ждём до ночи и уходим. А пока поспи.

После чего уселся на пол в дальний угол и, дождавшись, пока Тарья поудобнее устроит голову у него на коленях,

укрыл девушку ещё и своим плащом. Хорошо сейчас начало лета, а крыша устояла – в доме сухо и тепло. Хотя после трёх суток погони они уснут даже в луже грязи – лишь бы не просыпаться от каждого шороха да не ждать каждую секунду окрика и свиста аркана.

Ворон очнулся от гулко уханья филина, раздавшегося из-за стены. Не может быть! Он и не заметил, как заснул сам. Мужчина прислушался к внутреннему чувству времени: почти полночь.

– Просыпайся, – аккуратно потрепал он девушку по волосам, – нам пора.

Спускались осторожно, стараясь не шуметь. Хоть и уехали гончие, но осмотрительность никогда не бывает во вред. Потому-то, прежде чем ступить на лестницу, Ворон осмотрел просторную горницу первого этажа как можно тщательнее. Хотя толку от этого всё равно было чуть: света нарождавшейся луны едва хватало различить проёмы окон и двери.

Они успели пройти вглубь комнаты всего несколько шагов, как сразу с двух сторон на них кинулись тёмные фигуры. А под потолком вспыхнул яркий колдовской огонь, очерчивая людей и предметы резкими тенями.

– Ха!

Ворон отбыл удар ближайшего солдата, ткнул ножом второго и почти дотянулся до мага. Тот отшатнулся и ударил заклятьем, коротко вспыхнула молния. Не сильно,

но Воронухватила. Вместо того чтобы упасть без сознания, мужчина замер на середине движения и мешком осел на пол. Тарья закусила губу: ищейки Синклита не знали, что у Ворона именно на заклятье паралича – слабое сердце. Атаман на это и рассчитывал. Живым в руки палачей он попасть не собирался.

На руках девушки защёлкнулись оковы.

– Идиот, – рыкнул вошедший следом командир отряда. – Деалла, ты мёртвых допрашивать умеешь?

Маг побледнел.

– Н-не-ет, командир.

– И я не умею. И кто нам теперь расскажет, что за маг нарушил законы? Очень мне хотелось бы с ним пообщаться, больно хорошие амулеты он сделал. Так долго работали. И ведь не игрушка Ордена. Да и наводчик из этого поганца был хороший. Упустим.

Деалла подошёл к Тарье и легонько пнул девушку в живот. Так, чтобы не покалечить, но от боли она согнулась и захрипела.

– А вот его подстилка всё и расскажет.

Тарья молча уставилась взглядом в землю. Отец всегда учил: какова бы не была судьба – лучше пасть в бою, чем просить пощады с верёвкой на шее? Для графа и дворянина это, может, и так. Но не для воровки и разбойницы. Мага в ней не узнали, спасибо тому, что последние дни она высасывала из себя магию до доньшика и даже сверх того. Значит,

у неё есть шанс. А для этого... она изобразит и испуганную любовницу, и кого угодно, расскажет всё что знает и сможет придумать. Но выживет. И снова сбежит.

Неудача? Безусловно, ещё какая. Особенно когда всех зазваченных в герцогстве разбойников не просто сослали на рудники, а ещё и наградили меткой Синклита. Тарья потёрла левое предплечье, где пряталась невидимая метка. Замотала головой, отгоняя кошмары. И снова начала вспоминать свои радости и горести, пытаясь угадать судьбу. По всему выходило, что её должна ждать удача.

Четверо заключённых успели отдохнуть и отоспаться, когда на следующий день ближе к обеду за ними пришли. Загрохотала решётка, в сопровождении стражников вошёл давешний чиновник:

– Шевелись, рыбе вымя.

Принюхался. Тарья в ответ дерзко посмотрела: сам бы не мылся пару недель да пожил в камере. Чиновник какое-то время морщился и чесал щёку. По лицу можно было прочесть борьбу между желанием не делать что-то сверх приказа и размышлениями, что за товар в неприглядном виде покупатель может и цену сбросить. Наконец решился. По его приказу каторжников окатили водой из вёдер – ледяной, Тарья задрожала от холода. Ненадолго: вызванный тюремный маг брезгливо морщился, но всех высушил. Подогревая энтузиазм тычками в спину, покупки загнали в тесную тюремную карету. Из мелкой мести за излишне дерзкий взгляд, а

может по инструкции, небольшое окошко завесили тканью. Но если судить по звукам, их вывезли за город.

Вскоре карета остановилась. Стражники вытащили всех четверых на улицу, но в этот раз без тычков. Ограничились лишь ругательствами и угрозами. Тарья осмотрелась. Они стояли на небольшой дороге, идущей от главного тракта вглубь полей. Пахло нескошенным сеном. Небольшой проходящий караван из пяти фургонов. В одном, как сразу обратила внимание Тарья, сидели ещё четверо в железе. Рядом с тюремной каретой ждал похожий на типичного южанина смуглый, горбоносый покупатель-человек. Он ещё раз внимательно осмотрел живой товар, разве что зубы как коню не пощупал. Затем передал сопровождавшему чиновнику бумагу. Тарья остро пожалела, что расплатился южанин векселем, а не золотом: интересно бы узнать, права Нэрсис насчёт суммы или нет? Долго думать не получилось. Едва посторонних в караване не осталось, пленников быстро перековали в новые оковы – ножные и ручные, но куда легче. Оберегайки, явно очень хорошей стали. Такие кандалы не калечили, даже если их носить годами. Для ценных пленников. Подруги удивлённо переглянулись: они совсем перестали хоть что-то понимать.

В закрытых фургонах ехали до заката. Вечером всех вывели ужинать и спать на улицу. Когда лагерь успокоился, Тарья аккуратно пошевелила руками, стараясь не зазвенеть оковами. Попробовала глазами рассмотреть замок в тусклых от-

блесках пламени. Света прогоревший костёр почти не давал, но за полдня девушка на ощупь уже выучила железку до последней царапины. Всё равно надеялась – вдруг что-то пропустила, и открыть всё-таки можно? Нэрсис, которая всю дорогу молчала, разве что прикрывала собой подругу от взглядов посторонних, сейчас шёпотом поинтересовалась:

– Не получается?

– Нет. До этого я считала, что могу вскрыть любой замок. Хромой Ун, пока я числилась в воровской гильдии Маракаса, называл меня лучшей ученицей. А это был мастер, равных которому не родилось до сих пор. Замок странный. И металл слишком хороший. В заклёпках тоже сталь первого сорта.

– Так ведь «оберегайки». Им положено быть самыми надёжными.

Тарья закусила щёку изнутри.

– Да? Не спорю, хотя это и странно. Ладно, нас двоих ещё могли по дури или незнанию заковать. Мол, хорошенькие девушки – ценный товар. В Маракасе меня так один раз за аферистку-мошенницу, работающую с золотыми купцами и дворянами, приняли. Я, как от зелья очнулась, в таких же «оберегайках» оказалась. Собирались на юг продать. Так их везде одинаковыми делают. Там есть пара клёпок плохого металла. Их, если знаешь как, можно расковырять – и до механизма добраться. Здесь этих клёпок вообще нет, а цепи и вообще всё, сама подумай, из очень хорошей стали сделаны. Ты та-

кое хотя бы раз видела?

Бывшая пиратка закивала головой: много чести для простых кандалников. Не герцоги какие-нибудь.

Тарья продолжила:

– И ещё подумай, а остальных-то чего так же заковали?

Берегут. Даже мужиков.

Нэрсис опять согласилась: действительно, ненормально.

Небольшой караван неторопливо пополз на запад. Обсудив в первую же ночь последние события, девушки и братья-медники решили с побегом пока не торопиться. Конечно, скрыться ночью можно, пусть и в кандалах. Насколько сумела подслушать Тарья, и как подсказывал жизненный опыт, хозяином фургонов был простой купец, который подрядился по дороге доставить несколько каторжников и покупателя от побережья куда-то вглубь континента. Стража явно не специализировалась на перевозке рабов. Ночами больше приглядывала, чтобы кандалники не украли чего и не порезали остальных, чем следили за возможным побегом. А потом? Утром хватятся, сообщат в первом же селении. Поймают, и второй раз уже точно отправят на каторгу, а это гарантировано быстрая смерть. С другой стороны, маршрут явно обходил Лин стороной, кормили хорошо, обращались сносно. Вряд ли неведомый покупатель из Степи станет вкладывать хорошие деньги, чтобы по приезду всех убить. Стоит рискнуть. Тем более что нэрлих частенько смотрели сквозь пальцы на законы Королевств людей, и на эдикты Синклита магов. Бы-

товали слухи, что иногда кочевники укрывали опальных чародеев и беглецов... А это уж точно лучше южных островов.

Успокоившись, Тарья заодно перестала вести счёт дням. Лишь с наслаждением впитывала всё происходящее по дороге. Всё то, с чем она уже попрощалась. Вот холм, на чьих зеленеющих отлогах стоит величественный замок барона. Словно начерченные тушью по белому листу, выделяются на тёмно-зелёном фоне его зубчатые стены, и алеет черепицей главная башня. На подъёмном мосту то ли о чём-то выспрашивают, то ли пристают к двум крестьянкам с корзинами несколько стражников барона. Их металлические шлемы издалека ярко блестят под лучами утреннего солнца. А у подножия холма приютилась очередная деревня. Беспорядочно и тесно стоят хижины и хозяйственные постройки бедных земледельцев. Дома невелики и выглядят неказисто, крыты соломенными кровлями. Половина жилища отведена для скотины, вместе с сараем для сена и житницей для зерна всё ограждено тщедушным плетнём. Но тут и там со стороны ближе к баронскому замку попадаются прочные дома. Не полуземлянки с глиняным полом – белёные мазанки на фундаменте, с просторными дворами и крепкими оградами. Это не беднота, а зажиточные крестьяне.

Мимо лип, отделявших деревенскую дорогу от полей, караван подъехал к деревне. Встал на краю, лишь один фургон прогрохотал колёсами до центра. Вскоре раздались зычные крики торговца. Остальным же оставалось лишь из-

нывать безделья да наблюдать за крестьянами. Солнце в зените. Жарко, полдень. Даже насекомые разомлели, присели отдохнуть, повисла глухая тишина. Со стороны полей послышался топот и мычание, это возвращались стада барона и его крестьян. Тут же выбежали хозяйки, чтобы свою скотину забрать у пастуха и загнать в хлев, усердно помогают им в этом дети. За стадом возвращаются со своих наделов мужчины. Они идут неторопливо, в запачканных рубашках и шароварах, в шапках из подбитой холстиной шерстяной материи, в грубых толстых башмаках, загорелые, бородатые, облитые потом. Медленно расходятся по своим домам, где к их приходу уже заготовлен обед. Потом деревня на какое-то время вымирает – крестьяне отдыхают. Но как они снова пойдут в поле, Тарья обычно уже не видела: в это время фургоны уже двигались дальше.

Через несколько недель караван прибыл на место. Новая стража состояла частью из людей, но в основном из степняков-нэрлих. Живого товара здесь было уже полторы сотни человек. И не одних кандалников, возле костров лагеря не меньше трети сидело без оков. Новичков быстро перековали, причём у Тарьи отвисла челюсть: цепи и кольца наручников сделаны из булата. Оружейный металл для кандалов использовать – это как топор палача из золота лить. Сопровождавший пополнение южанин отдал команду ждать с остальными, показал рукой в сторону костров – туда. Сам же ушёл.

Тарья быстро осмотрелась: в её профессии надо было

уметь оценивать людей с первого взгляда. Сейчас ухватила подругу за рукав и потянула к одному из костров. Сидевшие там безропотно потеснились, но недовольства соседством с кандалными никто не показал. Не обращая внимания, люди продолжили беседовать и заниматься своими делами.

Тарья не старалась вклиниться в разговор. Вместо этого расположилась так, чтобы её видела девочка, сидевшая рядом с немолодой худощавой измождённой женщиной. Усталая, какая-то заморённая до полупрозрачности, девочка выглядела лет на пять-шесть, но могла быть и старше. Тарья недолго думая достала из воздуха камешек, потом он как бы растворился, превратился в веточку. Обычные балаганные трюки, ловкость рук и никакой магии. Следом второй фокус, третий... Под конец маленького представления Тарья протянула руку, как бы собираясь погладить непослушные соломенные вихры ребёнка – та не успела отшатнуться, как из ворота её платья фокусница достала куклу и вручила девочке. Сплела по дороге, чтобы было чем заняться, а пальцы не потеряли чувствительность от безделья. И пригодилось.

Девочка восторженно засмеялась, мама встревоженно обернулась... Вскоре Тарья уже беседовала с женщиной, осторожно вытягивая информацию. Мать звали Милтрита, дочку Саннива. Они были из свободных и таких здесь не меньше трети. Из тех, кому настолько не повезло в жизни, что готовы или в петлю, или хоть куда – хуже не будет. Остальные – из тюрем или выкупленные у хозяев неволь-

ники: многие торговые города побережья, уподобляясь южанам, рабство не запрещали. И ждали, судя по всему, только последнюю партию живого товара.

На следующий день догадка, что ждали именно их, подтвердилась. С утра всех разделили по фургонам, и караван двинулся мимо величественных ясеней и грабов. Ехали быстро, хотя дорога и напоминала скорее заросшую травой колею в твёрдой глине. Зато местность была ровная как стол, лишь изредка встречались небольшие перепады высот, уклоны да пару раз пришлось огибать овраги. Понемногу лес редел, всё чаще попадались заросшие травой огромные пустые прогалины. Степь. Одновременно холодало, и Тарья с удивлением сообразила, что, оказывается, наступила осень.

Когда караван углубился в степь на три дня пути, а вода в котелках за ночь стала покрываться тонкой корочкой льда, очередное утро вместо привычного скрипа осей и ржания понукаемых лошадей, разорвал рёв трубы. Затем всех собрали чуть в стороне от фургонов

– Смотри, – Нэрсис осторожно показала на стоявших отдельно от стражников двух степняков и тёмно-русого плотного фигурой мужчину-человека. – Этот здесь главный. Именно он будет решать наше будущее.

– Молод слишком, навскидку и тридцати нет. С чего ты взяла? Да и в Степи нэрлих всегда сами решали, без чужих.

– Он... Он похож на моего капитана. Другие ему подчинятся всегда, сам он против воли – никогда.

От ударения на слове «моего» и тона, каким всё было сказано, Тарья изумлённо уставилась на подругу. По коротким рассказам и недомолвкам Нэрсис, она давно поняла, что офицером на палубу пиратского брига девушка попала не по своему желанию. Когда отец почему-то не заплатил выкуп, хотя запросили с почтенного купца по меркам морского братства совсем немного, девушка осталась ненужным балластом. И чего ей стоила дорога от постельной игрушки, которую через месяц обычно выбрасывают на дно или продают в Лин, до одного из лейтенантов на корабле похитившего её капитана, знала только Нэрсис. Но вот, оказывается, настолько любила того, по чьей вине рассталась с семьёй, что сейчас, едва встретила похожего незнакомца, расцвела.

Андрей Северин внимательно осмотрел стоящую перед ним разношёрстную толпу. Заметил, как одна из новеньких ему улыбается, легонько с благоволением кивнул в ответ. Если человек по каким-то причинам идёт на контакт – легче воспримет новые правила и чужой уклад, а затем поможет другим. И тут же о девушке пусть не забыл, но поставил напротив неё в списке отметку «на потом». По приезду. Сейчас для него главное... Нет, не довести караван без потерь в «пассажирах». Да, нужных «пассажирах»: когда стало ясно, что войны не избежать, Сенат решил вербовать иммигрантов из местных. Людей, которым не нашлось места во владениях Синклита магов, но которые, увидев шанс начать хорошую жизнь среди землян, вцепятся в новое будущее. Будут рвать-

ся за гражданством, а когда необходимо, и сражаться за него.

– Пушечное мясо, – цинично сказал Андрей, когда услышал про затею от Гая.

Гальба тогда поправил: конечно, деятельных, активных, готовых ради славы и почестей отправиться воевать, среди новичков будет немало. Но в основном надо искать других. И процитировал знаменитый роман Стругацких «Дорога на Амальтею»: «Быков был весь мокрый от пота, ему тоже было невообразимо трудно, но он, по-видимому, умел заставить себя не терять сознание. Уже через два часа у Жилина пропало всякое представление о цели работы, у него больше не осталось ни надежды, ни любви к жизни, но каждый раз, очнувшись, он продолжал прерванную работу, потому что рядом был Быков. Однажды он очнулся и не нашёл Быкова. Тогда он заплакал. Но Быков скоро вернулся, поставил рядом с ним кастрюльку с супом и сказал: «ешь». Он поел и снова взялся за работу. У Быкова было белое лицо и багровая отвисшая шея. Он тяжело и часто дышал. И он молчал. Жилин думал: если мы выберемся, я не пойду в межзвёздную экспедицию, я не пойду в экспедицию на Плутон, я никуда не пойду, пока не стану таким, как Быков. Таким обыкновенным и даже скучным в обычное время. Таким хмурым и немножко даже смешным. Таким, что трудно было поверить, глядя на него, в легенду о Голконде, в легенду о Каллисто и в другие легенды. Жилин помнил, как молодые межпланетники потихоньку посмеивались над «рыжим пустынным» – кстати,

откуда взялось такое странное прозвище? – Но он никогда не видел, чтобы о Быкове отозвался пренебрежительно хоть один пилот или учёный старшего поколения. Если я выберусь, я должен стать таким, как Быков. Если я не выберусь, я должен умереть как Быков. Когда Жилин терял сознание, Быков молча заканчивал его работу. Когда Жилин приходил в себя, Быков так же молча возвращался на место».

А потом Гай добавил:

– Слова «ассимиляция» здесь не знают, как и про «права не титульных нацменьшинств». Так что всё окажется не так уж и сложно.

Андрей отогнал воспоминания не ко времени. Ассимиляцией будут заниматься совсем другие специалисты. Для Андрея сейчас важно, как, столкнувшись с реальной, а не тренировочной задачей, поведёт себя первый смешанный выпуск спец-факультета, на котором опять же первый раз совместно готовили землян и нэрлих. Именно из них в этот раз и была сформирована почти вся стража. Если первым фильтром были торговцы из нэрлих и нанятые агенты, которые, не зная цели, отбирали кандидатов по биографиям, тестам и профилям, разработанным психологами и шаманами, то вторым фильтром – встречающие и сопровождающие на границе. Вернувшись домой, каждый напишет отчёт. Андрей его прочитает, сравнит впечатления и действия молодых подчинённых с тем, что видел в дороге сам. И по итогам засядет за корректировку учебных программ, если понадобится.

Выждав нужную паузу, чтобы толпа начала беспокоиться, переминаясь с ноги на ногу, но ещё не испугалась, Андрей скомандовал:

– Дальше оковы со всех снимаю. Вы разбиваетесь на десятки, каждый десяток закрепляется за своим фургоном. Мужчины с мужчинами, женщины с женщинами. Исключение только для семейных. Сейчас по одному сюда, – он показал на двух кузнецов-нэрлих, – потом выбираете себе фургон и десяток. Кто не захочет, разделим мы. Начинаю с тебя, – он ткнул пальцем в стоявшего на краю толпы мужика. – Вижу, что без железок. Всё равно сначала к кузнецу подошёл, потом к фургону.

Расковали всех, даже клеймёных каторжников. Тарья сразу заявила подруге:

– Знаю куда.

И повела за собой к одному из фургонов. Там уже стояли семеро взрослых, одной из которых была знакомая по первому дню Милтрита с дочкой. Следом к фургону направилась ещё одна женщина. Тарья её запомнила, сварливая, скандальная тётка. Нэрсис зыркнула взглядом, от которого матросов на её корабле прошибал холодный пот, и отрезала:

– Занято. Про возраст ничего не говорили, нас десять.

Тётка вздрогнула, но спорить не рискнула.

Дальше всех повезли как обычных поселенцев. С привалами, где можно справить нужду и размять ноги. Ночевали тоже у костров и в фургонах, всем выдали шерстяные оде-

яла, котлы для обеда. Если очень хотелось, можно было не ехать, а идти – главное, от своего фургона не отставать, иначе окрик и посадят внутрь силой. Но тоже без плетей.

Ещё через четыре дня пути всех опять поднял на рассвете звук рога. Нэрсис и Тарья по привычке, когда от подобной побудки зависит жизнь, вскочили первыми. Растолкали остальных. Тарья успела шепнуть:

– Кажется, по душу тех двух баранов.

Нэрсис мрачно усмехнулась и закивала. Точно, бараны. Иначе не назовёшь двух дурней, которые ещё не оценили странность каравана и попытались в своих десятках установить тюремные порядки.

Переселенцев собрали в стороне от каравана. Выволокли и бросили на землю перед толпой двоих здоровяков. Андрей хорошо поставленным голосом сообщил:

– Эти двое попробовали установить в своих десятках порядок «я старшой, а остальные мне прислуживают».

Некоторые в толпе удивлённо переглянулись: не такая уж редкость и в рабских караванах, и у поселенцев. Тарья же поняла сразу, куда ведёт главный. Тут же мысленно сама с собой заключила пари на то, что степняки с идиотами сделают. Повесят? Негде. К лошадям привяжут и галопом пустят? Долго. Просто разорвут лошадьми? Кроваво и толпу лишнего пугать не станут. Голову отрубят, скорее всего. Опытный воин ударит так, что сам не замарается, а кровь фонтаном и голова по земле катится. И возни немного, и страху нагнать

ровно столько, сколько нужно.

– Запомните – сейчас вы все равны.

Повинуясь жесту, двое нэрлих пригнули сопротивляющегося пленника к самой земле, третий без лишней жестокости перерезал горло. Затем равнодушно нагнули к земле и перерезали горло следующему. После чего тела закопали... Новая странность: стража хоронила сама, хотя должна была приказать сделать это кому-то из тех, кого везли в караване.

Ночью Тарья проснулась от того, что соседка встала и отошла от костра, где спал их десяток. Магичка подстроила слух, стараясь разобрать шепотки.

– ...валить отседова.

– Когда и как?

– Да прямо сегодня ночью. Пока думают, что все обосрались от страха.

– Я в деле.

– Тогда через две свечи около нас. Как лагерь окончательно заснёт.

Тарья усмехнулась: четверо балбесов решили бежать? Ну-ну. Девушка зевнула, мысленно пожелала им провалить попытку и получить за это всего лишь плетей. Повернулась на другой бок и заснула. Снег ещё не лёг, но в степи уже началась зима. Ночью даже возле костров и внутри защищавших от пронзительного ветра фургонов было холодновато. А вокруг лагеря – голая земля и заиндевевшая трава. Хорошо снаряжённый уроженец здешних мест в это время в одиноч-

ку – и тот запросто мог погибнуть. Чего уж говорить о приехавших с тёплого приморского побережья горожанах, собравшихся уйти без припасов и почти без тёплой одежды?

Утром выяснилось, что Тарья судьбу четвёрки предсказала верно. Трёх мужиков и женщину не стали преследовать. Лишь задержались на полдня с отправкой, чтобы отыскать замерзшие трупы и привезти обратно. Молча их продемонстрировали остальным в караване и тоже без комментариев закопали. Урок понял каждый, больше попыток уйти не было.

Впрочем, и в караване холод и ветер были опасными соседями. К середине пути многие ходили с сиплыми голосами или насморком. Очередным утром Тарья проснулась от того, что рядом кто-то сильно кашлял. Девочка Саннива. Тарья была неумелым, но магом, потому легко определила причину. Впрочем, озноб, одышка и температура всё сказали и остальным. Воспаление лёгких. За время путешествия в одном фургоне с её матерью Тарья сошлась: женщина хоть и выглядела на сорок пять, оказалась не такой уж и старой. Всего двадцать семь. Милтрита была женщиной тихой, но с железным характером. Дома, в Королевствах, её угораздило оказаться служанкой одного мага из очень старых. Свой возраст такие чародеи останавливали годах на пятидесяти, но после двух веков жизни нормальные утехи с девушками многих уже не возбуждали. Жили игрушки подобных магов лет до тридцати пяти – сорока, и то если хозяин попадался

добрый и как надоедала, давал девушке денег хотя бы на лекарства. Милтриту же хозяин выгнал без гроша за душой в двадцать, едва узнал, что служанка понесла. Тарью восхищало, что женщина не только до сих пор жива, но сумела родить и вырастить дочь... И вот теперь можно хоронить обеих. Таким соплячкам на рынке ломаная медяшка цена, их обычно не штуками, а сразу дюжинами торгуют. Никто возиться не будет. Через пару дней на очередной стоянке похоронят дочь, а следом и мать, которая видела весь смысл жизни в ребёнке.

Милтрита тоже всё понимала. И в её глазах было столько тоски и боли, что Тарья не выдержала. Да, она раскроет свою тайну. Конечно, без лекарств и на ходу не справится даже маг из Академии Синклита, не то что недоучка. Но хотя бы облегчить страдания и попробовать подарить неделю жизни Тарья сможет. Уже открыла рот предложить... Когда слышались шаги. Первое мгновение сердце провалилось куда-то вниз: шли стражники, сейчас девочку попросту прирежут, чтобы не мучилась и не задерживала. Но следом шагал караванный целитель!

По приказу целителя девочку от костра занесли в фургон, мужчина её осмотрел. Раздражённо высказал матери:

– Вы раньше послать за мной не могли? Обязательно надо доводить до крайнего случая?

К удивлению матери и заглядывавших из-за её плеча остальных, целитель достал из сумок стеклянный цилиндр

со стальной иглой и несколько небольших запаянных стеклянных сосудов. Некоторое время хмурился, что-то прикидывал, а потом вскрыл два сосуда и смешал содержимое. Когда всё было готово, мужчина уколол девочку иглой, ввёл в вену содержимое цилиндра. Положил на рот что-то вроде небольшого листа. И лишь после этого Тарья ощутила ток магии, но слабый: целитель помогал лёгким и заодно сделал так, чтобы эфирные масла с листа потекли через рот в бронхи. Наверняка, будь у него под рукой сосуд для ингаляций – такой был у семейного целителя в графском доме отца – магия не понадобилась бы вообще.

– Дополнительный обогреватель я пришлю, загляну вечером. Из фургона больную не выносить. Станет хуже – немедленно звать меня.

И ушёл, что-то недовольно бурча себе под нос. Мать осела на землю, опёрлась спиной на колесо и беззвучно заплакала. Тарья усмехнулась: всё, если девочка выживет – Милтрита за своих благодетелей кому угодно горло перегрызёт. Каждому своя цена... Интересно, а на остальных тоже приготовлены свои ошейники? Додумать не получилось. Сердце внезапно резануло болью памяти: вспомнилось, как на её руках умирала младшая сестра, а ни Тарья, ни знахари не могли сделать ничего. Если бы к ним тогда пришёл этот целитель со своими загадочными снадобьями...

Дорога через Степь закончилась в месте, похожем на владение богатого дворянина. Большой кусок земли отгородили

высоким забором из сетки, в дальнем углу высился большой трёхэтажный дом красного кирпича. Зимой смеркалось рано. Когда за караваном закрылись ворота и все выбрались из фургонов наружу, строение уже всю сверкало невиданными магическими огнями, щедро усеявшими оконные стёкла отблесками и зайчиками света. Как положено в крепком хозяйстве, в дальней части двора расположились с десятков длинных одноэтажных зданий, что-то вроде амбаров или складов. Впрочем, едва загорелись остальные светильники, Тарья поняла, что ошиблась. Нет, половина приземистых домов и в самом деле оказалась складами. Но в остальных были окна. И тоже сверкали стеклом!

Почти сразу дорожную охрану сменили люди из поместья. Новый начальник скупыми фразами объяснил:

– Вы будете жить здесь, – ткнул он пальцем в сторону низких домов. – Ужин, мыться и спать.

И ушёл. А Тарья и остальные, один за другим, потянулись к домам. Оказалось, что возле каждого входа стоял слуга. И как только в доме заканчивались свободные койки, он закрывал дверь и махал «идите дальше».

Обстановка внутри и отношение тоже удивили. Для начала сытно накормили, каждому выделили свой лежак с тюфяком и одеялом. Женщин разместили в одной половине, мужчин через ширму до потолка – в другой. После плотного ужина и от тепла все расслабились, начались разговоры, пока охрана не видит. Тарья напряглась: не могут здешние хозяева

быть настолько глупы, чтобы оставить гостей без присмотра. Через какое-то время догадка подтвердилась. Несколько мужиков затеяли свару на пустом месте, кто-то кому-то дал в морду. Та самая тётка, которую ещё в начале пути Нэрсис прогнала из фургона, устроила скандал. Потребовала от Милтриты, чтобы «соплячка убралась от печки, нечего мелюзге хорошее место занимать». Сразу же возникла стража, скандалистов увели. Отточенное годами чувство травленного зверя подсказало Тарье, что больше их никто не увидит.

Утро выдалось тёплое и неожиданно солнечное, к тому же людям разрешили выйти на улицу. Ночью выпал снег, разгрести его не успели. Поместье превратилось в серебряное царство зимы. После полумрака комнат глаза сразу же слепли в океане хрустально-чистого молока. Словно холст дорогой серебряной парчи снег блестел и переливался под скухими лучами бледного розовато-жёлтого солнца. Пышно и вместе с тем как-то загадочно стояли высаженные вдоль одной из сторон забора ели, окутанные белой рыхлой тканью. Тарья заметила, что на ветках некоторых деревьев развешаны кормушки, куда уже заглянули подкрепиться незнакомые небольшие птицы с розово-серыми или карминно-красными перьями на груди. Накатило радостное настроение, назло разуму, который тревожно пытался кричать, что впереди ждёт неизвестность.

Сразу после завтрака по общежитиям прошёл маг в сопровождении троих охранников. Это было привычно: буду-

ций хозяин – если он хороший хозяин – обязательно проверит, не принесла ли новая прислуга опасную заразу с собой. Заодно определит, кому какую работу можно дать. Иначе поставишь вроде крепкого на вид мужика, но с плохим сердцем, скажем, воду качать – а он через пару месяцев помрёт. Чистый убыток. Приказ закатать рукав рубахи и обнажить предплечье с клеймом заставил поморщиться: напоминание, что и здесь Тарья будет на положении парии. Маг равнодушно приложил к клейму незнакомый амулет в виде стальной коробочки с циферблатом как у часов, запахло грозой. Стрелка задёргалась. Маг удовлетворённо кивнул и пошёл дальше. У Тарьи перехватило дыхание так, что аж потемнело в глазах: клеймо Синклита бесследно исчезло!

Собравшись с силами, едва маг отошёл, Тарья шепнула подруге:

– Клейма нет. Мы свободны!

И прочитала в глаза Нэрсис ответ: вот она верёвочка, на которой удержат нас. Списки клеймёных хранятся в архивах Синклита, традиция с тех времён, когда чары были несовершенны. Или мы здесь, даже если придётся драться – или обратно, где в любой момент опознают и сразу отправят в Лин, а то и просто на кладбище.

Пьяное от счастья состояние проходить никак не желало, поэтому общее собрание и рассказ про будущее прибывших с караваном, Тарья пропустила мимо ушей. Впрочем, разум вычленил и запомнил главное. Дальше все переезжа-

ют в обучающий лагерь, где новенькие учат язык и местные законы. Как сдадут экзамен – самый первый контракт выбирают только из предложенных начальством, заодно из него потом вычтут стоимость жизни в лагере. Чем быстрее выучишься, тем меньше отдашь из заработка... На этом толпа ненадолго негромко пошумела, но возражений ни у кого не нашлось. Все давно усвоили, что даром ничего не даётся, а по меркам людских королевств условия были достаточно щедры. Остальные пункты Тарья выбросила из головы. Детей у неё не было, и требование водить ребёнка в государственную школу Тарью не касалось. Да и становиться гражданами подруги не собирались.

Лагерем оказалась огороженная глухим высоким забором территория с парой десятков пятиэтажных жилых и учебных корпусов. Узнав, что каждому из новоприбывших полагается свой угол, Тарья, когда до неё дошла очередь на распределение, набралась храбрости и поинтересовалась у пожилой тётки за конторкой:

– А на две койки комнаты есть? На меня и подругу.

Тётка буркнула:

– Семейным.

Потом подняла взгляд и подозрительно поинтересовалась:

– А зачем это двум молодым девушкам семейная комната?

Или вы?..

Тарья ощутила, как краснеет: тётка решила, что они любовницы.

– Н-н-нет, вы не так поняли. Просто мы давние друзья, встретились ещё до приезда и вместе поехали...

– Тогда не положено.

Тут вмешалась стоявшая за спиной Мильтрита.

– А четырёхместные есть?

– Да.

– Тогда на них, меня и дочку.

Когда все четверо оказались в комнате, а дверь захлопнулась, отсекая звуки, Милтрита хитро посмотрела на подруг.

– Не ждали? Считайте, отблагодарила за то, что ещё вначале ту склочную бабу от нашего десятка отшили. С первого дня мне кровь портила. А дальше у меня предложение. Я тут уже успела кое-что разузнать. Самое выгодное, если контракт берёт не один человек, а десяток. Нас трое, ещё семерых отыщем. Вместе и учиться легче, и потом легче.

Подруги переглянулись: соседка права. Нэрсис ответила за обеих:

– Согласны.

– Тогда пошли обедать. Я тут по дороге что-то вроде едальни видела. И питание уже узнала – бесплатное тоже. А потом за одеждой.

В едальне, которая здесь называлась «столовая», Тарья и Нэрсис снова ошарашенно переглянулись. На двух языках на стене висело меню с разъяснениями. Что входит в бесплатный обед, за что придётся доплачивать. Отдельно рядом также на двух языках висел листок, на котором перечис-

лялись необходимые в лагере работники с тарифом оплаты труда. Например, после занятий или утром пойти в помощь дворнику. Удивляло уже то, что за это платили – хотя просто могли погнать приказом. Причём платили по меркам Королевств, если прикинуть цены на питание и посчитать, очень неплохо.

Впрочем, и бесплатный обед был вполне себе роскошный. Тарья поначалу с осторожностью, а потом уже наслаждаясь вкусом, съела и незнакомый красный суп, и второе. А сладкая булочка десерта и компот вызвали ностальгию по годам в Маркасе, когда она работала на одну шайку, вскрывавшую дома торговавших пушниной купцов – и могла себе позволить очень много.

Нэрсис сыто откинулась на спинку стула и с лёгкой тревогой произнесла:

– Вкусно. Даже слишком.

– Слишком вкусно не бывает.

– Это тебе не бывает. Ты у нас маг, потому о фигуре можешь не беспокоиться. А я на такой диете потолстею.

– Так не ешь, – съязвила Тарья.

И осеклась: подруга наградила её недобрый взглядом, а потом мечтательно посмотрела на ту часть зала, где на стойках стояли подносы с пирожками и разнообразные десерты.

– Сама сможешь? Вот и я нет. Точно в дворники срочно записываться.

– Ага, – рассмеялась Милтрита. – Утром втроём жирок

сгонять, а в обед набирать обратно.

Месяцы, пока изучали язык и местные законы, всем десятком обсуждали, что лучше выбрать. В итоге сошлись на контракте на одном из заводов по изготовлению тканей. Сразу после экзамена подписали, тем же вечером за всеми заехал автобус и отвёз на завод. Там всех встретил зевающий бригадир. Коротко объяснил распорядок и то, что до окончания первого контракта живут все в общежитии при заводе. Выход в город по выходным. Развёл новичков по двухместным комнатам и ушёл.

Тарья растянулась на кровати и довольно сказала:

– Живём. А ещё никак не могу отделаться от ощущения, что всё ненастоящее. Слишком...

– Шикарно для простых работников, – хмыкнула Нэрсис.

И обвела рукой комнату. Каждой работнице свою кровать, которую не придётся ни с кем делить, причём сразу с бельём. Небольшой шкаф для вещей и одежды. Комната не каморка в подвале, а третий этаж, причём стены внутри покрашены, а не голый сырой кирпич. Между кроватями хватает места, чуть повернувшись боком, нормально пройти к окну. Настоящему окну, а не узкой щели. И окна – застеклённые. Вдобавок душ и санузел – прямо на этаже. Хотя точно также было устроено и в лагере, привыкнуть, что не надо бегать на улицу и мыться ледяной водой, до сих пор получалось с трудом.

Нэрсис сразу приоткрыла форточку, и в комнату потекли запахи нагретого на солнце камня, мокрого и уставшего от

жаркого апрельского дня. Стало слышно, как дворник шаркает метлой по дорожкам вдоль забора.

Утром девушки встали ещё до того, как по этажу прошёлся дежурный. Обоих охватило лихорадочное нетерпение. Без преувеличения первый день новой жизни. Оказалось, остальные из десятка тоже уже не спали. Чуть опоздала в столовую лишь Милтрита, отводила дочку под присмотр воспитателя. Остальные на это поцокали языком – удивительное дело, в королевствах-то дети или с родителями шли на мануфактуру, помогать, или если не могли – дома оставались. Долго удивляться ещё одной странности не было времени. Милтрита сразу взяла завтрак в свои руки, сразу выяснила, за какой стол садиться и как заказывать в раздаче еду. Дальше повела товарищей за собой...

Оказалось, что здесь, как и дома в Королевствах, есть традиция знакомить новых работников с мастерской целиком. Кроме каких-то секретных мест, конечно. Пусть новичок поймёт, куда попал. Трепещет. Но если дома, как шепнула подруге Нэрсис, знакомая с отцовской мануфактурой, больше старались пустить пыль в глаза – то здесь не надо было врать совсем. Всё говорило само за себя. Машины, которые тянули пряжу из волокон, делали разрыхление, трепание и расчёсывание. Деловито шуршали мотальные машины, перематывая пряжу с мотков на бабины – как пояснил сопровождавший мастер, это делалось для увеличения длины нитей. А уж огромные ткацкие станки заставили Тарью по-

терять дар речи. Девушка перевела названное мастером количество ткани в привычные меры и мысленно присвистнула: каждый такой станок давал столько же ткани, сколько все ткацкие мастерские её родного графства вместе взятые. Да и само плетение... Ровное, без просветов, когда в структуре ткани неравномерно свиваются нити. Шерстяные ткани, льняные и вовсе незнакомого искусственного волокна.

Заодно Тарья поняла, откуда появились тюки с необычной плотной фланелью и шерстяным сукном, которые как-то попались их шайке в одном из караванов. Купец тогда, едва понял, что убивать его не будут, а лишь мзду возьмут, разговорился. Хвастался, как сумел обмануть степняков. Редкая, сложная для выделки материя всегда в цене, а приграничные кочевья, не знавшие цен на базарах побережья, брали за отрезы не так уж и дорого. Тогда и главарь, и остальные парни удивлялись: откуда у степняков настоящие мастера? Да ещё смеялись: глупцы, такой товар и так задёшево отдать. А дураками-то, оказывается, были они все, начиная с купца. Со своим немалым опытом, пусть очень примерно, но стоимость одного отреза фланели Тарья сейчас прикинуть могла. И получалось, что если купец не соврал, нэрлих с него содрали самое меньшее четыре цены.

Первая неделя пролетела быстро. На новичков никто не орал, наоборот, к каждому приставили опытного работника. На заводе трудились в основном выходцы из Королевств. Сами начинали не так уж давно – из пятисот человек две тре-

ти ещё не отработали своего двухлетнего контракта. Потому наставники хорошо понимали, с чего начать и как новичков учить. Вдобавок выяснилось, что телесных наказаний на заводе не просто нет – любое рукоприкладство запрещено, а система штрафов и поощрений утверждается директором и не зависит от цехового мастера. Да и рабочее время строго нормировано. Уже в конце первого дня весь десяток сошёл на том, что если рай, про который любили нудеть жрецы, и существует – то выглядит он примерно также.

Жилой комплекс при заводе включал не одни лишь общежития, но и магазин, и места поразвлечься. Можно было все два года не покидать территорию и не скучать. Но, получив свой первый выходной, Тарья и Нэрсис решили выбраться за ограду. Поразмяться после нескольких недель за забором и заодно посмотреть ближайший город.

Стоило выйти из проходной, как голова закружилась от огромного необъятного пространства. Вокруг завода до самого горизонта уходили поля льна и крапивы. Бесконечная равнина, смыкавшаяся с такой же плоскостью голубого неба. Лишь где-то вдалеке лесозащитная полоса деревьев.

До города ходил автобус. И в небольшой толпе ожидавших на остановке, к своему удивлению, подруги столкнулись с Милтритой.

– С добрым утром. И ты тоже погулять? – сразу улыбнулась Тарья. – Не хочешь составить на первый раз компанию? Женщина покачала головой.

– Извините девочки, нет. Я тут узнала насчёт центра, где можно доучить язык, чтобы потом сдать на гражданство. Ну и ещё одни курсы, тоже для того.

Нэрсис пожала плечами, Тарья вслед за ней. Для них, как и для всех, с кем подруги успели пообщаться на заводе, непонятное «гражданство» выглядело красивой безделушкой. Язык надо хорошо знать, лишние обязанности будут, больше налогов платить придётся. И зачем? С другой стороны, Милтриту тоже понять можно. Сколько ей осталось? Три-пять лет в самом лучшем случае, не больше. Зато если она станет гражданкой, заботиться об осиротевшей дочке будет Сенат. Ради этого можно и постараться.

К стёклам автобуса подруги прилипли сразу, не стесняясь насмешливых взглядов попутчиков. Сначала шли поля, промелькнула небольшая деревня, при виде которой Нэрсис удивлённо поцокала языком:

– Странные тут люди живут.

Тарья молча кивнула, соглашаясь: почему-то дома и часть построек была огорожена самой настоящей крепостной стеной, сторожевые башни по углам. С дороги виднелись лишь крыши. И при этом по людям не скажешь, что живут под угрозой постоянных набегов. Слишком весёлые и беззаботные, в полях полно детей. Группка совсем уж сопливых мальчишек, лет девять самое большее, рыбачила с моста километрах в десяти от деревни. И никто их не гонял – слишком далеко от укреплений ушли. Впрочем, всего через чет-

верть часа странная деревня была забыта. Показался город! Ещё издали небо подпирали исполинские башни не меньше двадцати этажей в высоту. И никаких крепостных сооружений.

Автобус высадил пассажиров на автовокзале, все сразу разбежались по своим делам. Подруги медленно пошли вдоль улицы, глаза по сторонам. В глазах рябило. От множества людей и нэрлих, которые шли в разные стороны. От машин, время от времени пронесившихся по улице. Тарья сразу попробовала способностями мага прицепиться к одной такой, посчитала скорость – и не поверила. Железяка без капли магии мчалась пятьдесят километров в час. И тут же Тарья над собой посмеялась, причём дважды. Ведь автобус наверняка ехал также быстро. Просто изнутри незаметно, да и она не догадалась проверить. А второй раз улыбнулась тому, что и полугода ещё здесь не живёт – но уже меряет всё не знакомыми с детства лигами и локтями, а метрами и километрами. И даже через раз пытается думать на русском.

Когда первая оторопь немного прошла, подруги начали присматриваться к окружающему внимательнее и сравнивать впечатления. Город очень широкий, особенно ближе к центру. Дома расположены далеко друг от друга, не то, что в Королевствах, где здания лепятся стена к стене – слишком мало свободного места внутри укреплений. Много зелени, кажется, деревья и газоны занимают каждый свободный пятчок. Около памятника раскинулся небольшой сквер, где из

кустов сделали мини-лабиринт. А ещё прямо на газонах кто-то сидит, тут же носятся и играют дети. И никто никого не гоняет, не ругается, что люди вытаптывают траву – хотя наверняка всё принадлежит городу, который на такую красоту немалые деньги тратит.

– Ой, смотри, мороженое! – заметила Тарья киоск и прочитала по складам вывеску. – Пошли.

В Нэрсис разыграла купеческая жилка. Зима давно закончилась, теперь мороженое удовольствие не из дешёвых.

– Может не стоит? С деньгами не густо.

– Пошли-пошли. Ты просто не понимаешь! Для меня мороженое – это... Я дома его обожала, а потом...

Нэрсис, глядя, как загорелись глаза подруги, и аж руки задрожали от нетерпения, хмыкнула: всё с тобой понятно. Простолюдины с подобным лакомством незнакомы. Жить в воровской гильдии на правах обычной взломщицы и спустить добычу на мороженое – это как выйти на площадь и громко прокричать полный титул. Второе безопаснее, могут принять за сумасшедшую и не поверить.

– Пошли.

Около киоска обеих ждал маленький, но крайне приятный сюрприз: в новой стране, как и множество других вещей, мороженое стоило невероятно дёшево. Если брать пломбир в вафельном стаканчике и без варенья-наполнителя, каждая смогла купить себе по три порции и не заметить трат. Но идти по улице с таким количеством мороженого в руках было

неудобно, поэтому подружки вернулись назад к скверу и сели на лавочку.

Первую порцию Тарья проглотила чуть не целиком, так забавно извадюкавшись в мороженом, что Нэрсис не удержалась и рассмеялась.

– Что ты понимаешь, – буркнула Тарья. – Я знаешь сколько лет об этом мечтала?

– Хорошо, когда мечта сбывается, – вздохнула Нэрсис.

– Откуда такое настроение? – Тарья легонько пихнула подругу локтем в бок, чем заработала укоризненный взгляд со стороны Нэрсис: она чуть не выронила стаканчик с мороженым.

– Потому что я мечтаю вернуться Балвин. И не пиратом, а так, как должна была бы. Купцом или нотариусом. Я с детства о таком будущем мечтала. В десять лет за старшего брата домашние задания делала, которые ему учителя задавали. А он за это, – Нэрсис хихикнула, – учил меня тому, чего «девушке из хорошей семьи знать не положено».

Тарья сделала вид, что щёлкает подругу по носу.

– А ну выбросить на помойку такие мысли. Мы живы, мы свободны, и не вечно же работать на заводе. Нам всего двадцать один, вся жизнь впереди. Увидишь ещё свой Балвин. А пока пошли. До вечера я хочу осмотреть как можно больше.

Глава 2. Пойди туда, не знаю куда

Больше всего Андрей Северин не любил бумажную волокиту и разнообразную отчётность. При этом как руководитель одного из факультетов Военного училища вынужден был самое меньшее пару часов в день проводить за письменным столом, разбирая разнообразные бумаги. Вот и сейчас он с тоской посмотрел сначала на заваленный документами стол, потом бросил взгляд за окно на улицу, где догорал весенний день. Солнце медленно опускалось к горизонту. Уже не обжигающее и слепящее, как ещё несколькими часами раньше. Свет мягко лился на уставшие дома и крыши.

Город словно замер после трудовой недели: в открытую форточку почти не слышны гул машин и гомон людских голосов, зато терпко и густо пахла сирень. Хотелось бросить всё, пойти в парк, бездумно лечь на траву. И смотреть... Андрей даже представил себе. Диск солнца окрасится в ярко-оранжевый цвет, чем ближе он к земле – тем становится больше. Вот уже солнце подсвечивает облака на небе снизу, и они приобретают лёгкий розоватый оттенок. Когда солнце коснётся нижним краем кромки горизонта, начнутся вечерние сумерки. Сегодня на небе много облаков, потому сумерки будут расцвечены всевозможными красками заката – от ярко-жёлтой до приглушённо фиолетовой. Солнце будет неторопливо прятаться, глядя лучами кожу лежащего чело-

века, травинки и ветви деревьев. А потом резко нырнёт за горизонт. Лишь в небе ещё некоторое время будет гореть блеклое зарево в том месте, где провалился солнечный диск.

Андрей зажмурился, словно наяву всё это ощутил. Потом с мысленным стоном заставил себя открыть глаза и сесть за стол. Положил перед собой папку с самыми срочными документами. Вчитался... и вслух начал ругаться. На всех языках, какие знал. Там на подпись лежали сметы и наряды-заявки на снаряжение и оборудование для полевых занятий летних тренировок его факультета. По отдельности всё вроде бы нормально, а если сложить вместе – получалась ерунда. Первый чиновник выписал всё с небольшим отклонением в одну сторону, второй – в другую. Надзирающий контролёр не обратил внимание. И теперь, если снаряжение будет отгружено и завезено по лежавшим в папке документам, на половине учебной программы смело можно ставить крест.

Скандалить Андрей пошёл на следующий день прямо с утра. И сразу в министерство к начальнику департамента снабжения: должность и звание это позволяли. Пусть хоть весь свой департамент на уши поставит, но чтобы всё исправили и правильно сформированные заявки как можно быстрее ушли на склады и в отгрузку. Перед толстой, не пропускающей звук дверью нужного кабинета Андрей на миг замер, резко выдохнул. Натянул на лицо маску разъярённого дракона, которому встали на хвост. И вошёл.

– Здравствуйте, Герман Павлович...

Поздоровался Андрей больше по инерции, так как сразу заметил – по информации в приёмной начальник департамента один и свободен, но на самом деле в кабинете ждёт второй человек. Майор Каменев был невелик ростом, румян, весёлая улыбка и небольшое брюшко делали его похожим на добродушного безобидного дяденьку, который полжизни проработал вахтёром-охранником в детском саду, за своей конторкой состарится и умрёт. Каменев был из тех гостей, которых Андрей видеть желал в последнюю очередь. Числился майор в том отделе Службы Безопасности, который занимался особо деликатными делами и особо вонючей дрянью.

– Здравствуйте, генерал Северин. Генерал Зеленихин любезно согласился мне помочь.

На этом Каменев заработал кислый взгляд генерала: попробовал бы тот отказать личному представителю директора СБ с комплектом бумаг за самыми убойными подписями. Андрей на лице не отразил ничего, но есть много других способов показать недовольство: поза, «непроизвольный жест», взгляд. Каменев всё наверняка заметил и понял, но продолжал также любезно.

– С вами хотят поговорить, не привлекая лишнего внимания. Вот.

Каменев вручил бумагу с инструкциями за подписью начальника СБ генерала Гальбы. Андрей прочитал несколько строчек, затем прямо на месте уничтожил лист в шредере.

Потом вышел из кабинета. По дороге ему попало немало знакомых. Многие, оказывается, слышали о коллизии со снабженцами и, глядя на сумрачное лицо Северина, декану спецфакультета сочувствовали: неделю в пустопорожней беготне теперь потерять, не меньше. Андрей в ответ бурчал стандартные слова-отговорки в духе «бывает, разберёмся». Про себя же гадал, чего такого накопил Гай, если ему понадобились участие именно Андрея и такая сложная операция прикрытия? Для всех, включая подчинённых, начальник факультета сначала будет бегать и ругаться с чиновниками, а потом уедет всё проверять лично, чтобы ещё раз не напортачили. С учётом выявленных в первом выпуске его факультета недочётов в подготовке, такая дотошная придирчивость к полевым лагерям знавших характер Андрея не удивит.

В затерянном в глубине здания Сената кабинете, куда и назначил прийти начальник СБ, ждал Гай... А ещё сидели лично председатель Сената и адмирал Рот. По спине у Андрея сразу пробежал холодок, нехорошо засосало под ложечкой, и зачесался бок: ещё в прошлой жизни Андрей получил туда ранение, едва не отправившее его на тот свет. Это что же такое поганое творится, если задачу он сейчас будет получать непосредственно от руководства всей колонии?

– Майор Северин, – сразу начал Рот. – Вы ведь наверняка помните, что говорится в пророчестве Мэргена?

Гулявший по спине холодок превратился в ледяной ураган. Для начала – звание Андрей носил двойное, в зависи-

мости от текущего рода занятий. И раз адмирал обратился не «генерал Северин», а напомнил про чин, который Андрей имел в Управлении спецопераций, задача дурно пахла. Впрочем, это было ясно уже после встречи с Каменевым. Но вот пророчество в нагрузку... В Академии города Дархана нэрлих и люди пробовали совместить магию шаманов и науку Земли. Заодно отыскать возможность не только магам, но и всем остальным прожить не меньше полутора столетий. В звёздном будущем варианта истории Андрея и адмирала Рота, откуда они и бежали в двадцать первый век, уже доказали – это возможно. Но повторить успех в новом мире пока не получалось. Тысячи проб и экспериментов. В конце прошлого лета назад Хозяин тонкого письма Великий шаман Мэрген попробовал заглянуть в грядущее. Для такой тонкой материи, как тропа знания, это не всегда удаётся и как правило предсказания не очень точны. Но и маленькая подсказка может сэкономить десятилетия...

Четыре года назад, когда после катастрофы Ульяновская область поменялась местами с Орденем, с ближайшими соседями – нэрлих – удалось договориться мирно. Разовая стычка с любителями набегов и дармовой поживы была не в счёт. Скорее наоборот, помогла оценить силу друг друга, заодно подсказав путь взаимовыгодного сотрудничества, вплоть до создания Альянса. Рискованная попытка прозрения вместо видения научного эксперимента принесла картины кровавой бойни. Несколько вариантов возможного бли-

жайшего будущего. Северин входил в число немногих, кто помимо Сената и Великого кагана был знаком с предупреждением старого шамана о близкой войне. Пророчество начало сбываться?

– Так точно, мой адмирал.

– Мы пока не уверены на сто процентов. Но дело связано ещё и с наследием Ордена.

К бродившему вдоль позвоночника ледяному холоду добавил неприятный привкус во рту. То ли кислый вкус рвоты, то ли солёный крови и гари. Если на территории землян найдётся что-то от Ордена Запретного знания в рабочем состоянии, а слухи дойдут до Синклита магов – внимания не избежать. А это означало немедленную тотальную войну на уничтожение, к которой они не готовы даже близко. Выводы отсюда получались совсем нехорошие. Вдобавок, руководят операцией явно генерал Гальба и адмирал Рот. Белозёров же присутствует при инструктаже лично, скорее всего, по одной единственной причине.

Рот продолжил:

– Неделю назад вот в этом квадрате, – карандаш тонкой линией отчертил на разложенной карте кусок в Пустых землях, – работала одна из экспедиций. Она передала сообщение, что нашла нечто крайне необычное и важное. Какие-то свежие, не больше ста лет, остатки сооружений. И замолкла, разговор оборвался на середине. Координаты передать не успели.

Андрей мысленно поморщился: самый плохой вариант. Были бы вместо гражданских учёных люди грамотные, первым делом сообщили бы координаты. Но военные два года утюжили полосу между колонией и Покинутым королевством. Не нашли ничего минимально опасного и отдали исследования на откуп гражданским биологам, ошалевшим от свалившегося на них счастья. Похоже зря.

– Следом потеряна связь с группой подстраховки. Разведка с воздуха не дала никаких результатов. Словно обеих групп не было вообще. Вдобавок район накрыли мощные радиопомехи.

Андрей опять мысленно чертыхнулся. Автономные беспилотники для колонии пока оставались за пределами технических возможностей. Только прямое управление в реальном времени по радио. Теперь нельзя заранее прошерстить мелким ситом район с воздуха, а он останется без связи.

– Три дня назад в район углубилась спасательная группа в составе БТР и тридцати человек личного состава. Связь поддерживали ультракороткими волнами и оптикой через систему ретрансляторов на аэростатах. Одновременно шло наблюдение с воздуха. Через шесть часов ретрансляторы последовательно отказали. По обрывочным кадрам атакованы птицами. Высланные следом вертолёты нашли группу.

Адмирал на пару секунд замолчал. Андрей подобрался.

– Спасательная экспедиция уничтожена. Причём выглядит всё, будто сначала подрвался БТР, затем началась ата-

ка. И нападавшие имели трофейное огнестрельное оружие. Вертолётчики вывезли двадцать трупов, у шестерых огнестрельные ранения пулями автоматов. Дальнейшую эвакуацию тел провести не получилось. У очередного экипажа на взлёте резко ухудшилось самочувствие. Мы обязаны учитывать, что это воздействие региона.

Тут заговорил Белозёров.

– Майор Северин. Вам приказывается провести разведку квадрата. Уровень вашего задания с этого момента – красный-альфа. Плюс статус зеро.

Андрей закусил губу. Как он и предполагал, глава Сената тут именно для этого. Только он имеет право добавить к задаче статус зеро: теперь майор Северин по результатам разведки может требовать всё, вплоть до начала мобилизации и полномасштабной военной операции в секторе. Если посчитает угрозу достаточной. И его рекомендации начнут исполнять немедленно, не теряя времени на перепроверку информации.

Два следующих дня, якобы воюя с бюрократами, на деле Андрей знакомился с материалами, выводами аналитиков и лично осматривал тела погибших. Дальше «отыскалось решение с тренировками курсантов». Поскольку часть снаряжения уже была отгружена с ошибкой, а времени вывозить и завозить правильно уже не хватало – решили провести намеченную на следующую неделю фазу на базе одного из мотострелковых полков. Одновременно пригласить по-

участвовать несколько отрядов нэрлих, которые осваивали на полигоне современное оружие. Опытные, проверенные в набегах воины, с полным комплектом шаманов. Армейское командование инициативу поддержало и организовало всё в рекордные сроки. Получались внеплановые учения, где можно отработать и внезапную проверку боеготовности, и взаимодействие двух войсковых единиц разных народов. И заодно опробовать «внешнюю атаку» – когда степняки, уже знакомые с автоматами, попробуют напасть с помощью обычных для остального мира вооружений и тактики.

Всех использовали втёмную. Через неделю, когда к учениям и стрельбам боевыми патронами всё было готово, Андрея догнал приказ: срочно сформировать группу для поиска переставшей выходить на связь научной экспедиции. Именно майор Северин в своё время отвечал за разведку местности со стороны Брошенных земель, и большую часть территорий оттоптал лично. Вдобавок был одним из самых опытных по части исследований чужих миров. Никого не удивило, что во главе группы встал именно Андрей. Про «код зеро» не знал даже заместитель. Хотя своему ученику, которого Мэрген прислал в помощь разведчикам, Великий шаман мог что-то и шепнуть. Но выпрашивать парня Андрей не стал: всё равно соврёт, и оба будут знать – соврал. Так зачем лишний раз создавать ненужное напряжение и недоверие внутри группы?

Перед тем, как идти самому, майор Северин приказал

провести разведку с воздуха со случайного направления в дальнем углу сектора. Следом с того же направления постоянно поддерживая связь, на десять километров углубился отряд при двух БТР и сразу отошёл назад. Андрей рассудил, что если происходящее – цепь случайностей, то это никак не повлияет на его маршрут. Если же внутри квадрата осталось что-то от Ордена, вплоть до самого невероятного – какие-то проснувшиеся автономные системы, по реакции этого «нечто» можно строить какие-то прогнозы. Заодно суета на дальнем участке неизбежно оттянет на себя ресурсы и внимание.

Люди и следящие системы ничего странного на земле не заметили ни визуально, ни в магическом фоне. Дирижабли опять были атакованы птицами... В этот раз в стаях были обнаружены в большом числе раньше почти не встречавшиеся птахи. Похожи на синиц, но с необычным стальным отливом оперения. На них обратили внимание в первую очередь потому что в этот раз «синиц» оказалось на порядок больше, чем в прошлый. И одновременно атаковали птичьи стаи вдвое яростней.

Получив информацию, Андрей мысленно чертыхнулся: «Чтобы тебя, всё-таки, похоже, Орден». И приказал выдвигаться.

За последний год район сильно изменился. Два года назад, во время последней пешей разведки местности, лес начинал редеть, распадался на рощицы и постепенно становил-

ся каменистой полупустыней. Сейчас наоборот: чем дальше от территории колонии, тем гуще стояли вперемешку липы и берёзы. Стоило пройти с десятков километров от точки выброски, как разведчиков встретили непроходимой зарослью ивы, ольха и остальные кустарники, которым положено расти на болоте. И никак не в сухом месте. А с трудом расцепляя ветки, стоило пробраться через «полосу препятствий» всего километр – и снова лес. Уже не лиственный, хвойный. Прозрачный и светлый. При этом стволами деревья напоминали прежнюю берёзу.

Едва очередной путник выбирался из зарослей кустарника и ступал на зелень травы и рыжую опавшую хвою, как невольно замирал на несколько мгновений. Лес переполняли птичьи песни, вой, стоны и крики зверьков.

– Тэк-тэк! – барабанная дробь дятла. – Кря-кряк! – вторила дикая утка на невидимом с прогалины лесном озерке, а ей швырчал и отвечал вовсе незнакомый зверь.

Словно все звуки собирались именно сюда. После ватной тишины зарослей это сбивало с толку. Андрей вопросительно посмотрел на шамана. Тот развёл руками:

– Магии нет. Ни здесь, ни в радиусе двух километров. Но почти наверняка сделано специально.

– Медленно вперёд.

Через четверть часа полоса прозрачного хвойного леса закончилась. Дальше день словно ещё совсем и не начинался. Над маленькими корявыми ёлочками и берёзками серой

мглой висело плотное белое одеяло тумана, глушило все звуки. Только слышался с непонятной стороны тягостный, щемящий и нерадостный вой. Андрей невольно сжался от накатившего холода: сырость, казалось, проникала сквозь тело к костям и студила изнутри. Сквозь туман пахнуло резким, одуряющим запахом полыни. Шаману происходящее не понравилось. Он ухватил висевший на шее амулет ладонью, второй рукой начертил в воздухе невидимый знак. Повинуясь колдовству, резко рванул злой ветер, выдувая в тумане коридор. Остальная хмарь осталась висеть, будто ничего не случилось.

– Бегом, – приказал шаман. – Выходим.

Стоило проскочить линию тумана, как опять начался лес. Бойцы двигались след в след, то и дело огибая могучие древесные стволы и перешагивая через корни. Андрей мысленно выругался, заодно обматерил разгильдяев-биологов, научную часть и службу наблюдения, которые проморгали всё на свете. Два года назад всего этого точно не было, а сейчас лес выглядит так, будто прошло несколько десятилетий. И ничего ни на одной карте. Вот что значит слепо полагаться на разово проведённую аэрофотосъёмку, объясняя всё нехваткой ресурсов.

Невозможно постоянно находиться в состоянии сжатой пружины. Очень скоро перегоришь и просто не сможешь вовремя среагировать на настоящую опасность. Да и идти в таком состоянии тяжело, силы расходуются вдвое быстрее.

Углубившись в лес километров на пять, бойцы чуть расслабились. Но ровно столько, чтобы не потерять боеготовность. На лес к этому времени понемногу начали ложиться сумерки. Минуту назад ещё пели и пересвистывались птицы, жужжали невидимые насекомые и светило яркое солнце. И вот уже сутки разделила грань между вечером и ночью, светлым временем суток и тёмным. Ещё не темнота, но уже и не день. Очертания деревьев стали совсем другими, в просветах ветвей на небе отчётливо проступили облака. Заметив подходящую поляну, Андрей скомандовал:

– Встаём.

Обычно разведгруппы идут под покровом темноты, а днём маскируются. Но в нынешней ситуации рисковать двигаться ночью не было смысла. Шаман тут же добавил:

– Костры. Открытые. И чувствую... не понимаю что.

Андрей и заместитель настороженно переглянулись. За исключением сообщения про развалины, остальную часть информации знали в группе все. Как помнили и про то, что когда-то эта территория принадлежала Ордену, который славился разнообразной гадостью, включая уникальные биологические аналоги охранных кибернетических систем.

Постепенно солнце окончательно скрылось за деревьями и за горизонтом. Сначала на небе оставались лишь розовый и жёлтый цвета, вскоре и эта неброская гамма тоже рассеялась. Небесный пейзаж и окружающий лес возрождался в сочетаниях белого и серого, стирая из мира даже тень го-

лубого и зелёного. Не заметить, когда уже нет ничего, кроме неровных линий, оставленных угольным карандашом на зернистой бумаге деревьев и неба. Из настоящего, а не нарисованного осталось только пламя двух костров. Жаркое, от золотого и рыжего до сочно-алого, оно сплеталось полупрозрачными языками с темнотой, трещало поленьями, светом отделяло часть поляны от окружающего мрака. Как тысячи лет назад: рядом с костром своё, за пределами – чужой мир, из которого глядит на тебя голодными глазами невидимый хищник. И чем дальше от огня, тем сильнее чувство беспомощности.

На рассвете шаман разрешил немного поспать. Посменно: четыре часа – одна половина бойцов, потом другая. И дальше идти решили днём. Если проснулась автоматика, ей время суток без разницы. Зато днём дальность эффективной стрельбы выше. Уже к двум часам дня лес сменился ковром изумрудной травы. Ровная твёрдая степь, не считая редких балок и оврагов да островков леса. Самые обычные дуб, клён и бук, но возрастом будто росли деревья не меньше столетия. От жаркого полуденного солнца – на небе ни облачка – трава парила. Воздух стал душным, спёртым, дышать тяжело. Чтобы не загнать себя, темп движения вынужденно снизили... Передний в цепочке неожиданно дал короткую очередь. Все вздрогнули. Замерли, ошетинившись стволами. Потом осторожно подошли к тушке на траве. Боец надел зачарованную перчатку из толстой резины и поднял зверька.

– Заяц. Обыкновенный.

– Ага, зубки и когти у него не травоядные. То-то эта хрень на меня бросилась.

В это мгновение один из стоявших в арьергарде разведчиков вдруг захрипел. Лицо налилось кровью, глаза застекленели. Автомат дёрнулся в направлении ближних товарищей, но потом отвернул. Очередь, опустошая рожок автомата, ушла в сторону. Тут же соседний боец сбил товарища подножкой, а шаман оказался рядом, ткнул пальцем в ухо. Сошедший с ума солдат замер. А на разведгруппу со всех сторон накатила волна химер. Собаки с единственным фасетчатым глазом и огромными клыками и когтями: в природе не нужны, но человека располосуют за один удар. Толщиной с мужское бедро гибкие змеи на сотне тонких ножек. Смесь паука и птицы.

Разведчики встретили врага кинжальным огнём. Ещё во время первого выстрела сошедшего с ума товарища группа сразу разбилась на двойки и заняла круговую оборону, перекрывая сектора обстрела. И сейчас шамана и бойца, тащивших раненого без сознания, прикрыли сразу четыре автомата. Птиценасекомых разорвало на части гранатами из подствольников, собаки от пуль с визгом и скулежом, будто обычные шавки, катились по траве. Лишь одна тварь, воспользовавшись короткой паузой, когда сразу у двух двоек закончились патроны, метнулась смазанной тенью и почти добралась до шамана. Но лежавший рядом боец специально

в отражении атаки не участвовал. Разрядил автомат в упор. Туша пролетела ещё метр, пачкая траву и человека кровью, и упала дохлой.

Атака закончилась также внезапно, как и началась. Андрей подполз к шаману. Про себя отметил, что тот вёл свою, невидимую битву: от напряжения носом у него пошла кровь. Показал на лежавшего без сознания:

– Как Горин?

– Скоро очнётся, – добавил длинную фразу ругательств на нэрлих и продолжил опять на русском. – Амулеты – тёмным демонам в задницу. Тут что-то новое. Точно Орден. Ментальная магия. Хорошо Горин сумел удержаться на краю морока. Дальше я прикрыл.

Андрей кивнул. Вот она, разгадка подорванного БТР и боя с применением автоматов. Если уж чуть не сумели захватить даже кого-то из его бойцов – тренированных и подготовленных ко всему, вплоть до разнообразных воздействий на разум и психологических обработок... А в прошлых группах были солдаты из обычных линейных частей. Боекомплект БТР подорвали изнутри. Потом драка среди своих, а дальше навалились мутанты.

Минут через пять боец очнулся. Как пьяный помотал головой, сел. Пришлось ждать ещё четверть часа, прежде чем он окончательно придёт в себя. За это время Андрей и остальные внимательно осмотрели мёртвые туши. Прикинули их боевые возможности в разной местности. И пришли к

выводу, что прорываться обратно по своим следам нет возможности. В лесу и в кустарниках отряд сомнут мгновенно. Андрей развернул карту, прикидывая маршрут. По дуге обойти пятна леса и через голую степь выбраться в зону действия радиосвязи. Там подберут вертолёты. Долго, зато ни одного места для внезапного нападения.

Андрей успел озвучить маршрут, группа прошла с полсотни метров. И тут шаман ни с того ни с сего порезал ножом ладонь, мазнул по щеке подвергшегося ментальной атаке бойца. И хрипло крикнул:

– Стой.

После чего громко сказал:

– Я не сразу почувал, еле видно. То, что атаковало разум, добавило... не знаю. Но оно глазами Горина и ушами всё слышало и видело. Маршрут известен. Я сейчас закрыл дырку. Точно закрыл. И ещё. Твари будут нападать, повинуюсь команде... не знаю. Что-то вроде управляющего центра. И будет их всё больше и больше. Они растут, вылупляются. Пока десятки, скоро сотни и тысячи.

Несколько бойцов не выдержало, и, сбрасывая напряжение, витиевато выругались. Андрей помолчал, переосмысливаю ситуацию. Потом заговорил:

– Слушай мой приказ. Прорываемся по кратчайшей. Хоть один, но должен дойти. Сразу как будет связь: готовиться к вторжению. По статусу зеро, – посмотрел на ошалелые лица товарищей. – Вот так. Проснулась охранная автоматика,

оставшаяся от Ордена. Мы предполагали. Теперь я уверен. Ходу, мужики.

Вечер и ночь шли почти без роздыха. И всего дважды на них пытались напасть. Судя по всему, командный центр попался на уловку шамана, и основные силы направил на маршрут, который сумел подслушать. К утру стало понятно: везенье закончилось. Сначала буквально в лоб выскочила стая полунасекомых. Одного из разведчиков всё же достало плевком. Распространение яда с помощью походной аптечки остановили, но рука повисла бесчувственной плетью и с трудом шевелилась. Бежать можно и в полную силу, но как боевая единица человек из расклада выпал. Затем ногатая змея всё же подобралась на дистанцию прыжка и сумела порвать двойку. Товарищей не успевали похоронить. Лишь забрали боеприпасы, оставили на телах мину и побежали дальше. Прогремовший за спиной взрыв стал прощальным салютом.

Уже снова пустая степь сменилась лесостепью, всё чаще попадались острова леса. Слабели помехи: дважды сквозь треск удавалось поймать передачу. Пробриться самим не хватало мощности. Ретрансляторы-дирижабли, которые должны были парить на границе сектора, судя по всему опять уничтожили. Когда бойцы отбили атаку очередной стаи, Андрей наконец сумел ухватить мысль, которая крутилась в голове последний час. Потом достал карту: здесь местность совпала с результатами аэрофотосъёмки. Подозвал заместителя.

– Смотри. А ведь нас гонят, похоже. Сюда. Я и сам бы выбрал именно эту дорогу. В обход вот этих двух массивов.

– Если там большая стая, замерла... Впоремся. Или порежут, или к лесу прижмут, – сразу понял заместитель.

Андрей достал бинокль и всмотрелся в горизонт, где виднелись два пятна деревьев.

– Тогда так. Как подходим, за километр резко сворачиваем и через проход между массивами леса. Огонь на ходу.

Шаман предложил:

– Я могу попробовать возле леса ослепить химеры. Есть у них слабость. Но мы на какое-то время останемся без ментального прикрытия. И меня придётся с полчаса потом тащить.

– Годится.

Пологий спуск, такой же подъём и ещё спуск. Ветер свистит в ушах, и, как из пращи, назад уносятся твёрдые камни шагов. Вот и нужное место! Шаман закричал, выбросил вперёд руки. Зашатался, его подхватили товарищи, уложили на импровизированные носилки из плащ-палатки. Разведчики птицами порхнули к просеке, на ходу вслепую стреляя из автоматов, а оказавшись между деревьями – щедро разбрасывая по кустам гранаты. Прорвались! Когда просека осталась за спиной, Андрей почувствовал, как в голову полезла липкая противная хмарь. Он мотнул головой, отгоняя морок. Двое – один в середине цепи, другой в конце – упали как подкошенные. Остальные, стиснув зубы, побежали дальше.

В спину ударил злой, обиженный вой. Когда стая химер обогнула лес от места несостоявшейся засады, разведчики уже успели добежать до небольшого холма, который с двух сторон огибал ручей. Вдобавок очнулся шаман, и попытка навести на разум новую иллюзию, скрыть подбирающихся тварей – провалилась.

И главное, хотя бы морзянкой удалось пробиться через эфир! Тут же полетело. «Код зеро! Немедленно готовность к обороне! Вторжение химер Ордена. Амулеты не действуют, защита – только маги. Просим огневой поддержки. Не снижаться, огонь с максимальной высоты. Ментальная атака».

Волну химер опять встретили плотным огнём. Впрочем, твари особо не старались. Через ручей по крутому берегу лезть трудно – так что оттуда половину стрелков перекинули на другую сторону холма. Автоматика Ордена морзянки не знала, потому рассудила: можно не торопиться, ведь людей обложили со всех сторон. Никуда им теперь не скрыться. Поднакопить силы и навалиться, не жалея себя...

Второго нападения не последовало. Вокруг холма с воем и дымом расцвели земляные цветы взрывов: вертолётчики накрыли местность по площадям. Потом ещё раз. Дальше разведчики тоже отходили под постоянным прикрытием с воздуха. Все подозрительные места заранее утюжила авиация. Пока, наконец, помехи в эфире не прекратились, а шаман не выдал заключение: ничего постороннего рядом нет, можно сажать вертолёт для эвакуации.

Месяц спустя Сенат собрался на экстренное совещание. Докладная по итогам нашествия легла на стол каждого из правительства ещё два дня назад. Потери союзников чудовищны: батальоны землян и подошедшие на помощь отряды нэрлих потеряли убитыми и ранеными до двадцати процентов состава, на полях сражений осталось до сорока процентов техники. До посёлков волна вторжения не добралась во-первых благодаря тому что заранее предупреждённые, союзники сразу наладили ментальную защиту подразделений шаманами. А во-вторых, управляющий центр был знаком лишь с вооружением исследовательских экспедиций и охраняющих групп. Танки, ствольная и реактивная артиллерия стали для киб-системы Ордена сюрпризом. Как и современные системы пеленгации пополам с ковровыми бомбардировками напалмом и ядами. Едва удалось определить точку, где прятался «мозг», её сожгли и залили всем, чем можно.

Но самая неприятная часть доклада шла в конце. Шаманы и аналитики твердили, что с вероятностью девяносто процентов пустые территории между основной резиденцией и Брошенным королевством служили могильником биологических экспериментов и хранилищем зародышей. Десятки тысяч. Просыпаться, взрослеть и нападать они будут не один год. Обнаружить спящие зародыши на данном уровне техники невозможно. Уничтожить – только прокалив атомным взрывом почву на полкилометра в глубину. Без единого руководящего «мозга» мелкие стаи будут действовать автономно-

но, двигаясь в сторону колонии и стараясь уничтожить на своём пути всех людей. Если же сохранились другие зародыши управляющих центров, то нападения будут уже координированы.

Белозёров оглядел сидевших за круглым столом коллег. Потом вздохнул и начал:

– Господа сенаторы. Предлагаю рассчитывать на самый худший вариант. Обустраивать на востоке полнопрофильную границу и систему укреплений.

Адмирал Рот добавил:

– Предлагаю быть параноиками. Полосу укреплений на востоке, но и систему наблюдения по периметру колонии. Пока не закончено строительство промкомплексов Дархана и Баянхонгора, удар по нам лишит Альянс промышленной базы вообще. И боюсь, любой противник быстро это сообщит.

Глава 3. Приглашение

Неделя не задалась с самого утра понедельника. Началось с того, что Тарья проспала. Наткнулась в библиотеке на полку с книжками про магов – оказалось, таких у землян было написано очень и очень много. Причём куда интереснее и необычнее, чем на самом деле. На пробу взяла один роман. За выходной как-то не удосужилась открыть. А вечером воскресенья неожиданно для себя зачиталась допоздна. Заодно стало приятным открытием, что получалось всё понимать, не заглядывая в словарь. Ещё месяц назад Тарья так не смогла бы. К тому же повезло: Нэрсис как раз работала в ночную смену, и свет не мешал ей спать... В итоге утром пришлось одеваться и бежать в столовую не умывшись. И завтракать пригоревшей овсянкой, уцелевшей лишь поскольку на неё не польстился никто из остальных рабочих.

Цех встретил грохотом, спёртым воздухом и духотой. Не чувствовалось даже слабого дуновения. А июль выдался жаркий, и заранее передёргивало от одной лишь мысли, каково окажется днём.

Принимая рабочее место от сменщицы, Тарья поинтересовалась:

- Что случилось? Душно.
- Ночью вентиляция отказала. От станков и хватает жару тянуть. Эти, из ремонта, уже глядели. Сказали: не меньше

чем на неделю всё отключать. Иначе никак.

Тарья беззвучно выругалась. Холдинг, которому принадлежал завод, выиграл тендер на поставку материала для оболочек дирижаблей. Огромный заказ от Сената. Директор тогда объявил: успеют в срок – все получают кроме квартальной премии месячный оклад сверху. Не успеют – предприятие останется без премии вообще. Завод теперь работал по-сменному, включая субботу и воскресенье. Останавливать на неделю один из ключевых цехов в технологической цепочке никто не станет. Да предложи кто сейчас – Тарья первая бы отказалась. Слишком много уже было планов на эту внеплановую премию. Потому придётся стиснуть зубы и работать.

Следующей неприятностью стало отсутствие Милтриты. Цеховой мастер был хорошим человеком и хорошим специалистом. Всегда готов помочь, и знает, чем помочь, особенно новичкам. Но в остальном руководитель из него вышел аховый. Ведь главная задача мастера – чтобы весь цех работал как единый механизм. И тут на его счастье появилась Милтрита, оказавшаяся замечательным администратором. Не зря в первый же месяц, как она стала заместителем, трудились все вроде столько же, как и раньше – а выработка готовой продукции выросла, за это каждый в цеху получил добавку к зарплате. И вот в самый нужный момент женщина куда-то пропала.

Мастер уже к середине дня был дёрганный и бранился по любому поводу, остальные тоже стали какие-то нервные. За

обедом одни мрачно шутили – это так на Милтриту гражданство подействовало. На прошлой неделе хвалилась паспортом. А на этой пропала. Вторые также мрачно язвили в ответ, мол, надорвалась Милтрита одновременно на работе и учёбе. С другой стороны, все понимали, что вряд ли Милтрита не появилась бы на работе без серьёзной причины. Ведь это – гарантированно лишиться премии. А для дочки Милтрита деньги собирала как могла. Саннива у неё отличалась слабым здоровьем, потому мать не ограничивалась бесплатным врачом при заводе, а чуть что сразу везла девочку проверяться. По дороге сюда от воспаления лёгких Санниву вылечили, и на второй раз бесплатно положили бы заводскую больницу, поскольку ребёнок и в школу только в сентябре пойдёт. Всё равно рисковать повторно Милтрита не собиралась.

Встретив за ужином подругу – та опять работала в ночную смену, Тарья коротко пересказала все неприятности сегодняшнего дня и в сердцах добавила:

– Ну, если виновато это дурацкое приобретение Милтрыты!..

Нэрсис загадочно улыбнулась краешком рта:

– То, что дело в этом самом гражданстве – я уверена. А вот виновато ли...

Тарья удивилась настолько, что даже забыла откусить котлету, которую как раз поддела на вилку.

– Ты что-то знаешь?

– Скорее, догадываюсь. Насчёт того права я или нет... До-

ждёмся возвращения нашей пропажи. А потом я сравню: что мне кажется сейчас, и что вышло на самом деле. Обещаю, тогда всё и расскажу.

Тарье оставалась лишь изображать грустную и обиженную мину на лице. Если Нэрсис вот так кроется, по опыту вытягивать из неё подробности бесполезно, пока сама не расскажет.

Милтрита появилась на работе через две с половиной недели. Вместо измождённой немолодой женщины в цех забежала худощавая полная сил девушка лет двадцати пяти самое большее. Никто её поначалу не признал. И лишь когда непонятная новенькая хорошо знакомым жестом поправила волосы – тоже теперь не тусклые, а пышущие здоровьем аккуратно уложенные соломенные локоны – все ахнули.

За обедом вокруг Милтриты собрались не только товарищи из своего цеха, но и гости из парочки соседних. Гордая Милтрита рассказывала:

– Я, как паспорт получила, сразу отправила заявку. На одно изобретение небольшое. Чтобы нитки не путались. А гражданам не премия и авторское свидетельство за такое положено, а патент. За него или процент от прибыли, или завод патент в свою пользу выкупает. Подороже. Денег хватало контракт выкупить. Может, комнату в городе купить. Но потом ещё оказалось, что гражданам бесплатный врач положен.

На этом окружавшие люди начали на Милтриту смотреть

вдвое пристальней. В мелочах бесплатный врач был и на заводе. А насчёт остального все рассуждали просто: руки есть – на целителя всегда можно заработать, детей поднять. Дальше они о родителях заботиться будут, так испокон веков заведено. Зачем получать паспорт, платить больше налогов – не сильно больше, но каждую кровно заработанную копейку всё равно жаль? И оказалось, что с этой простотой все прогадали.

Милтрита тем временем продолжала.

– В общем, гражданам положено и обследование за счёт государства, и, если проблема со здоровьем – в санаторий путёвку. И отпуск можно брать уже на четвёртый месяц, как работаешь. А дальше в санатории, кроме того, что всем обязательно положено, мне предложили сверху подлечиться. Свои деньги были, завод дал ссуду беспроцентную. Тоже как гражданину с условием, что пока не погашу – контракт не разрывать. И дочку хорошо подлечили, чтобы в школу не боясь пошла. И меня. Сказали, если каждый год в санаторий ездить и за здоровьем следить, то внуков ещё нянчить буду! Ну, я и согласилась. Да и нравится здесь. К осени в посёлке при заводе квартиру служебную обещали дать. Ездить чуть дальше, зато школа рядом будет. Да и сама решила: если в техникум экзамены сдам, тоже учиться пойду. На заочный или на вечерний.

Расходились люди задумчивые. Остаток дня в цеху царила необычная тишина. Никто не болтал, говорили исключи-

тельно по делу. Каждый размышлял о своём. Вечером, идя по коридору, сквозь приоткрытую дверь Тарья услышала, как сосед наставляет сына. Если до этого глава семьи к требованию детей отдавать в школу относился как к не очень обременительной, хоть и непонятной обязанности – то сейчас басил:

– Учись-учись. И чтобы пятёрки одни были, понял? Аттестат нормальный получишь – и паспорт, сказали, вместе с ним дадут. Понял? Так что!..

В своей комнате Тарья, не переодеваясь, рухнула на кровать. С усмешкой посмотрела на зачитавшуюся Нэрсис. Видимо так понравилась книжка, которую нашла на тумбочке подруги, что на шум и хлопнувшую дверь ухом не повела.

– А теперь давай, рассказывай. Что ты там себе напридумывала? Обещала, как Милтрита вернётся – всё без утайки.

Нэрсис аккуратно положила закладку в книгу, а книгу на тумбочку. Потянулась как большая кошка.

– Давай, считай. Сначала майские события. Потом заказ на ткань для дирижаблей.

Тарья кивнула. Нападение химер из Брошенного королевства заводчан не коснулось. Наоборот, мужики радовались: они не граждане, что бы ни случилось, их в бой не отправят. А потом вообще выяснилось – армия и так со всем справиться может: не пьяная солдатня из дружины какого-нибудь зажавшегося барона. Естественно, что за границей вдоль Пустых земель после весенних неприятностей будут присмат-

ривать. Тарья даже представляла как. С видеокameraми уже познакомилась, потому самым логичным решением на её взгляд были привязанные к земле небольшие воздушные шары с камерами. И от зверья, ему железка без интереса, и от лихих людишек. Ведь около территории землян располагался один из самых удобных перевалов через обширный Срединный хребет. Из-за химер его забросили, а уж как рядом с горами обосновался Запретный Орден – вообще обходили как можно дальше. Но едва прослышат, что зловеший Орден здешние земли давно покинул, а вместо него рядом с Брошенным королевством поселились обычные люди – всегда найдутся охочие до чужого добра сорвиголовы. Особенно как узнают, что земляне по меркам остального мира живут до неприличия богато.

– Ну и что?

– А просто, – Нэрсис сделала жест, будто кого-то щёлкнула по носу. – Ты иногда на удивление близорука. Нам не зря с самого начала намекают на гражданство. Я давно уверена: всё сделано так, чтобы его получили в итоге все. Да ещё гордились, как ловко это обтяпали. Но сейчас что-то изменилось. Думаю, не одни химеры, что-то ещё. Потому вопрос и поторопили.

У Тарьи вытянулось лицо.

– Хочешь сказать, что Милтрита...

– Ни в коем случае и не подставная. Просто удачно ухватила удачу за хвост. Как здесь говорят: «Кто первым встал,

того и тапки»? В общем, чем раньше паспорт получишь, тем больше плюшек дадут сверху. Как стимул для отстающих. Нам тоже стоит поторопиться.

Утром цех встретил неожиданной тишиной. Заказ был выполнен, потому начальник цеха объявил:

– Встаём на ремонт. В общем, сегодня всё готовим, а с завтрашнего дня неделю отдыха за счёт конторы.

И широко, радостно улыбнулся. Нэрсис и Тарья переглянулись: понятно, с чего мужик такой счастливый. У него истекал срок рекомендации на гражданство. В своё время, получив её, мастер пожал плечами – зачем оно мне надо? Зато теперь как раз появилось свободное время быстро оформить все нужные бумажки и сдать на сертификаты по знанию законов и знанию языка. Тарье на ум пришёл вчерашний разговор. Если подруги не поторопятся, рискуют остаться без ничего.

За ужином Тарья спросила, чтобы как бы случайно кроме Нэрсис услышала соседка по столику:

– Слушай, раз завтра выходной. Поехали в город? В кино, на ночной сеанс? Устала как собака за последние дни.

Нэрсис кивнула. Намёк поняла. Полезная привычка, вбитая в обеих годами не самой лёгкой жизни. Пусть ничего преступного они не затевают, все серьёзные разговоры лучше вести там, где никто не подслушает. У любой стены могут быть уши.

– Согласна. Поехали. Тогда быстрее, иначе автобус ждать

придётся.

Стоило выйти за проходную, как подруги сразу попали в объятия вечера: если на территории заводского комплекса уже горели лампы, то по другую сторону ворот цепочка фонарей вдоль дороги до трассы ещё стояла незажжённая. Вечер встретил девушек выводком пузатых багряно-лиловых облаков, нежностью загустевшей небесной лазури и запахами высохшего сена. Поднявшийся ветерок одновременно заставлял чуть озябнуть и пьянил свежестью. Меланхолично синели поля, уходя далеко-далеко за горизонт. Пока автобус, мерно укачивая стоявших и сидевших пассажиров, добирался до города, огромный мутно-малиновый шар солнца провалился за черту земли, потускнел. Сначала от него остался полукруг, потом дрожащая огневая полоска. А вокруг – синеватый сумрак близкой летней ночи.

Когда автобус замер, а двери с шипением распахнулись, выпуская пассажиров, вокзал и окрестные улицы уже сверкали огнями сквозь бархатный полумрак близкой ночи. Ещё в прошлую поездку в город подруги хотели сходить на романтическую комедию про героя, застрявшего в одном и том же дне, но не успели. Дальше начался аврал на работе. Но сейчас, торопливо добежав до ближайшего кинотеатра, с облегчением узнали, что до конца недели фильм ещё показывают. К сожалению, сеанс уже двадцать минут как начался.

– Идём? – Тарья бросила задумчивый взгляд в сторону касс.

– Нет смысла. Давай на следующий. Всё равно у нас отпуск, хоть всю ночь гуляй, – Нэрсис улыбнулась с намёком.

– Давай. Идём гулять. Только сначала за мороженым. Пока ехали, вся упарилась.

– Пошли, сладёна.

Бродить по улицам с тающим мороженым в руках было, конечно же, неудобно, потому есть отправились в парк. Народу здесь было достаточно, особенно на детской площадке. Каждый что-то кричал, дети носились, за ними – взрослые, и громко отдавали непонятные команды или кого-то звали. Полная какофония. На парящий мост и колесо обозрения посетителей из-за количества желающих вообще пускали партиями. Но стоило пройти по дорожке вглубь, подальше от музыки и торопливо идущих в сторону танцпола парней и девушек, подальше от молодых мамочек с колясками, бабушек и дедушек, как парк сразу обезлюдел. Запахло сыростью, и зашуршал фонтан, заглушая все остальные звуки. Тут и решили поговорить.

– Тарья, неделя. Этого достаточно и подать заявление, и всё сдать.

– Если тебе так сразу дадут разрешение.

– Я угадала насчёт Милтриты?

Тарья на пару секунд задумалась, потом ответила:

– Будем считать «да».

– Тогда поверь моему следующему предсказанию. Ближайшие пару недель разрешения будут подписывать всем не

глядя. Пока эффект первого впечатления не прошёл.

– Нет. Извини – нет. Сейчас я сдам самое большое на базовый уровень. Рискну и подожду.

Нэрсис пристально посмотрела и чуть ли не прошипела:

– Так, значит? А меня спросила, хочу рисковать я? Ты ведь понимаешь, что на нас двоих шансов получить разрешение куда больше, чем если я пойду в Миграционную службу одна?

Тарья вздрогнула, так её уколола взглядом подруга. Но по-прежнему твёрдо ответила.

– Нет. Ты говорила, что хочешь вернуться в Балвин? А я хочу учиться. В доме отца я мечтала, как поступлю в Академию Синклита. Стану настоящим дипломированным магом. Здесь я могу поступить в университет. Но для этого, я уже посчитала, вместе с паспортом язык надо сдавать сразу на «норма». В идеале – «норма+».

Продолжить ссориться девушки не успели. На краю освещённой фонарями площадки вокруг фонтана показались двое мужчин лет тридцати. Один, как сразу по привычке зафиксировала в памяти Тарья, высокий, темноволосый, смуглый, худой. Костистое лицо и нос горбинкой. Второй светлый, низенький, пухленький, и круглолицый. Выглядел бы такой контраст смешно... если бы не слегка развязанные движения и не очень твёрдая походка. Сейчас настойчиво попытаются познакомиться, после отказа почти наверняка дело закончится скандалом. Вечер будет потерян.

– Де-е-евушки... – начал высокий. – Вы, смотрите, одни и скучаете...

Тарья поморщилась, начала просчитывать варианты: по-пробовать отвязаться от пьяных самостоятельно, сбежать, выманить на люди и позвать милицию?

Нэрсис вдруг неожиданно жёстким тоном спросила:

– И не стыдно вам, господин выпускник Академии магов, так себя вести? Балаганный шут из вас выйдет плохой. И не отговаривайтесь, я узнала вас в лицо.

К удивлению Тарьи, «скандалистов» слова девушки заставили улыбнуться. Лица в мгновение ока сбросили маски, из глуповато-навязчивых превратившись в деловые. Движения стали чёткими, скупыми.

– Bravo. Вы, лейтенант, оказались правы. Госпожа Нэрсис и в самом деле помнит даже по фотографиям всех сколько-нибудь значимых людей колонии. Девушки, – высокий обратился уже к подругам, – прошу прощения за это представление, и считайте его последним тестом. Разрешите представиться. Заведующий кафедры магии Университета профессор Манус. Лейтенант Павлов, Александр Михайлович. Он работает... скажем, в одной из служб Сената.

– И что надо от двух простых неинтересных девушек-рабочих столь важным персонам? – первая оторопь прошла, и Тарья включилась в разговор.

– Так уж и простых, – добродушно улыбнулся Павлов.

Одновременно глаза блеснули профессиональным холод-

ком, а круглое лицо перестало казаться добрым. В нём появилось что-то лисье.

– Не такие уж простые, – усмехнулся Манус, – Вы, Ваше Сиятельство, всё-таки дочь графа Килассер и наследница рода.

Тарья вздрогнула, хотя казалось – рана в душе давно зажила и перестала саднить. Ответила она холодно.

– Ошибаетесь. Леди Тарья Килассер, вторая дочь Его Сиятельства Годинга Килассер много лет назад умерла от лёгочной чумы.

– Тем не менее, – Павлов снова улыбнулся, и у Тарьи опять побежали по спине мурашки. – Если позволите, буду несколько многословен. Мы всегда какое-то время отслеживаем любую информацию по всем, кто переезжает к нам. Два месяца назад в архивах города Балвина купили копию записи про некую Тарью, с подробными приметами. И о её судьбе. Можете не беспокоиться, ваш кузен уверен, что вы умерли. В договор, скажем так, нашего найма каторжников, всегда входит пункт, что клеймёного отдали на рудники, а уже там или по дороге он скончался. Тем не менее, нас заинтересовал этот запрос, и мы восстановили вашу биографию. Насколько смогли. Если хотите, вы можете вернуть себе графство.

– И как? – Тарья хотела ответить язвительно, но голос предательски дрогнул.

– Ваш дядя забыл про одно правило. Да, лично вы, потеряв невинность, право на домен лишаетесь. Но если выйде-

те замуж по полному обряду, а потом в этом браке родится мальчик – именно он и станет наследником.

Тарья не выдержала и горько рассмеялась.

– И вы мне предлагаете это? Стать бесправной рабой при муже, коровой, которая обязана рожать и рожать как можно больше наследников? Да-да, именно рабой. Думаю, раз уж вы так хорошо знакомы с законами именно нашего королевства, права сторон в браке полного обряда тоже прочитали.

До этого Нэрсис молчала. Но сейчас опять вступила в разговор.

– Я так понимаю, наша текущая беседа – не минутная прихоть и не случайность. Шли мимо и удачно встретились. У вас какое-то конкретное предложение. Мы вас слушаем.

Павлов слегка поклонился.

– Чувствуется дочь одного из купцов «золотого пояса». И начинаю радоваться, что когда отец отправил вас в Балвин, готовясь выдать замуж, попали вы в итоге к нам.

Щека Нэрсис нервно дёрнулась. Но вывести себя из равновесия она не позволила.

– На такие подначки я перестала попадаться в семь лет. Хорошо. Я поняла, что узнав прошлое Тарьи, вы заодно пробежались и по остальным троим. Итак, мы слушаем ваше предложение.

На несколько бесконечно долгих, тягучих секунд повисла тишина, которую нарушал лишь шорох падающих капель фонтана да глухие обрывки музыки. Нарушил её Манус.

– Вы правы. Да, за вами приглядывали, и когда сообщили – подвернулся удобный случай... Наше сотрудничество должно быть добровольным, для этого сейчас с вами говорим именно мы. И на уровне должности главы факультета магии я гарантирую выполнение обязательств со своей стороны, – Тарья кивнула: она тоже интересовалась Университетом и знала, что полномочия Мануса намного шире, чем у обычного декана. – Нам нужны ваши родовые способности, леди Тарья. Буду играть в открытую: очень нужны, – подруги переглянулись, вспомнился вчерашний прогноз Нэрсис насчёт границы. – Ведомству лейтенанта Павлова тоже нужны знания госпожи Нэрсис. Но это всё хоть и официально, сами понимаете, негласно. А официальная часть: гражданство, помощь с экзаменами на гражданство и возможность поступить в университет.

На этих словах у обеих девушек перехватило дыхание: о таком будущем обе боялись даже мечтать! Молчание длилось неприлично долго, пока, наконец, Тарья не справилась с волнением и дрожащим голосом не ответила:

– Мы согласны.

– Хорошо. Тогда получите, прочитайте и подпишите.

Павлов достал из барсетки на поясе несколько листов, вручил каждой из подруг свой экземпляр. Прочитав, обе переглянулись и хмыкнули. В договорах не хватало одних лишь подписей Нэрсис и Тарьи, а приложенные листы содержали подробные инструкции, что обеим делать завтра.

То есть Павлов и Манус не допускали возможности отказа... Впрочем, терять шанс обе действительно не стали бы никогда.

Утром Тарья встала с тяжёлой головой, словно с похмелья – хотя вчера ничего не пили, лишь гуляли вдвоём полночи, пьяные от счастья. Нэрсис в комнате не было, она умудрялась, даже проспав самое большое пару часов, всё равно вскакивать вовремя и внешне бодрой.

Столовая оказалась почти пуста – завтрак самой последней смены давно закончился, обед для самой ранней смены ещё не наступил. Здесь её и нашла Милтрита.

– Слушай, тебя из отдела кадров просили зайти, – и шепнула: – Соглашайся.

– С чем?

– Ну... я слышала, хотят небольшой цех развернуть. Не у нас, на другой площадке. Ты здесь на хорошем счету, молодых и ответственных приглашают туда. Сначала на неделю вместо отпуска, а если хорошо покажешь, то и навсегда. Сразу говорю – будет труднее. Зато перспективы. Здесь, уж извини, где была – там и останешься. А на новом месте через год-два можешь сама начальником цеха стать или ещё кем. Пока семьи нет, надо рисковать.

Тарья улыбнулась:

– Да соглашусь я. Если и правда предложат.

Про себя же подумала: их с Нэрсис обвели вокруг пальца. Ослики они, которые вроде сами бегут, а на деле – куда мор-

ковка перед носом повернёт. Павлов или кто-то там ещё, настолько хорошо изучил подруг, что вчерашняя встреча возле фонтана и их согласие были пустой формальностью. Иллюзией свободного выбора. И заодно вода на мельницу пропаганды. На заводе обязательно узнают, что на новом месте девушки тоже получили гражданство и дальше поступили учиться. Про сотрудничество с какой-то там государственной службой никому даже мысль в голову не закрадётся.

Уезжая, Тарья прощалась с товарищами и просто знакомыми, отвечала – посмотрим, как сложится, может и не понравится на новом месте. Ещё увидимся... Хотя точно знала: на завод она уже никогда не вернётся.

Первое впечатление от огромного Нижнего города – куда крупнее, чем Верхнего, рядом с которым стоял их завод – оказалось сильное и приятное. Громадные дома, кажущаяся бесконечной набережная реки, множество пешеходов и автомобилей, тысячи зеркальных окон, опять машины, толпа... Нэрсис должна была приехать только завтра. Потому сегодня, потерявшаяся, Тарья одна ехала на такси от междугороднего автовокзала, и какое-то странное сильное чувство охватывало её. Сквозь открытое окно в салон затекали запахи дерева, бетона и асфальта, смешанные с бодрящим влажным ароматом лета – ночью прошёл дождь. Небо в серо-белых разорванных тучах и сквозь них солнце, полосами освещающее и улицы, и многоэтажные высотки. Тарья радостно всматривалась, и ей хотелось поскорей броситься в водово-

рот новой жизни. Неожиданная мысль заставила улыбнуться: теперь она совершенно свободный человек. Когда хочет обедает, когда хочет и куда хочет идёт, не подчиняясь жёсткому ритму заводского графика.

В общежитие девушку селить не стали: с прицелом на будущую вторую работу для Тарьи сняли небольшую однокомнатную квартиру в тихом районе. Соседи в здешних многоэтажках общаются лишь с теми, кого знают и кого хотят видеть. Все остальные для жильцов – чужие. Несуществующие призраки, до которых нет никакого дела. И постепенно, через несколько дней, рядом с чувством радости стало прорастать и тревожить сознание своей отчуждённости от новой жизни. Сознание своего одиночества. Люди идут, едут, спешат куда-то – а ей некуда спешить, нечего делать.

Приёмные экзамены в университет давно кончились, но лекции ещё не начинались. Секретная работа на Мануса и Сенат тоже отложилась до осени. Медкомиссию Тарья прошла ещё до приезда, вместе с оформлением паспорта: магов у землян пока было слишком мало, потому брали всех обладающих талантом и хотевших обучаться. В чистенькой квартире на седьмом этаже делать было нечего. Читать не хотелось: в водовороте новой жизни не тянуло к книге. Непривычный шум улицы врывается в комнату, и казалось, что девушка лежит не у себя в квартире, а прямо на тротуаре. И кругом, и мимо неё, и над ней, и по ней едут, громяют, дребезжат и при этом не обращают на него никакого внима-

ния.

Да и Нэрсис, когда приехала, как-то сразу затерялась в большом городе. Она не захотела становиться студенткой. Вместо этого пошла в какой-то институт, занимавшийся Королевствами: сразу и учиться, и работать на свою мечту – съездить в Балвин. Не разбойницей, а в уважаемом статусе помощницы посла или как торговый агент, когда земляне будут готовы торговать и отправлять в Королевства дипломатов. Как-то не было и охоты видаться друг с другом. Обе понимали, что теперь они отрезанные друг от друга рукава реки, и каждая станет искать своего русла.

Одиночество и бесцельная пустота ничегонеделания все сильнее охватывало Тарью. Она бегала от них, а они её преследовали. И в театрах, и в музеях, и в кино – везде всё та же пока чужая, раздражавшая своей непонятностью жизнь. Иногда, вечером, выгнанная скукой из своей квартиры, Тарья шла по пустынным улицам, и тогда в стихающем шуме точно легче становилось на душе. В этом большом городе было тяжелее, чем в пустыне. Там хоть знаешь, что никого нет, а здесь везде, везде люди, и в то же время никого, в ком был бы какой-нибудь интерес к ней и её судьбе.

Часто, гуляя, Тарья любовалась зданием университета. Скоро начнутся лекции, а с ними и настоящая, студенческая жизнь, общение с профессорами, разговоры о лекциях и об узнанном. Это освежит и разбудит... Наступил, наконец, давно ожидаемый день начала занятий. Было прекрас-

ное, ясное до прозрачности утро. Умытое ярко-синее небо охватило своими нежными объятиями город со всеми его домами-башнями. Лучи солнца заставляли весело, ярко сверкать стёкла окон.

На торжественное мероприятие в честь дня первокурсника Тарья не пошла. Вместо этого, заранее узнав расписание, отправилась в пустую ещё аудиторию. Здесь пройдёт первая в её жизни лекция.

Тарья, чуть ли не бегом промчавшись по лестнице, быстро влетела на площадку третьего этажа, заглянула в открытую аудиторию. Там было тихо, спокойно, и вся зала, со всеми своими стульями и столами, точно спала ещё. Зато из коридоров и остальных аудиторий по всему зданию уже нёсся шум тысячной толпы. Серьёзные, озабоченные фигурки одна за другой проходили через двери, заполняя и её аудиторию. Немного, на весь факультет едва ли человек сорок.

Возбуждённое и праздничное настроение на мгновение опять сменилось знакомым уже чувством пустоты и неудовлетворённости. И тут зашёл лектор. Тарья вздрогнула: тот самый начальник их каравана! Мужчина девушку не узнал. Спокойно прошёл на кафедру. В бархатной тишине раскати-сто прозвучали первые слова:

– Товарищи студенты. Да-да, именно товарищи нашего огромного братства тех, кто учится и преподаёт в этих стенах. И хотя именно на вашем факультете я лекций почти не читаю, по традиции именно я каждый год начинаю первую

лекцию и заканчиваю последнюю. Для вас, новых граждан вашей «alma mater» сегодня начинается новый период вашей жизни, лучший период. Свет, который, если вы захотите, если вы будете жить в этих стенах, запомнится вам на всю жизнь. Там, за этими стенами, вас ждёт иная судьба, ждёт тяжёлая и неравная борьба за этот свет. Силы для этой борьбы вы почерпнёте здесь, у своей alma mater, в этом universitas literae literarum¹...

Голос Андрея Северина гремел, и с ним, казалось, дрожал воздух, и дрожали стены аудитории, трепетали молодые сердца молодых его слушателей...

---

¹ alma mater – матери-кормилицы (лат.), universitas literae literarum – средоточии наук (лат.).

Глава 4. Лесные игры

Со стен Араглина прозвучала заливистая песнь волынки – ночные стражи играли мелодию восхода солнца, оповещая горожан о наступлении нового дня. Одновременно серые в рассветном сумраке поле, лес, река, городские стены, постройки с каждым мгновением всё торопливее и торопливее принялись возвращать свои обычные цвета. Вторя волынкам, заиграла труба на восточной надвратной башне, загудел колокол главного храма. Город начал просыпаться. Утренний весенний воздух окрасился звуками пастушьих рожков и щёлканьем пастушьих кнутов. С шумом визжащие, мычащие, блеющие и хрюкающие стада направлялись пастухами к северным городским воротам, чтобы вскоре окончить жизнь на скотобойне и оказаться в желудках многочисленных обитателей самого крупного города-порта Великого Леса.

А перед восточными воротами уже столпились длинные вереницы телег деревенских жителей: они всегда вставляли раньше горожан, чтобы успеть доставить на утренний рынок продукты своего труда. На передних повозках зелень, зерно, рыба, дичь. За ними целая вереница возов с дровами. У девушек на головах и в руках кувшины с молоком, корзины с яйцами и маслом, с курами и голубями. В толпе крестьян и телег островками высились с десятков коров и несколько лошадей: кто-то заодно пригнал на продажу через городскую

или портовую ярмарку свой скот. Громко кричал рассерженный чем-то осел.

Городские чиновники уже стояли возле ворот. Они строго следили за тем, чтобы товар, привезённый селянами, не скупался перекупщиками. Заодно тщательно осматривали всё привезённое: на рынках Араглина должно быть только свежее и качественное. Если обнаруживался какой-либо обман, наказание следовало незамедлительно. Прокисшее вино или худое пиво выливалось на дорогу, дурной хлеб высыпали в выгребные ямы на прокорм перерабатывавшим отходы магическим растениям городской канализации. Обманщика тоже наказывали сурово: его кидали в море, не спрашивая, умеет ли он плавать.

Глядя на происходящее возле ворот, Посредник невольно улыбнулся. Руки марасть господу чиновники магистрата, конечно же, не собирались. Воза и тюки проверяли чарами. Если от подглядывания стоит хорошая защита – будет как фонарь в кромешной ночи. Такой воз выпотрошат сверху донизу. В остальном... Каждый из народа гвенъя владеет магией, потому-то они и Высший народ. Но мастерство крестьянина и окончившего школу чиновника различаются сильно, спрятать хоть что-то от бдительного взора надзирающих за порядком – невозможно. Потому-то Посреднику и было смешно.

Ушлые крестьяне магией баловаться и не пытались. Вместо этого в корзину клали цилиндр из листов с дерева «папи-

рус». Гвенъя вывели их ещё тысячу лет назад, чтобы не зависеть от поставок с юга. Материал вышел дешёвый, намного прочнее изобретённой позднее бумаги, потому деревья культивировали до сих пор. В землях Великого Леса папирус доступен любому... Между стенками корзины и цилиндра насыпали отборное зерно, сверху под крышку толстым слоем тоже. Внутри цилиндра – кормовое. На рынке папирус вытаскают, зерно перемешают и продадут как второй сорт со скидкой. Всё равно куда выгоднее, чем обе меры продавать по отдельности.

На стуле, под навесом, сидел сборщик пошлин. Около него стоял небольшой стол. Левой рукой сборщик держал кожаный мешок, а правой складывал в него поступающее сборы: плату за проезд в ворота и пошлину с товара. Господин Посредник товара не имел, потому лишь кинул несколько монет и направился к воротам. Правда, там пришлось чуть посторониться. Подъехал огромный воз, покрытый полотном и запряжённый несколькими лошадьми. В сопровождении вооружённых всадников – явно нанятых для защиты товара от разбойников. Навстречу уже торопливо шагал богатый горожанин, тут же расплатился со сборщиком пошлины. Воз медленно вкатился в городские ворота.

Хорошее настроение было испорчено, Посредник произвольно сморщился: человек. Хоть и старается маскироваться под настоящего гвенъя. Даже волосы покрасил в светлый цвет. Только вот намётанный глаз всё равно заметит, что

самые корешки волос – чёрные, разрез глаз не идеален, хоть и пытался купчишка создать иллюзию с помощью магии и грима, уши круглые – а не вытянутые. Да и фигура полновата и мешковата. Гвенья же все на подбор хорошо сложены и красивы. Потому-то они – Высший народ. Но всё равно вынуждены терпеть людей в Араглине, и давать им в городе чуть ли не равные права. Иначе город перестанет быть крупнейшим портом Великого Леса, через который шла основная морская торговля с Королевствами людей. Умом господин Посредник это понимал, как и умел смиряться с обстоятельствами, навязанными неизбежностью. Душа всё равно принимать столь позорное положение вещей отказывалась. Каждый визит сюда оставлял после себя ощущение, будто искупался в выгребной яме.

Но ради исполнения своих обязанностей и по необходимости приходилось в Араглин приезжать. Например, как в этот раз. Видите ли, лорд Серебряного Янтаря не может покинуть свой дом в Араглине в самом начале навигации, это грозит ему крупными убытками. Но и новость, которую он якобы хочет передать Великому лорду Алмазного Полоза, не терпит отлагательства.

Город уже окончательно проснулся. Он был стар, и потому дома стояли столь плотно друг к другу, что можно было перепрыгивать с крыши на крышу. Дома без фундаментов, не из кирпича, но каркас из врытых прямо в землю столбов и поперечных брусьев и балок не источенный червями, за этим

были обязаны следить хозяева, проверяя стены своей магией. Раз в год с инспекцией обязательно приходил чиновник из магистрата. Пространство между брусьями каркаса заполняли блоки из смеси необожжённой глины с соломой, окрашенные в яркие и сочные цвета. Спасибо, опять же, дарованным богами способностям гвенъя. Улицы в большинстве своём были узкими, извилистыми. Но в отличие от городов людей, замощены даже мелкие проулки. Посредник ещё раз мысленно сравнил с Королевствами, где ему тоже не раз доводилось исполнять поручения господина. И опять итог не в пользу людей: там самое большое стены были побелены, но не покрашены, от времени побелка на многих строениях закоптилась, осыпалась, отчего стены казались местами обгоревшими.

Набежавший с моря ветерок принёс запахи влаги, соли и водорослей, а ещё аромат свежее испечённого хлеба. Утреннее солнце уже омыло стены домов. Со всех сторон спешили к колодцам девушки и женщины с кувшинами и ведрами. В небольших, иногда один на несколько домов, двориках хозяйки выносили корыта, лохани и принимались за стирку. Сразу были заметны прачки, которые усердно работали колотушками. Выстиранное бельё набрасывали на жерди, и оно сверкало ослепительной белизной, слегка трепыхаясь под дуновением ветра. Тот же ветер подхватывал и уносил простые мелодии песен работавших женщин. Из ближнего дома вышел сапожник и поместился со своей дратвой тут же

на улице, на пороге. На противоположной стороне булочник вынес из лавки свежий хлеб и разложил его на столе, поставленном у самых дверей, над которыми красовался разукрашенный крендель.

Благодушное настроение вернулось и продержалось ровно до того мига, когда улица вывела Посредника на площадь. Кого только здесь не было. И люди, которые не пытались скрывать свою принадлежность к Низшему народу. Рядом прогуливались городские щеголи. Одеты позорно, платье сшито по людской моде, лет десять назад возникшей по южную сторону Срединного хребта и недавно добравшейся до Великого Леса. Движенья стеснены необыкновенно узким покроем, всё в обтяжку. Кафтан зашит в талии наглухо, потому надевается через голову, да и то с трудом. На ногах сапоги ярких цветов с длиннейшими и узенькими носками. Но более всего Посредника раздражала чрезвычайная пестрота костюмов. Она доходила до безобразия: левая половина кафтана из материи одного цвета, правая – из другого. А ещё вырезные зубчики по нижнему краю, кружева, навешенные на шею серебряные и медные цепи, украшенные драгоценными камнями или имитацией из стекла.

Находившийся сразу за площадью просторный дом Серебряного Янтаря издали подчёркивал, что хозяин небеден. Собственный сад, пусть и небольшой. Зато много экзотических растений и цветов. Целиком кирпичный, фасад разукрашен дорогими росписями, а крыша покрыта яркой гла-

зурованной разноцветной черепицей. Окна – не прорубленные, прикрытые лишь ставнями, щели, а широкие, полуциркульные. Сверкали цельными стёклами. И вокруг прямой части, и вокруг верхнего полукруга из стены выступали прямоугольные блоки-квадры, украшенные резным орнаментом. Фронтон тоже весь в орнаменте, причём, если присмотреться – повсюду не гипс, а камень. Посреднику захотелось сплунуть и порадоваться, что хотя бы мода ставить в парке статуи голых девиц и парней хозяина особняка не коснулась.

Внутри первый этаж был отделан вычурным паркетом редкого дерева, а не плиткой, как рекомендовали традиции. И всё, что можно, тоже кричало о величии и роскоши. Позолота, ткани изумрудного и винного цвета, редкой красоты и тонкой резьбы мебель. На потолке большая люстра на пару десятков магических свечей, сейчас, впрочем, уже потушенная. Гобелены на стенах настолько тонкой и дорогой работы, что сойдут за картины. Слуга провёл Посредника в кабинет, и хотя бы здесь гость вздохнул с облегчением. Перенимать захлестнувшую Араглин последние лет пять южную моду – делать спальню-кабинет и встречать гостей полулёжа в кровати – Серебряный Янтарь не стал. Сидел за обычным, хотя и очень дорогим столом чёрного дерева с инкрустациями золотом.

И сразу, едва слуга их покинул, лорд Янтаря принялся брызгать слюной и орать.

– А, явились. Долго вы ехали...

Скандалистов господин Посредник не любил. Пусть Великий Лес и кабинет в особняке лорда Серебряного Янтаря – это не вонючий базар людских королевств, а благородный гвенья – не служанка, которой торговец умудрился всучить гнилую рыбу. Пусть речь distinguished Серебряного Янтаря сразу после нескольких раздражённых фраз в начале стала красива, изыскана, витиевата и демонстративно вежлива... Если отбросить шелуху, суть останется той же.

Посредник дождался, когда в потоке слов наступит пауза, и негромко спросил:

– Так чем же вы недовольны?

Лорд Янтаря посмотрел на собеседника негодующим взглядом, но всё-таки взял себя в руки и наконец-то высказал претензии по существу.

– Девчонка жива. Хотя в своё время вы мне обещали, что её убьют, едва она сбежит из поместья.

– Тогда произошла случайность. Никто не ждал, что этот метивший в женихи книжный червь потащит вашу племянницу не на запад, где они попытаются сесть на корабль, а на юго-восток. Но, помнится, мы же решили эту проблему? Мы добились внесения вашей родственницы и её любовника в список «нарушивших священные заветы», а Наказующие завершили дело.

– Пять лет назад я тоже так думал, – лорд мрачно посмотрел на Посредника. – Недавно, сразу же после звёздного дождя, я спустился в хранилище, чтобы забрать нужный арте-

факт для моего астролога. На семейном оракуле горит огонь моей племянницы. Причём она вышла замуж по полному обряду. И если вернётся...

– Что вы хотите от нас?

Про себя же Посредник мысленно добавил, что если бы сидевший перед ним самовлюблённый осёл почаще вспоминал про обязанности лорда, а не занимался лишь набиванием своей мошны, проблем стало бы куда меньше. Про неудачу Наказующих они бы узнали заранее. Как и о том, что девчонка осталась жива, а сидевший перед ним напыщенный индюк теперь не больше, чем самозванец. И могли бы действовать без спешки.

– Девчонка укрылась где-то на востоке. Я навёл справки. Между заброшенными землями Ордена и Брошенными землями поселились какие-то людишки. Сборище отщепенцев, там ей и место. Но вы всё равно должны исполнить нашу договорённость.

– Не слишком ли много вы от нас требуете? Ведь Наказующими теперь не обойтись. Значит, придётся посылать войска. И, значит, нам придётся говорить о вашей просьбе в Совете великих лордов. Стоит ли ваше желание таких затрат?

– Стоит, – усмехнулся лорд Янтаря. – Ваш хозяин вертит Советом, пока его поддерживаю я.

– Не много ли вы на себя берёте таким заявлением?

Весь облик Посредника теперь демонстрировал негодование. Но оба знали, что сила сейчас не на его стороне.

– Не так уж и много. Я, конечно, не вхожу в Малый королевский совет и в палату Великих. Зато понимаю одно: Золотой Олень и Рубиновый Медведь поддерживают вашего нанимателя, господин Посредник, до тех пор, пока мой домен окончательно замыкает кольцо сторонников и вассалов Алмазного Полоза вокруг их земель. Из-за этого либо они вынужденно помогают лорду Фахтне, либо товар сгниёт в амбарах и Олень с Медведем разорятся. Конечно, и без их поддержки лорд Алмазный Полоз всё равно будет входить в Совет – только вот от его нынешнего влияния останутся жалкие крохи.

– Хорошо. Вы меня убедили. И я постараюсь донести свою убеждённость до лорда Фахтны.

Родовой дом Алмазного Полоза, расположенный недалеко от столицы, был немолод: его возводил ещё первый из Полозов, получивший к своему титулу лорда добавку «великий». Но уже больше четырёх веков гордо поднимал к небу свои заострённые башенки и смотрел на окружавший парк настоящими стёклами стрельчатых окон. За высокими колоннами, идущими по всему зданию от основания до самого верха, приютился фасад с традиционными каменными узорами в виде цветочных орнаментов. Высокие окна первого этажа и украшенные богатой резьбой огромные двери, больше похожие на ворота, подавляли. Впрочем, сейчас лакей провёл гостя через малый вход, который помещался в особой пристройке, несколько отступающей от фасада.

Поднявшись по ступеням каменной лестницы, Посредник вступил в широкий коридор, освещённый окнами вдоль одной стороны, и через величественные двери попал из него в сердце особняка. Кабинет хозяина. Высокий и просторный, со сводчатым потолком, бронзовой люстрой, изображающей подобие больших ветвей с крупными листьями и ягодами-светильниками. Дневной свет проходил через разноцветные стекла, вставленные в резные оконные рамы, и играл на резных дубовых панелях отделки стен. В глубине комнаты, на небольшом возвышении, стояли стол и резное кресло. Там и ждал лорд Фахтна.

Посредник подошёл и с искренним уважением поклонился. Великий лорд был не стар, хотя и переступил порог пожилого возраста. Но его острый как меч ум до сих пор не переставал удивлять и друзей, и врагов. А уж его успехам можно было только позавидовать. Начинал как обычный член Малого совета, получивший место по наследству и традиции, и на деле не имевший реального влияния. А сейчас фактически правитель Великого Леса: его слово может перевесить решение короля.

– Здравствуйте, друг мой. И чем меня хотел порадовать лорд, – слово прозвучало с издёвкой, – Серебряного Янтаря?

– Он хочет смерти своей племянницы. Десяток Наказующих, оказывается, потерпел неудачу. А девушка вышла замуж по полному обряду. Укрылась где-то на востоке. Между заброшенными землями Ордена и Брошенным королев-

ством поселились люди. Видимо, решили создать новое королевство. Но в геральдическую палату Синклита пока просьбы о признании от них не поступало. Янтарь считает, что мы «должны исполнить нашу договорённость». Даже если придётся посылать войска. Иначе он разорвёт соглашение.

К удивлению Посредника, Великий лорд к требованию Янтаря отнёсся с неожиданно добродушной, снисходительной усмешкой.

– Он считает, что держит нас за горло? Хорошо, пусть так думает. Пока.

От того, с какой хищной весёлостью было сказано, по спине Посредника поползли мурашки.

– Передайте ему, что я согласен на его просьбу. А ещё перед этим я попрошу вас заглянуть к Его светлости лорду Херебарду Изумрудная Рысь.

Фахтна позвонил в колокольчик. В кабинет вошёл... Посредник еле удержался от того, чтобы глаза не полезли на лоб. Капитан тысячи Зелёной стражи. Лучших воинов Великого Леса, да что там – всего мира. Формально все полки клялись в верности лишь королю – но на деле Зелёная стража финансировалась из казны Великих лордов и подчинялась сначала им. Эдакая гарантия равновесия, чтобы Светлый правитель не захотел пересмотреть некоторые права и привилегии лучших из гвенъя. Похоже, интрига намечается куда серьёзнее, чем думалось поначалу. И Серебряный

Янтарь точно пожалеет, что вообще заикнулся про помощь сверх оговорённого.

Капитан беззвучными мягкими шагами – Посредник удивился, как воин может в кольчуге и при мече двигаться так, будто его нет – пересёк кабинет и замер около владыки. Наклонился. Выслушал негромкий приказ. Ушёл и вскоре вернулся, чтобы вручить Посреднику небольшую шкатулку.

Лорд Фахтна пояснил.

– К сожалению, прошлый лорд Рысь отличался не самым достойным поведением.

На этом капитан хмыкнул. И тут Посредник был согласен. Кутил, шлялся по любовницам и борделям, в том числе низкопробным. По слухам, развлекался даже с человечками. Не стесняясь, торговал своим мнением в Малом совете. Лет десять назад допился до того, что в припадке безумия покончил с собой. Оставил наследнику отвратительную репутацию, которую молодой Рысь старательно с тех пор восстанавливал.

– Этот именной перстень мой вассал нашёл в Араглине, в квартале Оливковых ветвей.

Посредник мысленно поморщился: квартал борделей для матросов и офицеров кораблей из Королевств. Слухи, как Великий лорд ходил к людским шлюхам – правда.

– Передайте вместе со шкатулкой Его светлости лорду Херебарду Изумрудная Рысь, что я высоко ценю его заботу о репутации дома, потому возвращаю пропажу. Кроме меня

никто про находку не знает. Взамен прошу поддержать мою небольшую просьбу насчёт отправки Зелёной стражи. Никто не должен оспаривать решения Светлого величества и укрывать нарушивших закон. Пусть сотрут отбросы в порошок.

Посредник поклонился, забрал шкатулку и вышел.

Едва захлопнулась дверь, наглухо отсекая звуки, заговорил капитан. Фахтна считал, что лишь дураки окружают себя соратниками без собственного мнения, не готовыми высказать сомнения, если командир принял не самое лучшее решение. Потому сейчас капитан поинтересовался.

– Ваша Светлость. Я понимаю, удачно подворачивается повод для небольшой победоносной войны. Формальности и традиции должны быть соблюдены: брат невесты получает награду из рук короля, на церемонии знакомит сестру с кронпринцем, дальше всё идёт «само собой».

Фахтна кивнул. Король и его дети, в отличие от остальных гвенъя, имеют право каждый на целый десяток жён, и как раз кронпринц ищет себе ещё одну. Алмазный Полоз зимой договорился с Его Величеством выдать за наследника престола свою младшую дочь. Это ещё сильнее упрочит положение лорда Фахтны. А там недалеко и до того, чтобы стать дедом очередного короля.

– Не слишком ли разорительно? Выкручивать руки Малому совету ради каких-то отбросов? Пусть, раз у них нет щита в Геральдической палате Синклита, можно эффектно всё сжечь дотла. Небольшую войну можно провернуть и парой

обычных полков, пусть и не такую победоносную.

Фахтна улыбнулся.

– Вы правы, Далваха. Именно про будущую свадьбу все и подумают. Раз уж про неё первым делом вспомнили даже вы. Армия пройдёт по границе гор, степняки её не заметят. Но люди наверняка торгуют со степью, вы обязательно прирежете кого-то из торговцев. Выходит, обратно той же дорогой идти нельзя. Зато рядом с этим новым Королевством, если вы помните, располагался удобный перевал через Срединный хребет. Вы отступите через него в сторону портов Кассереса. И обязательно пройдёте через город Аранкуэс. Его мастерские последние годы всё быстрее начали вытеснять нас с рынков юга. Подходящий инцидент мои агенты обеспечат в нужный момент.

Капитан поклонился.

– Ваша воля будет исполнена, мой лорд.

Столичную резиденцию Изумрудных Рысей строил ещё прошлый лорд, не считаясь с расходами. Величием и роскошью дворец поражал воображение любого, кого хозяин удостоивал приглашения. Первым гостей встречал огромный парк. Он был устроен по стройному и симметричному рисунку. Везде мраморные статуи, изображавшие сцены из истории Великого Леса – причём здесь они не казались пошлым подражанием людям. В центре парка большой восьмиугольный бассейн. А совсем рядом с дворцом шумел фонтан, изображающий выползшего из пещеры драко-

на. Проехав главную аллею, гости попадали на широкую набережную. Там, отражаясь в реке огнями, сиял сам дворец. Изящные шпили, стрельчатые окна, многоцветные витражи и ажурные балконы создавали ощущение воздушной лёгкости, не свойственной камню.

Дворец вместе с пристройками напоминал обращённую к реке подкову. Поэтому дорога тоже делала небольшую петлю, чтобы через большие ворота с фронтоном, украшенным серией скульптур, изображающих четыре стихии и четыре времени года, можно было попасть в большой мощёный двор. Во время официальных приёмов здесь гостей сразу же встречали лакеи, услужливо помогали выйти из кареты или спуститься с седла и вели в бальную залу, занимавшую весь первый этаж главного здания. Но сейчас слуга лишь помог спуститься с коня, отдал повод подбежавшему конюху и повёл Посредника за собой. Через боковой пристрой путаными коридорами на второй этаж в кабинет хозяина.

Хотя всё было думано-передумано тысячи раз ещё по дороге, Посредник против воли снова принялся рассуждать и взвешивать. Чтобы война закончилась побыстрее и поэффектнее, Фахтна захотел отправить Зелёную стражу. Расклад был понятен: Алмазный Полоз и его вольные и невольные союзники солдат дают, вечные политические противники Серебряные Ястребы откажут. Оставался род Изумрудной Рыси. Его новый глава по возможности придерживался нейтралитета, но именно в этот раз лорда Херебарда необхо-

димом перетянуть на свою сторону. И все заботы переговоров опять легли на Посредника.

Каждый раз, глядя на молодого лорда Рысь, Посредник с трудом удерживал на лице маску равнодушия. Честно признавался перед собой, что лорда Херебарда он боится и ненавидит. Прятал свои чувства очень глубоко, был уверен, что лорд его неприязнь замечает – но ничего с собой поделывать не мог. Рысь был изумительно красив, вот только за манерами и щегольским кружевным камзолом думающего лишь о развлечениях светского повесы, который даже волосы отрастил по утончённой моде до лопаток, прятался острый как бритва ум. Не менее острый, чем у лорда Фахтны. Эдакий ядовитый змей, из тех, что водятся на юге Великого Леса. Насколько проще было с его отцом... а от этого молодого поганца не знаешь, чего ожидать. Вот и сегодня, когда Херебард согласился встретиться с Посредником сразу, засосало под ложечкой в ожидании неприятностей.

За пару лет, пока они не виделись, лорд Рысь стал чуть старше и от этого ещё красивее. К дарованному от рождения Кайной-ведущей-души-в-мир добавилось очарование зрелости уверенного в себе мужчины. И ведь знает, какое впечатление производит – потому сейчас с непринуждённым видом сидит в роскошном кресле и крутит на пальце прядь волос. С усилием взяв себя в руки, Посредник сел в кресло напротив, поставил шкатулку, откинул крышку. И кратко изложил просьбу Алмазного Полоза вместе с намёками.

– Мой господин просил передать вам этот именной перстень. Его нашёл в Араглине, в квартале Оливковых ветвей, вассал Его светлости лорда Алмазный Полоз. Он высоко ценит вашу заботу о репутации дома, потому возвращает пропаяжу. Взамен просит поддержать небольшую просьбу в Совете. Отправить Зелёную стражу наказать нарушивших волю Светлого величества и заодно всех укрывавших нарушивших закон.

– Хорошо. Я ценю любезность и поддержку лорда Фахтну, которую он всегда оказывал мне и моим родителям. И согласен. Но после этого мы друг другу ничего не должны.

Предчувствия взвыли дурным голосом: так легко не бывает. Почему этот хищник больше ничего не попросил взамен? Что бы там ни думал Полоз, оказанная услуга стоит куда меньше. Да, доказательство позорных развлечений отца с людскими шлюхами доставит лорду Херебарду немало неприятных минут при дворе. Никаких политических последствий не будет, все уже успели оценить зубы и когти самого молодого члена Палаты Великих лордов.

Но лорд Рысь лишь спросил:

– Всё же, удовлетворите моё любопытство, а зачем лорду Фахтне это надо? В то, что он хочет лишь поддержать закон и наказывать давших приют отступникам, я не верю. Рассчитывает на свару со Степью и хочет заранее оторвать от степняков нового союзника? Слишком грубо. Или... дело в ином? Мои шпионы донесли, что в этом новом королевстве, кажет-

ся, открыли секрет дымчатого булата, и Касильяс таким образом скоро потеряет на него монополию. Ну что же, я не претендую. И желаю Алмазному Полозу финансовых успехов, а также выгодного договора по итогам войны.

Посредник покидал Херебарда в отвратительном настроении. Про Касильяс он не слышал, и был уверен – его наниматель не знает тоже. Дело сложилось намного проще, чем он предполагал, уходя от Полоза. Так на что же рассчитывает этот хитрый и злопамятный кот, если так легко отказался от дополнительных условий? В победе оба не сомневались ни мгновения, «зелёные» не зря считаются лучшими воинами мира. Среди них редко попадались гвенья моложе полувека. Многие из солдат – маги, все с огромным боевым опытом. Тысячи хватит сравнять с землёй любую из стран людей – а тут в поход уйдёт больше шести. Но вот потери могут оказаться куда выше, чем рассчитывает Фахтна. Ведь, принимая на своей земле беглецов, тамошний правитель наверняка думал о последствиях. А влияние Великого лорда не в последнюю очередь определяется тем, сколько Стражей он может призвать под свои знамёна.

Херебард молча неподвижно сидел в кресле, не касаясь шкатулки. И лишь когда слуга доложил, что гость покинул дом, приказал:

– Управляющего поместьем ко мне.

Сам же, снова оставшись в одиночестве, с лихорадочным блеском в глазах схватил шкатулку, чуть не сломав при этом

крышку. Вынул перстень и внимательно принялся его рассматривать, в том числе магией. Наконец без сил уронил украшение на стол и с облегчением откинулся на спинку кресла.

Дверь скрипнула, впуская управляющего помещьем. Тот был уже немолод, потому шагал тяжело, плечи слегка согнулись под грузом лет. Стоило двери захлопнуться, а взгляду зацепиться за перстень на столе, измождённый жизнью старик исчез. Словно сбросил половину прожитых лет. Старый волчара, способный цапнуть не хуже молодого волка.

– Мальчик мой, это оно?

– Да, наставник. Тот самый. Я проверил. Под внешний слой никто не заглядывал.

Ученик и наставлявший его в искусстве политики учитель, настоящий сенешаль-казначей дома, хоть формально и без должности, переглянулись. Старший без сил рухнул в гостевое кресло и беззвучно заплакал.

– Мы спасены. Столько лет жить под этим мечом... Хвала всей Сотне богов разом, кто бы там ни постарался.

Херебард молча кивнул. В своём беспутстве отец продвинулся куда дальше, чем все подозревали. Поклонники Сета верили, что раньше Свет и Тьма были разделены между собой, а потом тьма напала на свет, разорвала на части и частицы света обволокла. Так получился материальный мир, как смесь мрака со светом. Имеющие душу обязаны добиться, чтобы частицы света были освобождены. А для этого на-

до добиться подлинной смерти. Самоубийство не помогает, потому что существует переселение душ из тела в тело, ты опять возродишься, и придётся все начинать сначала. Надо потерять вкус к существованию. А для этого требовались оргии с полным развратом, побольше удовольствий, поощрялись ложь и клятвопреступничество. Это помогает душе устать от жизни и освободиться.

Те, кто в Сета не верил, с догматами его последователей не соглашались. Особенно когда в оргии втягивали несовершеннолетних: «пусть пораньше всё познают, а от того быстрее освободятся». Пойманных адептов Сета варили живьём на площадях, не глядя на то, какое положение они занимали в обществе. Потерянный перстень на самом деле под несколькими слоями защиты скрывал пароль-пропуск на оргии. Ведь покойный лорд полного посвящения не проходил, он был лишь «стремящимся к богу». После очередной попойки в борделе квартала Оливковых ветвей перстень потерял, обнаружил это лишь через неделю, когда приехал в родовые владения. Вернуться и отыскать не успел: из Араглина пришла новость про облаву на адептов Сета. Испугавшись, лорд Рысь той же ночью выпил яд.

– Уничтожь его. Немедленно.

Херебард кивнул. Кинул перстень в камин, там мгновенно полыхнуло пламя: магом Великий лорд был не самым слабым, пусть знали про его возможности немногие. Вдобавок к нему присоединился сенешаль-казначей. Когда от перстня

осталась перемешанная с золой лужа металла, сенешаль-казначей наконец спросил:

– Кто? И за какую цену?

– Алмазный Полоз. Он не знал, думал отец всего лишь ходил в бордель с человечками. Там и потерял по пьяни. Цена... Я согласился, что наша Зелёная стража будет участвовать в его войне с людьми. Свадьбе с кронпринцем нужны красивые декорации героя.

– Немало. Но судьба нашего рода и нашего Дома стоят дороже. И стоит подумать, как нам нейтрализовать Полоза. Если он всё-таки докопается, что именно держал в руках, но упустил.

Глава 5. Кто с мечом к нам придёт

Нет границы у бескрайней степи. Днём и ночью бегут зыбкие волны изумрудной травы, не смолкая, ведут свои хорюводы жаворонки и соловьи. Но стоит подойти ближе к горам, как исчезает голая трава, начинается дубовая степь – будто кто здесь сеял дубы, редко бросая жёлуди на волю степного ветра. Пройдёшь ещё дальше, и деревья начнут расти всё ближе друг к другу, постепенно смыкаясь в настоящую лесную гущу. Но и лесного моря хватит ненадолго, понемногу опять начнут редеть сосны, дубы и ели, лес распадётся на островки. А потом его сменят кустарники и мшаники, чтобы в свою очередь уступить место голому камню и снегу поднебесных вершин. Но от Козьего урочища до гор ещё несколько дней пути.

По степи Зелёные стражи шли небольшими отрядами, хотя и достаточно близко друг к другу. Широкой сетью. Не увидят большую армию разъезды, не оставят поверху дёрна тысячи ног в одном месте не зарастающую рану. Но случись беда – соседние отряды всегда успеют прийти на помощь друг другу. Незамеченными прошли лучшие воины мира через Степь, прячась где магией, а где лишь опытом и умениями. И теперь возле Козьего урочища небольшие отряды собрались в единый кулак, чтобы ударить по людям.

Отсюда армия гвенъя двинулась прямо на восток, в сто-

рону заката. Местами были заметны следы тележных колёй. Они кончались у взлобка. Здесь были подкопы, виднелась желтовато-серая, жирная под дождём земля. Справа высился холм, вокруг него развернулось высокое, очень ровное место. До самого горизонта по степи разбросаны дубы, редкие, кряжистые, корявые, каким бывает дерево, растущее в одиночку. Оно тянет более вширь, чем вверх. Слева в глубокой балке, густо заросшей лесом, тёк ручей. Шли молча. И отнюдь не потому, что боялись выдать себя звуком. Слишком давила на всех аура места, рассказами про которое почти два столетия пугали истории сказителей и баллады менестрелей. Здесь мятежные магистры Ордена запретного знания встретили армию Синклита магов. Великое воинство, в котором единственный раз собрались под одними знамёнами люди, нэрлих и гвенъя. Домой тогда вернулся, говорят, один из тысячи.

Стоило пройти страшное место, как солдаты в колоннах заулыбались, начали перешучиваться друг с другом. По привычки негромко, хотя нужды в этом и не было. Разведчики и боевое охранение прошли заранее, внимательно наблюдая не только за возможным врагом, но и за местностью. И тут же маги формировали полог, в поддержание которого участвовал каждый гвенъя. Не просто дымка или чернильное пятно – так можно спрятать число, но не то, что наступает армия. Полог настолько точно копировал окружающий мир, рисовал фальшивую картину для глаза и уха, что можно идти в

полусотне шагов, и будешь думать – никого рядом нет.

Хмурился один младший сын лорда Полоза. Именно он назначен старшим официально. Но командующий отцовским отрядом, тот, кто должен был его поддерживать и следить за исполнением приказов – первым задвинул своего молодого начальника в сторону. Обидно намекнув: молокосос пусть во дворце своей знатностью трясёт, а среди настоящих мужчин заткнётся и не мешает. Конечно, при дворе за наказание отступников и всех, кто им помогал, всё равно будут чувствовать младшего Полоза. Но все, от кого хоть что-то зависит, прекрасно разберутся и так.

Капитан Далваха на размышления молодого господина, которые прямо таки читались по лицу, мысленно посмеивался. На поздравления Его величества и вручённые во дворце бесполезные побрякушки-ордена ему было наплевать. Зато когда настоящий приказ лорда Фахтны будет исполнен, и город Аранкуэс станет развалинами, нынешний лорд Серебряного Янтаря скоростижно скончается. Вместе с наследником. Осиротевшая младшая дочь, да ещё несовершеннолетняя, будет нуждаться в опекуне и защитнике. Таким, как герой Далваха. А там обязательно влюбится и выйдет за своего спасителя замуж. Если остальные и начнут смотреть на нового лорда Янтаря как на безродного выскочку, то с таким покровителем, как Алмазный Полоз, презрение старых родов можно и пережить.

Зелёные стражи были хорошими солдатами и офицерами,

Далваха не без оснований считал себя неплохим командиром. Не старался, как делали в отрядах людей, лично присматривать даже за кашеваром. Это не генеральское дело. Потому сейчас просто шёл вместе с остальными в общей колонне, также машинально участвовал в поддержании маскировки и предавался мечтам про свою будущую жизнь.

Из приятных размышлений вырвал гонец. Далваха сразу нахмурился: боец был из дальнего охранения.

– Командир. Мы вышли к границе. И... в общем, странная она. Чувствуется магия степняков, но и что-то ещё. Сходу не разобрать. Глухо вокруг, ни души. Чем угодно можно поклясться – самое меньшее две седмицы никого не было. Зато каждый перестрел висят в воздухе мешки. К земле при-
вязанные. От них и тянет и магией, и остальным.

Далвахе захотелось выругаться. Сам посмеивался над молкососом, и сам точно также размечтался заранее. Прогулочка без особого труда?

– Командуйте остановку. И старших разведчиков ко мне.

Каждый из отрядов имел свою разведку, хоть на время похода все и подчинялись одному генералу. Потому сейчас старшие разведчики выслушали приказ. Отобрали лучших в каждом из отрядов, составили несколько групп. И послали незаметно обследовать границу на несколько миль в обе стороны, выяснить, что за мешки.

К вечеру Далваха и капитаны отрядов на штабном совещании слушали отчёт разведки.

– Судя по всему, здешние люди знают несколько больше, чем обычно в Королевствах. Они знакомы с гелием. Мешки наполнены им.

Капитаны обеспокоенно переглянулись. Гвенъя заметно обогнали соседей в ремёслах за последние два века не только потому, что жили вдвое больше людей. Когда Великий Синклит рассорился с Орденом, объявил его Запретным, а мятежные магистры бежали в горы и Брошенные земли, Великий Лес официально поддержал эмбарго. Негласно при этом продолжил торговать – хлеб, металлы, рабов в обмен на знания и заготовки сложнейших амулетов. Чернь про это, конечно, не подозревала. Но приближённые Великих лордов хорошо представляли, откуда Избранный народ знает так много. Сто лет назад, когда Орден сначала отгородился от мира, а потом пропал вообще, гвенъя были уверены: никто и никогда их не догонит. И вот теперь оказалось, что люди поселились на бывших землях Ордена не просто так, а что-то сумели найти и разобраться. Возможно – ищут дальше. Повод новое королевство сжечь дотла куда весомей, чем укрывательство отступников.

Старший разведчиков продолжил.

– На мешках, насколько мы смогли понять, не выдавая себя, установлены амулеты вроде искусственного глаза. После возвращения рекомендую отрядам Полоза, Рыси и Медведя обмениваться опытом по части подготовки магов разведки. Благодаря действиям трёх разных школ мы сумели получить

изображение, на шарах довольно необычные чары от подглядывания.

Капитаны синхронно одобрительно кивнули. Пусть их владыки не ладят и откровенно враждуют – есть вещи, в которых они сначала Зелёные стражи, а уже потом подданные того или иного лорда.

Разведчик подвесил иллюзию шара, дальше как бы срезал кусок и начал давать пояснения.

– Не могу сказать, на каком принципе оно работает – я не артефактор. Но назначение угадывается однозначно. Вот это – стеклянный глаз, он всё видит. Это ухо для звука, это ухо для магии. Всё предаётся вот сюда, – кровеносными жилами на иллюзии шара вспыхнули цветом линии, сходящиеся к непонятной коробке размером с три мужских кулака. – Эта штука всё передаёт хозяевам.

Когда разведчик ушёл, капитаны начали совещание. Мнение высказывали по очереди, но без старшинства: они равны. Молчал пока лишь Далваха.

– Орден.

– Скорее наследие. Явно новоделы, а не старые амулеты.

– Вопрос, как пройти границу так, чтобы нас не почуяли? Лишние сюрпризы – лишние потери. Взять сначала кого-нибудь, хоть крестьянина. И допросить с пристрастием.

Выслушав последнюю идею, в разговор вступил Далваха.

– Согласен с предложением капитана Рысей. Завтра рассредоточимся, послезавтра наблюдаем. Третьего дня одно-

временный переход. Ещё. Иллюзию строим полную, не только картинку. Звук, все невидимые эфирные волны. Вдруг они слышали про зрение пчелы?

Капитаны опять синхронно кивнули. Возможно, здешние люди уже знают, что кроме тепла и обычного света есть множество других видов света: пчела видит одну разновидность, змея другую. И вряд ли люди успели поднатореть в искусстве работать с невидимым. Подделку им не отличить.

– Границу переходить отрядами не больше пяти-шести сотен. Там по обстановке. Наверняка маги и алхимики людей копаются в главной резиденции Ордена. Потому наступление продолжим по старой дороге. Отряд по ней поведу я сам.

– Слушаемся, мой командир.

Лес о многом может рассказать, если научиться его слушать. По травинкам снуют букашки, в воздухе жужжат дикие лесные пчелы. В чаще нельзя пройти, не запутавшись в клейкой паутине: это пауки вышли на охоту, раскидывая тенёта между кустами и деревьями. По стволу старого дерева бегут цепочкой муравьи, несут к себе домой каких-то жуков. В листве деревьев щебечут птицы. Как будто куст сдвинулся с места и убежал – а на самом деле заяц притворился кусочком летнего леса. Если с дерева на голову посыпались ореховая шелуха или шляпки желудей, значит, это запасливая белка готовит себе тайничок с едой. Хотя до зимы ещё далеко, лесные жители уже думают о ней, нагуливают жирок, пользуясь летним изобилием. Ни души в лесу: бестелесными

призраками скользят Зелёные Стражи через границу.

Осторожно перебравшись через кусок, на который смотрели амулеты с шаров, Далваха перевёл дух. И тут же к нему тенью скользнул разведчик из передового дозора. С докладом.

– Старая дорога охраняется. Заметили отряд пограничной стражи. Пока не трогаем.

Капитан кивнул: согласен, пусть идут. Если дозор вовремя не вернётся на заставу – подымут тревогу.

– Неподалёку хутор. Дальше, примерно лигах в трёх село. Вероятно. На него вышли Лебеди.

Далваха удивлённо поднял бровь и разведчик пояснил.

– Смотрели магически. Там река небольшая перед ней. И храм, село явно немаленькое.

Капитан кивнул: принято. Текучая вода мешает наблюдениям «на ходу», да и жрецы любят и умеют хранить свои тайны от простого магического подглядывания. А разворачивать сейчас полноценную пентаграмму слежения нет смысла. Проще ногами добраться.

– В лесу ближе к деревне заметили троих. Хутор и в лесу решили брать для допроса.

– Согласен. На всякий случай пусть ближайший отряд выдвинется к домам. Но пока село не трогать.

Ближе к полудню небо, которое до этого надумало было укрыться пеленой облаков, вдруг как-то быстро стало расчищаться. Ветер усилился, облака помчались с запада на во-

сток ещё быстрее, и имели разломаченный, растерянный вид. Хотели обволочь небо белёсой хмарью – да не вышло. Столетние деревья качались, как слабые тростинки. В воздухе закружилась сухая трава, листва, сорванная с деревьев, и мелкие сучья. Птицы и звери торопились найти укрытие, опасаясь, что ветер передумает, тучи застрянут в поднебесье и обрушаться вниз грозой.

Бесплотными тенями мчался через лес десяток Стражей. Гвенья шли хоть и быстро, но осторожно. Дворянку – тринадцатилетнюю девчонку в ярко-красном платье, похожем на шёлковое – захватить. Желательно без применения парализующих чар: они сильно усложняют допрос. Так что надо подобраться вплотную к спешившим домой людям. Точным заклятием убить охранников: двух парней в пятнистой маскировочной одежде. Неплохо выученных охранников, это старший десятка оценил сразу. По лесу шли мягко, всё время настороже. Чтобы не рисковать, гвенья пропустили несколько возможностей напасть. И лишь когда люди поднялись на небольшой, поросший сосняком пригорок, а силуэты чётко обрисовались на фоне неба, атаковали.

Страж встал в полный рост, создал чары, и в спину шедшего последним парня ударила молния. Секунду спустя второе заклятие полетело в другого охранника. Дальше – больше по привычке – гвенья рухнул в траву и откатился, создавая полог. Если девчонка маг, то может бросить что-нибудь в ответ. Убить, конечно, не убьёт, но в состоянии аф-

фекта иногда выплываются весьма причудливые проклятия. Это стража и спасло. Там, где он только что стоял, и вокруг со страшной затарабанили куски металла, выбивая щепу из стволов и фонтанчики земли. Гвенъя приподнял голову, осмотрелся и выругался. Доспех на охранниках был незнаком, потому действовать пришлось не точечным, а универсальным заклятием: чтобы пробило наверняка. Удар вызывал сначала судороги, потом паралич и смерть. Но кто мог предполагать, что скованный дикой болью человек не просто упадёт, а в последнем усилии, раскинув руки, прыгнет вперёд, заслоня товарища?

Долго думать не вышло. Пришлось снова перекатываться, уходя из-под обстрела. Непонятное оружие трещало и метало куски металла с такой силой, что пробивало любой защитный полог. Остальные Стражи не растерялись. Пользуясь тем, что охранник теперь один, тут же принялись обходить взгорок с другой стороны. Ничего не вышло. Стоило хоть одному гвенъя на мгновение показаться между деревьями, как ухнул взрыв, и затрещало второе оружие. Девочка-дворянка оказалась обучена воинскому делу? Хотя и нечасто, но среди людей встречалось и такое. Ценность пленницы для будущего допроса от этого выросла. Пусть теперь придётся брать её с помощью магии, потом допрашивать больше пытками, а перед этим ждать, пока рассеются следы паралича.

Десятник погладил себя по седым усам, поморщился. Он был ограничен в возможностях. Арбалеты в лесу не уступали

в дальнотойности оружию чужаков, но бить прицельно надо хотя бы с колена. Люди могли отстреливаться лёжа. Бросать тяжёлые заклятья вроде разрывных шаров – подползти не трудно. Но это гарантированно угробить обоих. К тому же пару раз люди использовали какие-то алхимические устройства, дававшие взрывы и рой осколков: одного бойца по незнанию вскользь зацепило. Прикинув диспозицию, старший определил, с какой именно стороны девчонка – там пальба велась не так аккуратно и намного менее точно. Отдал нужные команды. Теперь гвенья подползали с разных сторон. Не очень прицельный выстрел из арбалета, больше поугать: зачарованные наконечники при попадании выбрасывали сноп искр и издавали противный звук. Не опасно, но страшно. Перекатиться, спрятаться под маскировкой. Бросить молнию так, что от сосенки перьями во все стороны полетели ветки и хвоя. Пока стрельба на мгновение смолкла, метнуться вперёд, в следующее укрытие.

Наконец один из стражей сумел подловить человека. В паузу, когда госпожа, судя по всему, перезаряжала оружие. Сдвинулся вперёд и всадил в человека смертельное заклятье. И для надёжности выстрелил из арбалета зачарованной стрелой. Тут же второй страж подобрался вплотную и накрыл пригорок чарами бессилия. На какое-то время окружающий лес заволочла густая патока тишины. Убедившись, что это не обман, и противник повержен, стражи, уже ничего не опасаясь, встали в полный рост. Двое отправились за пленницей.

Охранник валялся, уткнувшись лицом в землю. Из спины под углом торчала арбалетная стрела: Страж не пожалел дорогой, бронебойной с вплетёнными в структуру металла заклятиями. Рядом, скрючившись в позе эмбриона, лежала девочка. Гвенъя поймали полный ненависти взгляд. Снисходительно усмехнувшись, один из них сказал:

– Отбегалась, птичка.

– Сдохните!

Ослабевшие пальцы раскрылись, граната выкатилась под ноги стражей. Те успели среагировать, отпрыгнули в сторону, пытаясь закрыться пологам. Бесполезно. Грохнул взрыв, изрешетив всех троих осколками.

Ферма, на которую нацелился другой отряд гвенъя, была очень богатой. На несколько перестрелов вокруг огороженного высоким подворьем забора раскинулись поля. Внутри мычала скотина. Но вокруг – никого. Видимо, как всегда в полдень мужчины отдыхали и обедали. Далваха как раз успел к моменту, когда трое Стражей пошли за пленниками. Молодые парни, упростили отпустить десятника именно их ради права первой добычи: если на ферме будут женщины, то они смогут выбрать себе для развлечения ту, которая понравится. Самый приятный способ психической ломки перед ментальным допросом. Капитан Алмазных полозов успел подумать, что он бы на всякий случай отправил мужиков постарше. Чего-то ему не нравилось, нехорошо сосало под ложечкой. Но десятник уже решил, а вмешиваться по та-

кому несущественному поводу в дела подчинённого для командира глупо.

Подбираться к человеческим крестьянам, словно к воинам, ползком, маскируясь, гвенья посчитали ниже своего достоинства. Решили, что простого морока отвести взгляд чуть в сторону и щита от случайной стрелы хватит, чтобы перебежать пустое пространство... Далваха понял, что ему не понравилось на поле, слишком поздно. Следы поспешного бегства! Словно откуда-то узнав про вторжение, крестьяне поспешили укрыться за частоколом. И тут же со стороны фермы два раза бухнуло, потом затрещало. Закричал раненый. Да, люди не могли точно прицелиться. Вместо этого врага подпустили поближе. А потом по широкой дуге навскидку выпустили весь рожок автомата очередью, добавив два выстрела картечью.

Тело среагировало само. Далваха упал на землю. Над головой звонко щёлкнул кусок металла. Это люди перенесли огонь примерно в то место, откуда вышли стражи. Помянув отца всех козней рыжего шутника Эбрела, Далваха отполз поглубже в лес и уже там встал. Ферму теперь придётся штурмовать словно настоящую крепость. Допрашивать того, кто после этого боя уцелеет, и допрашивать абы как. Аура от взрывающихся рядом боевых заклятий мутнеет очень сильно, ни один ментальный маг потом ничего не разберёт. Хуже варианта начала вторжения не придумаешь.

Очень скоро оказалось, что хуже быть всё-таки может.

Примчался гонец от отряда Лебеда с коротким сообщением: «Не деревня. Пограничный форт. Нас обнаружили. Начал штурм».

Глава 6. От меча и погибнет

Ночью в коридорах, где располагались кабинеты вспомогательных служб Центра наблюдения, работало лишь дежурное освещение. Потому всех четверых сейчас окутывал полумрак. Что, впрочем, не мешало Тарье достаточно хорошо видеть стоявших перед ней. Двое парней – плечи понуро опущены, взгляд упёрся в пол. И девушка рядом: тоже изображает раскаяние, но понятно, что только изображает. Ведь хотя причина сегодняшних неприятностей именно она, формально провинились лишь два балбеса рядом.

Тарья несколько раз медленно вдохнула и выдохнула, стараясь успокоиться. Заодно окатила всех троих гневным взглядом, от которого парни ещё сильнее сжались, да и Маша явно почувствовала себя не в своей тарелке. Очень хотелось кого-нибудь прибить, желательно начать с красавицы напротив. Ибо именно она вертела хвостом, распалая уха-жёров. Нравилось ей смотреть, как парни из-за неё петушатся. С удовольствием глядела, как два дурака решили «поговорить по-мужски», а для этого рано утром отправились в дальнее крыло. Сначала скандалили в кабинете, потом вышли в коридор, собираясь подраться. И если бы заподозрившая неладное Тарья не успела, кончилось бы всё... лучше про это не задумываться.

– Два идиота, которые забыли: пусть до сентября – но на-

дели форму, – Тарья очень надеялась, что голос у неё не дрожит. – Вы понимаете, чем теперь всё должно закончиться?

И ткнула пальцем в погоны. Парни молчали. Говорить им было нечего. Когда на лето, пока ожидали очередную волну химер с востока, штатных чародеев-наблюдателей решили заменить лучшими студентами маг-факультета, они принимали присягу и подписывались под распорядком работы в Центре. За драку обоим грозил трибунал.

Маша тоже смотрела на Тарью неприязненно, но причина её нелюбви лежала совсем в ином. Погоны младшего лейтенанта и должность старшей смены получила не она, красавица и умница-старшекурсница, а выскочка, едва перешедшая на второй курс. Объяснять ей, что по части практического применения магии наблюдения конкурентка имела опыта больше, чем у всего пополнения вместе взятого, да вдобавок участвовала в разработке системы контроля, Тарья не собиралась.

– И одна дура. Вот уж точно как в анекдоте – кто умный направо, кто красивый – налево. А ты у нас обезьяна, которая думает, что ей стоять посередине?

Машино лицо пошло багровыми пятнами, девушка открыла рот сказать в ответ гадость. И осеклась. В глазах у Тарьи загорелся нехороший огонёк, губы сжались чёрточкой. И потянуло от неё чем-то звериным. В подобном состоянии во время жизни в Королевствах она недолго думая могла полоснуть обидчика ножом.

– Сдать вас, что ли, военной полиции? Всех троих. И не думай, Мария, что сумеешь отсидеться в стороне. Я подам рапорт так, что ты по любому пойдёшь соучастницей. Даже если отмажешься, что была зачинщицей – всё равно знала, смотрела на драку, но не доложила.

Парни побледнели, Маша закусила губу. Этот вариант она не предусмотрела. Тарья подождала с минуту, пока троица дойдёт до нужной кондиции. Потом щёлкнула пальцами. С них посыпались разноцветные искорки. Простенький, но эффектный трюк, который она выучила ещё лет в двенадцать – но студенты его не знали. Их натаскивали на теорию и на полезную в народном хозяйстве практику. Потому сейчас глядели разинув рот, можно было без труда угадать пришедшую им голову мысль: оказывается, в магии Тарья очень крута, потому именно она и стала начальницей.

– Могу предложить альтернативу. Вы двое идёте сейчас занимать посты в диспетчерской. Нарядами вне очереди я вас потом нагружу. И чтобы тише воды ниже травы до сентября. При следующем проступке припомню сегодняшнее. Теперь ты.

Тарья вперила взгляд в Машу.

– Мне не нужна проблема. А ты, как я сегодня поняла, будешь проблемой постоянной. Потому прямо сейчас мы идём в канцелярию, и ты подаёшь заявление. Что не в состоянии служить в Центре и потому просишь перевести тебя отсюда. Куда угодно, хоть уволить с концами.

Маша в первую секунду от такого предложения задохнулась, как рыба на берегу открывала и закрывала рот. Во время набора добровольцев прямым текстом сказали, что работа здесь хорошо зачтётся в будущей карьере. Написать заявление – признать непригодность, и станет служба в Центре для карьеры не плюсом, а минусом. Но почти сразу прагматизм совладал с эмоциями. Лучше так, чем трибунал.

– Согласна.

– Тогда все бегом.

Парни остались стоять на месте с понурой головой. Один из них жалобно сказал:

– Дверь захлопнулась. А куртки с пропусками там остались.

Тарья злорадно хохотнула.

– Слесаря вызвать? Заодно объяснительную напишете, какого ляда в шесть утра попёрлись сюда. Ладно, я сегодня добрая.

Под оторопелые взгляды остальных, Тарья достала из кармана универсальный многолезвийный ножик. Делала себе на заказ и так, что часть инструментов имели двойное назначение. Например, использовать как отмычку. В пару шагов оказалась возле двери, присела. Ничего секретного в этом крыле не держали, да и посторонних на территории Центра не бывало. Потому замки стояли больше для порядка. Сейчас Тарье понадобилось полминуты. Закончив, она себя мысленно обругала: вот что значит долго не практиковаться.

Дверь тихонько щёлкнула и открылась. Парни бегом схватили куртки, чуть не забыли отдать ключи от помещения и поторопились убраться. Пока начальница не передумала. Тарья же неторопливо закрыла кабинет, взяла Машу под руку и повела её в кадровый отдел: хотя бы дежурный принять документы там точно есть.

В отделе кадров Тарья проследила, как Маша напишет заявление, а не выспавшаяся тётка его примет и зарегистрирует. Оставила теперь уже бывшую подчинённую заполнять остальные бумаги, а сама вышла. В коридоре обессилено прислонилась к стене и перевела дух. Повезло, что Маша и в самом деле дура. Не сообразила – скандал неизбежно ударил бы и по карьере Тарьи. Что она за командир, если довела всё до драки своих людей? Долго жалеть себя и радоваться удачному завершению дела не осталось времени. Посмотрев на висевшие на стене часы, Тарья рысью помчалась вниз, на этаж контрольных постов. Ей ещё проходить три досмотра на промежуточных КПП.

В зал наблюдателей Тарья вошла минута в минуту, внешне уже абсолютно спокойная. При виде предыдущей старшей смены сердце всё равно ёкнуло от невольной зависти. Эйнире Серебряный янтарь как всегда была безупречна: что когда как аспирантка-физик приходила читать лекции на их факультете, что когда в военной форме стояла в контрольном зале. И не спишешь на то, что гвенъя. Тарья ещё в Королевствах встречала их немало, да и здесь внимательно ознако-

милась с работами по биологии, доказывающими, что нэрлих, люди и гвенъя просто три разные ветви Homo sapiens. И никаких Высших и Низших народов. Всё равно Эйнире вызывала у всех студентов ощущение благоговения. А для Тарьи была образцом для подражания. Молода, красива, с безупречными манерами. Не родилась среди землян, а точно также приехала пять лет назад, но уже почти защитила диссертацию по физике. Оживший идеал, к которому надо стремиться.

Эйнире улыбнулась. Пользуясь тем, что операторы их не слышат, спросила:

– Судя по твоему внешнему виду и виду этих, – она махнула рукой, – петушков, проблема разрешилась? И как?

– Маша у меня написала заявление на перевод отсюда. Сидит в отделе кадров и заполняет бумаги.

Эйнире расхохоталась:

– Молодец. И не хочу знать, как ты всё провернула. Говорила я Манусу, что надо всех прогонять кроме общих тестов через Корпус психологов. Нет, нам нужно побольше операторов, и главное – талант.

Тарья пожала плечами. Кадровые вопросы на уровне декана и выше – а муж леди Янтарь входил в руководство структур Сената, занимавшихся магическими делами всей колонии – были вне её текущей компетенции. Хотя и Мануса она понимала. Если информацию с камер обрабатывал уцелевший ещё с Земли суперкомпьютер, то с магией так пока не

получалось. Хорошо хоть наладили систему наблюдения и передачи, да и оператор в аналоге виртуальной реальности обрабатывал не датчики поштучно, а сразу приглядывал за несколькими секторами. Всё равно чародеев не хватало, особенно сейчас, когда опытных людей вынужденно перебросили на восток. Поэтому главными критериями стали уровень способностей включаться в систему и психическая устойчивость к нагрузкам. Совместимость студентов друг с другом для декана шла вторым по значимости пунктом.

– Смену сдала.

– Смену приняла.

Обе расписались в журнале, и Эйнире ушла. Тарья села в кресло, надела гарнитуру, но в систему включаться не стала. Пока нет необходимости. Операторы справляются и сами.

В ушах раздалась мелодичная трель вызова.

– Секция прямого наблюдения. Старший смены лейтенант Зеленихин. У вас что-то есть в шестьдесят третьем секторе?

– Секция магического наблюдения. Провожу первичное сканирование.

И сама себе кивнула, хотя и знала – собеседник её не видит. Переключилась на внутреннюю связь.

– Коля, в шестьдесят третьем что-то есть?

– Ничего необычного. Чуть больше локальных колебаний фона, но в пределах нормы.

Тарья переключилась обратно.

– Провели первичное сканирование. Пиков и выбросов нет. Что у вас?

– Сами не понимаем. Система забеспокоилась. Последние полчаса изображение с камер почти идентично записям вчерашнего дня в то же время. А перед этим с небольшим разбросом по времени по всему сектору два-три битых кадра.

– Вводная принята. Начинаю повторное углублённое сканирование.

Повторное наблюдение Тарья вела сама. И операторов от основной задачи отвлекать надолго нельзя, и опыта у неё всё-таки больше. Девушка надела глухой шлем, откинулась на спинку кресла. Глаза и уши окутала бархатная темнота и тишина. И тут же окружающий мир исчез: Тарья подключилась к системе. Мешанина из пятен разных цветов и температуры. Вот сладкий мёд – это жилые кварталы города. Шагнуть сознанием чуть дальше, и окутают сталь, запахи сажи и железа, меди и перегретого пыльного камня – так воспринимается промзона. Тарья поймала нить магического энерговода и скользнула по нему в шестьдесят третий сектор. В нём нет людей, только лес и животные. Лишь где-то за спиной небольшое медовое пятнышко: застава с ретранслятором. Здесь же ровное сплошное пятно тёмно-изумрудного цвета, с редкими искрами жёлтого.

Никаких аномальных выбросов, но Тарье с чего-то картинка не понравилась. Мысль сработала раньше, чем оформилась чётко. Тарья переключилась на шестьдесят второй

сектор. Он выглядел зарослями молодого салата. Шестьдесят четвёртый – тоже светло-зелёный. Сорвав шлем, Тарья, не обращая на то, что глаза от резкого перепада темнота-свет заслезились, лихорадочно ввела запрос на поиск по базе данных наблюдений. За последние три месяца – никаких отличий от соседей. А сегодня средний уровень превышает обычный показатель. Пусть и остаётся в рамках нормы.

Тарья торопливо включила общую связь секций и командования.

– Секция магического наблюдения. Подтверждаю обширную аномалию в шестьдесят третьем секторе. Совпадает с границами аномалии видео.

Пять минут спустя по Центру зазвенел сигнал:

– Внимание. Жёлтая тревога. Занять посты по уровню жёлтой тревоги...

Комар больно впился в шею, и молодой лейтенант-пограничник еле сдержался, чтобы не выругаться. Проклятое насекомое успело насосаться, и оставило после себя на пальцах противный красный след. «Дурацкий лес. И насекомые здесь ненормальные, весь в репелленте, а им хоть бы хны!» – лейтенант Свиридов мысленно позволил себе высказать, всё, что думает о доставшемся ему участке границы. Дальше обругал перестраховщиков, которые из-за сбоя устройств наблюдения, послали целый отряд проверить участок. Весной они тут с рыженькой девушкой, присланной из Центра наблюдения, за несколько дней вдвоём справились, обошли

аж сразу три сектора. От воспоминаний потеплело на душе. Вроде бы Тарья была не против его ухаживаний. По крайней мере, на письма отвечала, да и намёк, мол, когда Никита приедет в отпуск – встретиться, восприняла благосклонно.

На этом месте лейтенант себя одёрнул: не хватало, чтобы подчинённые его нервозность заметили. И так он самый молодой в группе. Хотя на заставе до сих пор никто и никогда себе снисходительности к молодому лейтенанту не позволял, Никита Свиридов всё равно чувствовал себя неуверенно. Особенно теперь, когда застава отвечала за солидный район – а помощи и, главное, совета ждать неоткуда. Большая часть пограничников и военных сейчас на востоке. И пусть северная граница с союзниками была спокойной. Охранялась больше для порядка и служила во многом школой «обкатки кадров» после училища. Всё равно – приграничье.

Никита дёрнул плечом, пытаясь отогнать очередного кровососа, потом мысленно на всё плюнул. Не так уж и досаждают. Если быть честным, дело вообще не в них, просто нервы. Раньше, как рассказывали сослуживцы, было легче. Конечно, нападение всякой гадости с востока в мае прошлого года стало неожиданностью – никто не предполагал, что не активированные икра и яйца спокойно пережили своих создателей. Старший брат Никиты был из «завтрашних». Тех, кто отступил в прошлое, родился второй раз, сохранив память и опыт предыдущей жизни. После Катастрофы организация

«завтрашних» вышла из тени, большинство из них логично заняли важные посты в промышленности, армии и правительстве. Знал и рассказывал брат о событиях на восточной границе чуть больше, чем передавали официальные сводки. Даже сейчас, просто вспоминая, парень почувствовал холодок между лопаток. Повезло, что выручили нэрлих, и до поселений твари не дошли.

Украдкой скосив взгляд на часы, Никита мысленно выматерился. Опять он задумался и за рассуждениями выпал из реальности. На полминуты, не больше, никто вроде не заметил – только какой тогда из него командир?! Всю жизнь на опытных сержантов и бойцов надеяться, а самому в облаках витать? Тогда зачем он нужен? Бросать армию к чёртовой матери в этом случае, пока не подставил кого!

«Это потому, что в этом году мы вообще одни, без нэрлих, – начал оправдываться внутренний голос. – Весной этого года неожиданно пошёл звёздный дождь метеоритов, а сейсмографы зафиксировали возле Южных островов землетрясение и цунами. «Провалились» остальные куски Земли, их энергетический импульс был изначально меньше, потому и достигли нового мира они с пятилетним опозданием. Явление закономерное, понятное. Но землянам и их союзникам. Для остальных столь необычные природные явления – грозное предзнаменование богов и демонов. Появились разного толка предсказания, ожили секты и пророки, запылали обиды. Каган держит армию наготове у северной и за-

падной границ. Лет сто назад раз тоже начиналось с необычной кометы и пограничных стычек с гвенъя, а закончилось большой войной, в которой Королевства и гвенъя ударили по нэрлих с двух сторон. И хотя повадки мутантов теперь известны, армия всё равно бдит на востоке. А нам здесь всё лето сидеть без поддержки...»

На этом месте своего выдуманного адвоката Никита оборвал. Людям, которых он обязан защищать, всё равно – есть союзники или нет. Они хотят спать спокойно. И будут правы, для этого военные и существуют.

Рядом бесшумно раздвинулись кусты, и возле командира на траву опустился радист:

– Товарищ лейтенант, «жёлтый» на весь шестьдесят третий. Пока без деталей.

Никита почувствовал, как отступивший было холодок тревоги возвращается. Жёлтый код означал: люди в ближайших деревнях и хуторах бросают всё и бегут под защиту стен. Пограничники должны отступить вглубь территории, перекрывая возможные места прорыва. И ждать данные разведки с воздуха. Но сразу везде солдаты оказаться не могут, потому сейчас от решения командира зависит, куда именно направятся бойцы – и успеют ли они именно к месту, где неведомая опасность ударит по людям. В голове сразу «высветилась» карта местности с населёнными пунктами, и, едва подошёл последний секрет, лейтенант отдал приказ:

– Выдвигаемся к ферме Щегловых.

Сержант-заместитель кивнул, молчаливо соглашаясь. Укреплённая точка прямо в середине линии аномалии. А если обнаруженное «нечто» ферму обойдёт и двинется к деревне – они успеют и туда.

До подворья оставалось чуть больше километра, когда донеслась стрельба. Сердце у Никиты ёкнуло: не ошибся!.. Но сразу же вбитые навыки взяли верх. Голова стала холодной. Лейтенант махнул бойцам, жестами отдавая приказы. К ферме, разбившись на несколько групп, пограничники подошли широкой дугой. Так, чтобы не терять друг друга. И с запада, со стороны, противоположной той, откуда шла интенсивная стрельба. Когда первая группа подошла к границе полей, в воздух, привлекая внимание, полетела ракета. На ферме поняли сразу. По лесу на восток ударили несколько коротких очередей трассирующими. Пограничники тут же открыли шквальный огонь по указанным местам. В ответ прилетел огненный шар. Но далеко в сторону. Разорвался, как фугасный снаряд, легонько толкнув воздушной волной. Больше ничего.

Прикрывая друг друга огнём, один за другим, через поспевающие поля гороха, пограничники бежали к ферме. Когда ворота захлопнулись, лейтенант оглядел подворье. Два сарая разбиты, стена дома закопчённая – рядом валялись три пустых огнетушителя. Прислонившись к дому, на земле сидел и хрипел парень, из бока торчала стрела. Хозяин стоял на подмостках, вглядываясь в лес. Его жена с радостной улыб-

кой накинула на ворота брус, потом подхватила с земли ружьё и тоже встала у бойницы.

Пограничники начали занимать круговую оборону. Никита взял радиста за плечо – тот как раз собирался в дом, разворачивать рацию. Негромко, чтобы никто не слышал, приказал.

– Как сообщишь, что у нас «Циклон»... Дальше сиди и передавай всё, что видишь. Если... Наши должны знать. Как можно больше.

Боец молча кивнул. Если напала не мелкая группа разбойников, а идёт крупное вторжение, шанс продержаться до подхода помощи хоть и есть, но мизерный. В одиночку погранзастава не справится, а большая часть пехоты на востоке. И все вертолёты там же. Перебросить их для поддержки с воздуха – пара часов как минимум...

Поля вокруг села Репьевка были полны насекомых, жужжащих, летящих, снующих туда-сюда, все заняты важными делами. К полудню солнце обычно пригревает настолько сильно, что внезапные порывы ветра и редкие облака не могут хоть ненадолго охладить зной и жару. Потому на этот час обычно и назначен обед: кабина трактора превращается в раскалённую железную печь, да и просто постоять на солнце – запросто схватишь солнечный удар. Сегодня поля опустели по иной причине. Из-за неё сейчас председатель спрятался в тени поселковой стены, всматриваясь в окружающее пространство биноклем через бойницу. В перекатывавшие-

ся зелёно-жёлтые волны зреющих хлебов. И в кустарник на цепочке холмов вдоль реки. С досадой подумал, что зря не настоял там всё вырубить. Его убедили: дожди будут смывать почву. А врагов нам бояться нечего, нэрлих с той стороны. Свои. И вот. Теперь в зарослях слона можно подвести чуть ли не к самой стене, и никто ничего не заметит.

Почувствовав, как со спины подошёл помощник – председатель узнал его по шагам, только он так шаркал во всём селе – спросил:

– Что слышно, Никифор?

– Пограницы стрекозу запустили. Скоро до нас доберётся. Миша смотреть зовёт.

Председатель почесал подбородок. Не к месту подумал, что вот он, признак старости – раньше брился раз в пару дней, а теперь уже к обеду кожа шершавая. Тут же заставил себя выбросить глупости из головы.

– Ну, пойдём. Раз ничего другого нет.

Картинка с беспилотника будет транслироваться в том числе и на стоявший в доме сельсовета приёмник. Может, что и углядят... ибо интуиция так и кричала: плохо дело. А председатель пережил и лихие девяностые, с налётами отморозков «плати за охрану или спалим». И войну с бандитами, попытавшимися после Катастрофы подмять под себя отрезанный от Земли кусок Ульяновской области. Потому интуиции привык доверять.

Обратился к пулемётчику:

– Дима, я тогда в сельсовет. А вы не расслабляйтесь тут без меня. Проследи.

– Будь сделано.

По дороге сосед негромко заговорил:

– Кузьмины беспокоятся. За дочку.

Председатель скривился. Несносная девчонка опять убежала с утра за грибами в лес. Выдрать бы, но она кроме грибов уже несколько раз находила в лесу заросли кое-каких растений, которые очень ценились шаманами. Мешочек такой высушенной травы стоил как КАМАЗ с зерном. Потому и родители, и односельчане на любительницу шляться по лесу смотрели снисходительно... Как бы сегодня это её любимое занятие не довело до беды. Больше успокоить себя председатель сказал:

– За ней Пётр и Вадим ушли. Их на сборах ополчения не просто так до седьмого пота гоняют. Вытащат, по любому.

И порадовался, что разговор можно не продолжать: дошли до сельсовета. Хватит с него сейчас и негодующих Мишиных взглядов. Парень никак не мог простить, что по тревоге его не ставят на стену, а сажают на рацию. Но председатель был твёрд: мужиков в селе хватает, а хороший радист и инженер-механик у них всего один. И так повезло, что женившись, аспирант не жену с собой в город увёз, а зимой наукой в университете занимается, летом же в деревне свои формулы считает да заодно на МТС технику чинит. Подставлять под пули его золотые руки и светлую голову председа-

тель собирался в последнюю очередь.

Телевизор расположился в углу комнаты здоровенным ящиком на самодельных, выточенных из дерева ножках. Сверху лежала и торчала проводами коробка приёмника военных сигналов, над которой колдовал Михаил, подкручивая ручки и что-то настраивая. Телевизор каждый раз вызывал у председателя приступ ностальгии, такой же был у них дома годах в семидесятых. Что поделаешь, в новом мире старая электроника почти не работала, а новая до сих пор отличалась невысокой надёжностью. Её делали маловато, и почти вся она шла на системы безопасности, военным и в системы городского хозяйства. Хорошо хоть не забыли, как делать электронно-лучевые трубки. И всё равно на село телевизоров было всего две штуки. Сейчас один стоял в сельсовете, а другой у миномётчиков.

Картинка тоже оставляла желать лучшего. И камеры на беспилотнике были не самого хорошего качества, и разрешение на самом телевизоре. Но можно разобрать, что самолётик сейчас прошёл над дорогой, которая связывала Репьевку с густо заселённым районом юго-восточнее. Никого. Самолёт двинулся дальше. Над селом проходить не стал. Сначала снизился до высоты сто метров – сбоку на изображении побежали цифры. Начал неторопливый облёт вокруг. Сначала поля. Затем полоса кустарника на холмах, луга и отлогий берег реки с другой стороны. Сердце у председателя ёкнуло: там были светловолосые люди. Солдаты, с оружием. Причём

явно прятались, подбираясь к селу. Стоило самолёту над ними пройти строго вертикально, как можно было ненадолго разобрать фигуру. Но едва угол зрения камеры чуть отклонился от девяноста градусов, люди быстро терялись, сливаясь с местностью. Можно быть уверенным, что с земли или с холма их не видно вообще.

Председатель ощерился. Схватил трубку телефона – его как раз полгода назад провели внутри села, чтобы из сельсовета можно звонить что в коровник, что в гараж. Щёлкнул тумблером, подключая площадку, где стояли два миномёта.

– Тимур Фаридович, видел?

– Да.

– Угости незваных гостей горячим. Пока думают, что их не видно.

– Сейчас.

Председатель успел заметить краем глаза: самолёт обнаружили, в него полетело что-то вроде красного шара. Экран телевизора вспыхнул ярким светом и погас чернотой. И тут же бухнуло, противно засвистели мины. Со стороны реки ухнули два взрыва, за ними ещё и ещё.

Когда председатель добежал до своего места на стене, с обратной стороны села коротко, зло зарычал пулемёт. Сухим, твякующим треском ему вторили одиночными автоматы. И тут же стало не до этого. Внимание рывком сжалось до своего сектора обстрела. От холмов тоже началась атака. Гвенья, скрываясь и маскируясь, старались добраться до

стен. Летели шары и молнии, врываясь фугасными и зажигательными. Били из арбалетов: выстрелить и тут же спрятаться, уйти от ответного огня. Стрелы попадали в бойницы, иногда взрывались. Стоявший рядом с председателем парень захрипел и повалился, заговорённая стрела пробила бронежилет и попала точно под ключицу. Но и его убийца не успел: настигла автоматная очередь, гвенья сложился пополам и упал.

Прямо за спиной, заставляя невольно вжать голову в плечи, бухнул очередной взрыв, потянуло жаром. Председатель обернулся. Зажигательный. Крайний дом вспыхнул свечкой. Но туда уже бежали дети и женщины, заливая пожар водой из шлангов и пеной из огнетушителей. Двое пацанов лет тринадцати сноровисто начали валить забор, чтобы пламя не перекинулось на соседний двор. Грохнул новый взрыв. Крыша другого дома поднялась пыльным столбом и разлетелась осколками. Отчаянно закричал от боли человек, которого задело куском шифера. К раненому подбежали две женщины, подхватили и понесли в медпункт. Остальные, не обращая внимания, продолжили бороться с огнём.

Тут председатель заметил, что, не глядя на суету, осколки и огонь в его сторону стремглав несётся мальчишка-посыльный с красной повязкой на рукаве. Тяжело дыша и глотая слова, пацан затараторил:

– Дядя председатель, там дядя Миша, который на рации, просил передать. На ферме у Щегловых бой. К ним пограницы

пробились, но там жарко.

На этом председатель, уже не стесняясь пацана, выругался. Похоже, не просто отряд грабителей. И тогда помощи в ближайшее время не будет. Армейцы все на востоке, пограницы наверняка тоже увязли. Кто не у Щегловых – будут держать дорогу. На нэрлих надежды никакой. Чтобы не выесть под корень траву на пастбищах, степняки и деревенские каждую весну составляли график выпаса скота. Потому сейчас председатель точно знал: в округе на три дня пути ни одного кочевья.

Неожиданно штурм затих. Внезапная тишина болью ударила по ушам.

– Это ещё что за херь? – председатель ощутил, как по спине пробежал нехороший холодок.

Поставил автомат и припал к биноклю. Несколько минут ничего не происходило. Потом со стороны реки поднялась огромная, метров десять в высоту, полупрозрачная голубая фигура, напоминающая человеческую. Грохнул взрыв, следом разорвалась вторая мина. Бесполезно. Мины летели по навесной траектории, и в последнее мгновение фигура успевала уклониться. Протарахтела очередь из автомата – от фигуры полетели брызги, она слегка замедлилась, потом снова зашагала к селу.

– Пушку бы сюда, – кто-то высказался сожалеючи. – От снаряда прямой наводкой не уйдёшь.

– А так у стены гранатами забросать. Авось успеем рань-

ше, – предложил другой.

– А это мысль.

Председатель подошёл к ящику с взрывчаткой и принялся обвязываться. Потом посмотрел на оторопело глядевших на него односельчан.

– А если не успеем у стены? В общем, кидаю дымовую шашку, спускаюсь со стены и навстречу бегу. Прикроете.

– Но как же...

– А так, – отрезал председатель. – Вертолёты хер знает когда будут, сами знаете. Им сначала боеприпасы сменить надо, потом с востока долететь. Сейчас эта хрень стену сломает, что делать будем? Меня на должность поставили штаны протирать и бумажки подмахивать? Нет уж. Раз на это место подписался, то и идти мне первому. Не поминайте лихом, мужики.

Под общее молчание кинули две дымовые шашки. Незамеченная в окутавшей землю густой хмари, со стены спустилась одинокая фигура, метнулась навстречу полупрозрачному гиганту. Грохнул взрыв, стену и людей окатило брызгами воды. Создание чужой магии исчезло.

Ошеломлённые гвенъя начали новый штурм только четверть часа спустя и без прежнего энтузиазма. Всё равно добить непокорную крепость, чтобы не оставлять в тылу. Успели спалить и взорвать ещё несколько сараев внутри, когда в небе послышался стрёкот, поля вокруг, холмы и реку раскрасили земляные цветы: это подоспевшие вертолёты накрыли

атакующих первыми залпами.

Солнце медленно опускалось к горизонту. Уже не обжигающее и слепящее, как в полдень. Жёлтый с нотками розового свет мягко лился на уставшие, разбитые и подпалённые постройки фермы Щегловых, заглядывал через пробитые крыши. Всё словно замерло после тяжёлого дня. Не слышно гула насекомых в изрытых и помятых полях, не басит трактор, обгорелым остовом приткнувшийся у опушки. Почти выветрился запах гари и пороха, зато терпко и густо пахло влажной листвой. Вот диск солнца окрасился в ярко-оранжевый цвет. Облака на небе укутались в нежный розоватый оттенок. Ещё немного, и солнце коснётся нижним краем кромки горизонта, начнутся вечерние сумерки.

Насладиться покоем и пустотой лесу так и не получилось. Сначала в небе застрекотала четвёрка Ми-24. Хищные машины прошли рассыпным строем. Днём они не успели: когда подоспела помощь с воздуха, разведка показала: бой закончился. Враг отступил. Беспокоились в первую очередь о живых, вертолётчики улетели прикрывать эвакуацию женщин и детей из окрестных посёлков и ферм. Теперь вернулись, чтобы всё-таки узнать судьбу товарищей.

– Ястреб-1 – Гнезду. Тихо.

– Гнездо – Ястребу-1. Отстрел маяка.

Тут же с вертолёта вниз полетел маяк магической привязки, чтобы оператор из Центра наблюдения мог оценить уровень магофона. И нет ли замаскировавшихся врагов. Тарья

убедила начальство, что лучше всего подойдёт она. Ведь Тарья занималась настройками именно в шестьдесят третьем секторе и хорошо помнила распределения энергий на память, а не только по базе данных. Но в главной причине она почти не признавалась сама себе. Ей вспомнился тот парень-лейтенант, который её сопровождал на заставе и с которым они с тех пор переписывались. Именно его отряд встретил врага первым...

Шлем виртуальной реальности сейчас прикрывал только один глаз. Вторым Тарья смотрела на монитор. Это давало чудовищную нагрузку на зрение, потом придётся пить обезболивающее и дня два ходить с повязкой на глазах. Сейчас так было надо. Тарья скользнула сознанием к ферме. Вот серые стальные птицы в небе. Вот ярко-алое пятно фермы, там до сих пор клубятся энергии заклятий. Но уже поля вокруг ровного салатого цвета, как и лес. Никаких искр и всполохов.

– Центр – Гнезду. Чисто.

– Гнездо – Ястребам. Десант разрешаю.

Убедившись, что целей нет, ударные вертолёты поднялись выше в небо, а рядом с фермой зависли над землёй два пузатых транспортника. Оттуда по канатам вниз посыпались десантники, сразу же занимая круговую оборону. Высадив живой груз, винтокрылые машины взмыли обратно. Северин и его подчинённые принялись осматриваться. Вскоре пришли первые доклады.

– Нашли. Во дворе их бросили. До этого обобрали до нитки.

– Все?

– Нет троих. Лейтенант Свиридов. Сержант Панихин. Рядовой Соломахин. И младших детей.

Андрей ещё раз оглядел подворье и начал прикидывать. По следам ничего не поймёшь: и внутри, и снаружи всё истоптано и изрыто. Но ограда фермы проломлена в двух местах, повсюду валяются гильзы. Могло дойти и до рукопашной, а ребят захватили в плен.

В это время подоспел следующий доклад.

– На юго-запад уходит след. Наши, на глине след берца. Станный он. Слишком чёткий. Но пограницы ведь...

Андрей нахмурился. Мысль была ясна. Часть обучения пограничников шла в том числе и через его факультет, уровень их подготовки он представлял хорошо. Даже в полном помрачении сознания пограничник не станет ломиться через лес как неопытный горожанин. Чёткий след оставили намеренно, либо свои – либо заманивают чужаки.

Половина отряда осталась перетряхивать ферму, вторую Андрей повёл по следу сам. Сержанта они нашли через триста метров, его догнало смертельное заклятие: спина обгорела, бронежилет в одном месте подплавился. Лейтенант и рядовой сумели пробежать ещё полтора километра до небольшого взгорка. Там и приняли свой последний бой. Судя по следам и разбросанным гильзам, пограничники отчаянно от-

стреливались, потому гвения не попытались взять их живыми. Подобрались на нужное расстояние и забросали шрапнельными зарядами. Когда Андрей с телами товарищей вернулся обратно на ферму, там уже выяснили, зачем последние из защитников пытались изобразить паническое бегство, отвлекая огонь на себя. В подвале, в тайнике, прятались мальчик и девочка семи и девяти лет. Их всё равно отыскивали, добились и бросили прямо там.

Погибших на границе – и на ферме, и в лесу, и во время боя у Репьевки – хоронили с воинскими почестями. Под звуки траурного марша накрытые флагами гробы провезли через улицы, на которых молча стоял народ, отдавая последнюю дань уважения. Тарья как раз узнала, что командовал погибшими пограничниками именно Никита... никак не хотела этому верить. Но сейчас, когда мимо неё проезжали гробы, не только разумом, но и душой поняла: всё. Нет больше весёлого, чуть застенчивого парня, который водил её по лесу и так мило ухаживал. Она даже почти согласилась. Пусть может быть не настолько серьёзно, как рассчитывал Никита, но хотелось обязательно встретить его в отпуске и продолжить знакомство поближе. Теперь ничего этого не случится.

Тарья стояла почти в самом конце пути траурного кортежа, потому вместе с остальными пошла на площадь, где на небольшой трибуне уже стояли сенаторы. Когда отзвучали последние звуки траурной музыки, тишину разорвал голос председателя, генерала Белозёрова.

– Много веков назад было сказано: кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет. Не будет нам покоя, пока тот, кто пришёл с огнём, топчет нашу землю. Не успокоимся, пока напавшие на нас не запомнят: не мы первые пришли к ним с огнём, но за каждый дом, разрушенный на нашей земле, они троекратно отплатят своей кровью.

Следом заговорил адмирал Рот.

– После введения военного положения коллегия военного трибунала рассмотрела нападение на ферму Щегловых. Зачно все виновные в убийстве детей – как исполнители, так и те, кто отдал преступный приказ – приговорены к смертной казни через повешение. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Люди на площади ответили молчанием. А Тарья вдруг поняла, что после речи сенаторов сжала кулаки. И также стояли остальные. Слово сказано: никаких соглашений, война до победы.

Всю следующую неделю гвенъя вели активную разведку, старались выманить хоть кого-нибудь из-за стен или поймать зазевавшегося крестьянина. Везде их встречала одна и та же картина: одинокие фермы пусты, люди сидят в деревнях, как в крепостях. Не помогали и пожары на полях – хотя нормальный крестьянин должен в панике спасти гибнущий хлеб... здесь же в ответ стреляли, зачастую уничтожая остаток поля, лишь бы зацепить хоть одного врага.

Только привыкшие к иному темпу жизни гвенъя счита-

ли, что действуют быстро, на опережение. Утром второго дня вторжения адмиралу Роту сообщили: Толгой добрался до ближайшего поста закрытой связи и немедленно готов к совещанию.

Видеосвязи, конечно, не было. Потому оператор, проводив начальство в комнату в подвале Сената, просто вручил наушники и гарнитуру. Потом удалился, закрыв за собой звуконепроницаемую дверь. Но адмирал Рот достаточно давно и плотно общался с Великим каганом, чтобы представить его и так.

– Здравствуйте, Александр, – слышно было, что каган хмурится.

– Здравствуйте, Толгой. Нас переиграли? Военные приготовления были не началом удара по вам. Гвенья наступают по старой орденской дороге, и активную разведку ведут в том же направлении. Судя по всему, их главная цель – промкомплекс Нижнего города.

Толгой хрипло выдохнул, словно хищник перед прыжком.

– Это мы ещё посмотрим. Я сразу, ещё когда уезжал, отдал приказ форсированным маршем идти к трассе. Там уже сосредоточены все грузовики, которые мы смогли найти. Смены водителей и горючее вдоль трассы тоже готовы. Самое большее семь дней – и мы перережем и дорогу, и резервы. Запрём светловолосых без снабжения и подкреплений. Напрямую в тыл ударить – это, конечно, крайний вариант...

Адмирал Рот поморщился. Если кто-то из гвенья спасёт-

ся, это может привлечь внимание Синклита раньше времени – «конфликт с участием трёх рас».

– Время есть. Мой штаб считает, что стычка с пограничниками и ополченцами в первый день заставила понести неприемлемо высокие потери. Потому они и ищут, пытаюсь определить границы наших военных возможностей. Сразу как заменим ополчением войска на востоке, сразу выдавим гвенья на вас.

– Не так. Ваших людей, Александр, на границе заменят мои нукеры. Тогда ударный кулак станет вдвое сильнее и расплющит светловолосых, ну а дальше мы их добавим уже вместе.

Далваха Алмазный Полоз собрал штабное совещание на восьмой день. Но перед этим капитан Рысей попросил кое-что всем продемонстрировать. Несмотря на нежелание, Далваха вынужден был уступить: Рысь подержали ещё двое. Если бы капитан Лебедей был жив... тогда их оставалось три на три, и слово генерала шло за два. Становилось решающим. На совете равных число голосов всегда нечётное.

Поля золотистой пшеницы вокруг села – незнакомого, но так похожего укреплениями на остальные – были полны насекомых, жужжащих, летящих, снующих туда-сюда, все заняты важными делами. Солнце уже палило вовсю, даже внезапные порывы ветра и редкие облака не могли хоть ненадолго охладить зной и жару. Просто постоять на солнце – и то за просто схватишь солнечный удар. Но сегодня поля опустели

по иной причине. Повинуясь приказу, двое рысей, прикрываясь иллюзией, устроили пожар. Наученные горьким опытом, заклятия оставляли с сильной задержкой: едва огонь вспыхнул, и очаг, и всё вокруг заволокла пыль от взрывов и уларов пуль. Одновременно места, откуда могли прийти диверсанты и куда отступить тоже на всякий случай накрыли миномётами.

Далваха поморщился.

– Мы это уже видели. Вы зря надеялись их выманить.

– Поле непригодно для пашни. Пару сезонов, не меньше, – спокойно высказал мысль капитан Рысей. – Но они всё равно так сделали своими руками, лишь бы нас достать. Вы улавливаете цепь моих рассуждений?

Далваха поморщился. Явный намёк на ту девчонку в лесу. Ошибку Лебеда ещё можно понять: нормальные люди не строят сёла как крепости, окружая высокой стеной. Это бессмысленно, ибо нерационально дорого. Но вот с захватом девчонки сели в лужу Стражи именно его тысячи. Причём, возьми они её живой – допрос помог бы избежать многих потерь.

– Я внимательно осмотрел трупы лично. Не полагаясь на доклады. Та девочка была отнюдь не дворянкой. Очень уж характерные мозоли. И дело вовсе не в том, что она владела оружием. Я вижу, здесь это нормально для многих мужчин и женщин даже среди крестьян. Она не знала, не могла догадаться, что её ждёт. Но предпочла убить себя, лишь бы за-

хватить хоть одного врага с собой. Да и по рассказам Лебедей, элементаря они потеряли, когда кто-то из пейзан кинулся с какой-то алхимией ему под ноги. Погибнуть самому... чтобы уничтожить наше самое сильное оружие.

Далваха замер, внешне невозмутимый. Внутри кипела ярость. Рысь копает под него?

– Вы помните историю войны Келти с Лозадским союзом? Не самое сильное в то время королевство, армия союза должна была оккупировать всё самое большее за пару месяцев. И Лозада проиграла. Проиграла, потому что против неё встали все, от стариков до детей. Проиграла, потому что у них земля горела под ногами.

– Вы сравниваете нас, Зелёную стражу с какими-то людьми?

Рысь негромко ответил:

– Да. Мы сильнее, мы опытнее. Один Страж стоит десяти воинов людей. Но если и здесь каждый будет драться, как та девочка? Умереть ради того, чтобы утащить на тот свет хотя бы одного врага.

– Вы предлагаете отступить? – поинтересовался капитан Медведей.

– Да. Пока есть возможность – уйти обратно в степь, исчезнуть. Сейчас, пока между нами почти нет крови. А через несколько лет, когда забудется война...

– Почти нет? – прошипел Далваха. Его собственные мечты стать лордом и планы его господина рушились на глазах.

Потому он постарался добавить в голос как можно больше негодования: – Сотня наших товарищей для вас ничего?

– Вы хотите потерять больше?

Недолго оба смотрели друг другу в глаза. От обвинения в трусости Далваху удержало только то, что трусы и дураки капитанами не становятся. Взяв себя в руки, капитан Полозов начал.

– Да, люди сумели удивить Высший народ. Но Зелёная стража потому и лучшая в мире, что умеет быстро учиться. Обращать любое преимущество врага себе на пользу. Механические драконы людям больше не помогут – пусть последнего подобного зверя на землях Великого Леса мы убили больше полутора тысяч лет назад, наша память до сих пор хранит нужные заклятья. Достаточно поставить стационарные пентаграммы и опоры для магов. Бежать теперь, когда сила вражеского оружия точно известна? Подумайте. Речь идёт уже не о наказании отступников. Хотя уверен, что без помощи бежавшего негодяя, черпавшего знания из королевской библиотеки, с наследием Ордена люди бы не разобрались. Речь идёт о безопасности всего Великого Леса. Как только люди сумеют разобраться в знаниях Ордена, они не только сравняются с нами. Подумайте про чёрные орды степняков, которые хлынут к нам с новым оружием? Разве не первейший долг Стражи стоять на защите безопасности нашего народа? Не сегодня. Но завтрашнего дня...

Далваху говорил долго, собрав всё своё красноречие. И

убедил. Рысь воздержался, остальные приняли план командующего походом. Дать людям генеральное сражение.

Сообщение о том, что противник прекратил нападения на пограничные деревни и двинулся в сторону городов, заставило штаб землян менять планы. До этого Белозёров и Рот рассчитывали генерального сражения всё-таки избежать. Женщин и детей из посёлков в полосе вторжения уже вывезли. Остались лишь военные и ополченцы, готовые по сигналу ударить в тыл и поддержать наступающие войска огнём. Можно неторопливо выдавливать врага обратно в степь, используя деревни как опорные пункты.

Зелёная стража быстро поняла, что беспилотные самолёты и дирижабли не запоминают картинку, а сразу передают хозяевам. Сбивать их бесполезно – запустят следующие, а смещающееся «пустое пятно» выдаст не хуже прямого изображения. Поэтому, начав наступление, гвенъя использовали обычную маскировку или имитировали во время движения заранее снятые картины местности... В памяти компьютеров и в журналах операторов Центра наблюдения хранились изображения и распределения уровней энергии по квадратам с первого дня войны. Данные мгновенно скамливались компьютерам, потому фальшивое изображение или массивное применение маскирующей магии распознавались сразу. По размеру имитации можно было примерно вычислить размер того или иного отряда. Командующий вторжения выбрал удобную местность с множеством кустарников,

несколькими рощами и парой оврагов, и гвения начали строить там укрепления? Адмирал Рот и генерал Белозёров на это тоже решили, что и землянам место подходит. Танки и пехота двинулись навстречу.

Первой удар нанесла эскадрилья Ми-24. Привыкшие считать себя неуязвимыми для местного оружия, вертолётчики вышли на атакующую позицию красивым строем, словно на учениях. Головная машина сделала залп неуправляемыми ракетами. На земле вспыхнули разноцветные купола защиты, взрывы и осколки бессильно увязли или отразились. И тут же с земли в небо полетели молнии. Они ветвились, живыми плетями жадно старались дотянуться до вертолётчиков, изгибаясь в ответ на отчаянные манёвры винтокрылых машин. Два вертолётчика рухнули на землю, остальные Ми-24 с трудом сели в стороне. Бронирование кабин спасло пилотов, но ремонту вертолётчики уже не подлежали.

И тут же в атаку пошли элементали. Амулеты призыва были крайне дорогие и сложные, потому каждый капитан имел один на отряд и носил при себе. Сейчас, напитанные не одной лишь силой хозяина, но и от стационарных пентаграмм и десятка магов, вперёд ринулись земляные, воздушные, огненные и водяные чудища. С огромной скоростью – больше семидесяти километров в час... Артиллеристы встретили врага сплошной стеной разрывов заградительного огня. И тут же нанесли свой первый удар системы «Град». Элементали скрылись в густом облаке пыли. Орудия нанесли ещё один

удар, потом вниз нырнул беспилотный корректировщик.

На экранах командного пункта, где располагались Рот и Белозёров, показалась изрытая воронками земля.

– Цели поражены, – прозвучал доклад оператора.

– Огонь по позициям.

Тут же по укреплениям гвенъя нанесли удар системы залпового огня «Град». Следом, пока экипажи перезаряжали пусковые, заревели орудия. Новый удар ракетами. И новый огневой вал. Экипировка элитных частей Великого Леса была лучшей в мире, потому магическая защита хоть и с трудом, но держала удары. Вспыхивали один за другим защитные купола. Но запасы энергии таяли с ужасающей быстротой. Вот не выдержал под напором взрывов и осколков первый купол. Лопнул, и тут же по сигналу корректировщиков это место накрыла до этого молчавшая отдельная батарея. Стражи не успели отступить к соседнему куполу.

После третьего залпа реактивных систем и артралёта Далваха понял, что столь удачно выбранная им позиция превратилась в ловушку. По цепи тут же пошёл приказ: «Наступить! Любой ценой прорваться к вражеским позициям. Навязать бой возле них клинок в клинок. Это наш шанс на победу».

Гвенъя двинулись вперёд. Новый артралёт – но пологи и маги, хоть и черпали силу от стационаров, были к ним не привязаны. Поле окутало облако разрывов, среди которых вспыхивали купола защиты.

– Линия два – огонь, – приказал Рот.

По наступавшим частям нанесли массированный удар аналоги знаменитых «Катюш». Простые, сваренные на заводах направляющие и ракеты-корпуса со взрывчаткой. Небольшая дальность и невысокая точность – поставил, запалил и убегай. Зато огромное количество. Наступавшие первыми отряды смело морем огня. Но дальше гвенъя проскочили наиболее опасную зону. Нанесли встречный удар по местам расположения пусковых... как и рассчитывал адмирал Рот, на время перезарядки пентаграмм Стражи остались без «дальнобойной артиллерии».

– Пехота – в атаку, – прозвучал приказ Белозёрова.

Навстречу Стражам двинулись танки и солдаты землян. Камера висящего в небе беспилотника бесстрастно показала, как словно две океанские волны сошлись армии людей и гвенъя – и над полем закружился ураган бога войны, выбрасывая клочья дыма, пыль и вспышки взрывов, пламя молний и рвущихся снарядов. Вот группа солдат прикрытия расстреливает кусты, откуда танк могли поразить каким-нибудь заклятьем, а танкисты из пушки ломают защитный купол, под которым укрылся другой отряд. А чуть дальше пехота прозевала врага. Танк подбили огненным шаром, люди и гвенъя схватились врукопашную.

Со стороны казалось, что, едва армии соприкоснулись, каждый сражается сам по себе. Гвенъя догадались про радио – и обе стороны начали ставить помехи, стараясь разорвать связь. Отряды гвенъя остались без управления почти сразу.

Далваха ещё мог докричаться до окружавших солдат, дотянуться до пары ближайших подразделений – но не более. А звуковые сигналы или флаги в окружающем грохоте и пыли бесполезны. Впрочем, сами Стражи считали это преимуществом. Тактику, когда ещё до начала сражения для каждого из подразделений оговаривались все возможные сценарии и действия, в здешнем мире разработали только они. Землянам же, обладавшим опытом высокотехнологичных войн, ничего заранее придумывать было не надо. Радиосвязь работает на очень небольшое расстояние? Поле боя и отряды поделили на кластеры, связали их в единую информационную сеть. Через соседние машины и через висящие в воздухе беспилотники связь между кластерами работала почти без сбоев.

Когда стало ясно, что противник использовал все резервы, Белозёров отдал новый приказ:

– Начало фазы «Сталинград».

Это для идущего пешком или конника пятьдесят-семьдесят километров по шоссе и полям в тыл кажутся огромными. Для БМП с десантом это ничтожное расстояние. За ними сомкнули второе широкое кольцо парашютисты и десантники с вертолётов. С этого момента армия вторжения была окончательно обречена.

Глава 7. Мне отмщение, и аз воздам

Тарья получила приказ явиться в кабинет к Манусу на пропускном пункте, когда поднималась наверх после смены в Центре наблюдений. Вздохнула: видок у неё сейчас тот ещё, помятый и некрасивый. Тут же посмеялась – начальство её не в ресторан зовёт, поэтому мыть волосы и краситься необязательно. Особенно если вспомнить про пометку «явиться сразу по получении».

Декан факультета магии встретил девушку военной формой и новенькими майорскими погонами. Тарья от удивления открыла рот, потом, больше на рефлексах щёлкнула каблуками – поскольку явилась прямо из Центра, то на ней тоже была форма – и отрапортовала:

– Младший лейтенант Тарья Килассер по вашему приказанию прибыла.

– Вольно, лейтенант. Присаживайтесь.

Выглядело происходящее совершенно по-идиотски. Манус был настолько гражданским человеком, что не помогали даже погоны. Выглядел он как ряженный или мальчишка, играющий в войну. Но очень серьёзно играющий, аж глаза горят. Поэтому Тарья присела в кресло напротив стола и приготовилась слушать.

– Буду короток. Сейчас, когда с армией вторжения в целом покончено и осталось выловить последних уцелевших,

Сенат принял решение провести в отношении гвенъя акцию возмездия. Я возглавлю группу магического сопровождения экспедиционного корпуса. Со мной отправятся ещё пять человек. Идут добровольцы. Но ваша кандидатура предварительно согласована и подходит. Вы имеете обширный опыт применения магии в полевых условиях и наследственные способности видеть иллюзии и чують ловушки. Хорошо знаете язык и обычаи Великого Леса.

Тарья мысленно кивнула. Начинала учить ещё в доме отца, а уже здесь вовсю занималась в группе студентов, для которых леди Эйнире Серебряный Янтарь вела углублённый курс языка и обычаев. Заодно прочитала всё, что могла, включая документы с грифом «для служебного пользования», когда получила доступ. Логично, что её включили в группу специалистов.

– Кроме того, – продолжил Манус, – у вас есть и личная заинтересованность, я так понимаю.

Несколько секунд Тарья не могла понять, о чём идёт речь. Пусть внешне это никак не отразилось. Прожив не один год сначала в Воровской Гильдии, потом среди разбойников, девушка привыкла скрывать растерянность под маской напряжённой работы мысли. О чём идёт речь? И тут её озарило. Никита Свиридов! Письма с заставы и на заставу в обязательном порядке проверял военный цензор. Переписка же иногда носила весьма фривольный характер с намёками. Про то, что они так и не стали любовниками, Манус и мысли

не допускает. Но... мстить за Никиту? Перегорело, состояние, накотившее на площади, давно ушло. Но дальше Тарья вспомнила другие гробы. Погибшие в первый день войны дети. Поэтому медленно кивнула.

– Так точно. Каковы будут мои обязанности и когда приступать?

– Я рад, что не ошибся. Назначенный командовать генерал Свиридов, кстати, утверждая списки, тоже был уверен в вашем согласии.

По спине у Тарьи пробежал нехороший холодок. Подозрительно знакомая фамилия. Никита ни разу не упоминал про родственника-генерала... Оставалось надеяться на случайное совпадение. В любом случае, отказываться Тарья не собиралась – она уже дала своё согласие, и отбирать его назад не стала бы ни при каких обстоятельствах.

Следующие две недели пронеслись вихрем подготовки. Составить списки всего, что может пригодиться, проследить за погрузкой. Проверить, как одну из машин переоборудуют в мобильный контрольный центр с возможностью создания разнообразныхпологов: в специальном прицепе будет смонтирован выполненный в одном из НИИ мобильный аналог стационарной пентаграммы-накопителя. И лишь когда армейская колонна двинулась по бетонному шоссе в сторону Баянхонгора, чтобы возле столицы Степи свернуть на запад в сторону Великого Леса, Тарья смогла перевести дух.

Августовское солнце палило немилосердно, но в салоне

прицепа мобильного поста магов царила прохлада. Манус захватил с собой несколько экспериментальных разработок двойного назначения, сплав магии и химии полимеров. Сейчас одна такая горошина лежала на столе, втягивая избыток тепла и понемногу меняя цвет от белого к вишнёвому. Бетонная лента дороги торопливо перетекала с пологого холма в ложбину и снова на холм, вверх и вниз, вниз и вверх. Лес давно поредел, согнулся, ушёл в балки. Только не катилась травяная волна под копытами коней, а шуршало серое пыльное покрытие под колёсами транспортёров и тяжёлых грузовиков. Уже под вечер, в очередной балке, заросшей мелким орешником, отыскался ручей. Во влажную рябь клонились колючие кусты степной розы, но было свободное место и для стана. Не один десяток лет назад здесь первый раз заночевал всадник. Когда конную тропу сменила современная автотрасса, ручей по-прежнему остался местом отдыха. Площадку рядом расширили и забетонировали, да кто-то из предприимчивых нэрлих поставил несколько домиков, где водители могли заночевать в кровати и поесть горячего.

Сейчас повар, словно и не прибыли вместо десятка водителей сотни вооружённых мужчин, деловито суетился, командуя помощниками и успевая следить сразу за множеством котлов. Такая же картина повторилась и на следующей стоянке: Толгой организовал свою часть работы «на отлично».

В столицу караван заезжать не стал. Тарья немного по-

жалела: по рассказам тех, кто там бывал, города-резиденции Великого кагана и Главного шамана Мэргена стали настоящими жемчужинами Степи, соединив новые материалы и знания, и старые традиции. Пополнив запасы и приняв в свой состав несколько подразделений нэрлих, тяжело нагруженные боеприпасами и горючим машины свернули с дороги и двинулись прямо на запад.

Дальше началась степь, как её рисуют в рассказах и на картинах – ровное будто стол травяное поле. Сначала колёса выворачивали чёрную жирную землю, время от времени перемалывая редко разбросанные невысокие кустарники, вырывая их вместе с кусками дёрна. На второй день места, где вода близко прилегала к поверхности, закончились. Здесь всё давно выгорело. Куда ни глянешь – степь да степь, одинаковая, побуревшая под долгим летним солнцем, в белёсой дымке палящего зноя. Сейчас эта равнина не представляла никакой опасности – дожди давно окончились, и земля была суха на полметра вглубь, но Тарья хорошо представляла, каково здесь весной проехать хотя бы на телеге. А ещё постоянно хотелось чихать от вездесущей пыли из-под колёс. За целый день пути запоминалось только то, что летом в степи очень жарко, что бесконечнее летнего дня и длиннее степных дорог нет ничего на свете.

К вечеру пятого дня отряд почти добрался до границ владений гвенъя. И сразу же в глаза бросилось изменение всего облика местности. Когда машины встали, вместо сухой,

упёршейся в горизонт равнины с пожелтевшими от летнего зноя кустиками и мелкой травкой перед Тарьей расстилался ярко-зелёный луг. Трава выше колен с незнакомыми цветами волновалась под лёгкими порывами ветра. Кое-где среди луга виднелись кусты в рост человека и выше. Одни чем-то напоминали огромные кочаны капусты с отвисавшими сочными листьями, каждый из которых был величиной не меньше дождевого зонтика. На других, более мелколистных и с алыми цветами, гроздьями висели пунцовые ягоды, похожие на крупную смородину. В воздухе реяли огромные синие, зелёные и красные стрекозы, проносились с громким жужжанием чёрные и бронзовые жуки.

Долго любоваться ласкающей глаз свежей красотой не получилось. Тут же началась деловая суета. Солдаты из людей разбивали лагерь. Нэрлих отделили из общего каравана добавившиеся возле Баянхонгора грузовики с прицепленными к ним полевыми орудиями, разделили на десяток артиллерийских батарей. К каждой прикрепили мага или шамана.

– Лейтенант Килассер, вы идёте с четвёртой-север, – Тарья получила предписание от Мануса, козырнула и села в нужный грузовик.

Вскоре в обе стороны от основного лагеря, под небольшим углом на северо-запад и на юго-запад поползли две колонны. Понемногу «худея» каждые пятнадцать-двадцать километров там, где стояли пограничные форты гвенъя со стационарными кристаллами связи. Батарея, к которой была при-

писана Тарья, была самой последней. К нужному месту добрались, когда воздух понемногу начал синеть, предвещая скорые сумерки. Потому дальше все действовали хоть и без лишней суеты, но торопливо. Артиллеристы-нэрлих начали разворачивать и готовить орудия, им помогал инструктор-человек. Два связиста и корректировщик в сопровождении автоматчиков поволокли телефон к высокой лиственнице в паре километров западнее, на ходу разматывая с катушки телефонный провод. Тарья разложила аппаратуру для приёма отражённых магических сигналов. Заодно раскинула вокруг полог для обнаружения любого теплокровного объекта массой выше сорока килограмм – как ещё одна страховочная линия в помощь боевому охранению.

Через полчаса на батарее затрещал телефон, и глухой голос корректировщика начал сыпать цифрами. Тут же зарывали орудия. Новая серия цифр с поправками – и новый залп. На шестом Тарья учуяла выброс энергии от распавшегося кристалла связи.

– Цель поражена.

Командир батареи кивнул и приказал следующий залп дать специальными снарядами. Взрываясь, они разбрасывали осколки, генерирующие выбросы магии. Все находившиеся рядом активные магические устройства, словно радиоприёмник от электромагнитного импульса, тут же начинали резонировать, выплёскивая в эфир гармоники. Их тоже фильтровало оборудование Тарьи, помогая чародею услы-

шать сигнал.

– Отклика нет.

– Хорошо.

В небо взлетели три зелёные ракеты: операция закончена.

Когда отряд вернулся в лагерь, Тарья узнала, что также легко были уничтожены заставы и на остальных участках. Лишь в одном месте пограничники гвенъя выскочили прямо на батарею. Но не знакомые с автоматическим огнестрельным оружием, атаковали рассеянных пехотинцев плотно сомкнутым конным строем – да там все и остались. Теперь на широком участке вдоль границы со Степью образовалась дыра. Пусть под артобстрелом погибли не все, без стационарных артефактов дотянуться полсотни километров до следующего поста связи не сможет ни один маг. Точное место и время вторжения землян останется неузнанным достаточно долго, чтобы смести вторую, внутреннюю линию пограничной обороны и нырнуть к сердцу владений лорда Алмазного полоза.

На рассвете нэрлих попрощались с людьми: они сдвинутся на полсотни километров южнее и тоже нанесут отвлекающий удар по второй линии пограничной обороны. Причём одновременно очень тщательно зачистят свою дорогу и окрестности от всех гвенъя. Пусть враг какое-то время думает, что вторжение по сходящимся направлениям атакует защищающую столицу домена крепость, а затем двинется на юго-запад, собираясь разграбить главный город Полозов.

После стремительного разгрома на большом участке границы застав и крепостей второй линии командующий войсками гвенъя наверняка решит, что люди купили право прохода через степь и напали крупной армией. Хотят повторить успех нэрлих полувековой давности. Тогда нукеры Великого Кагана разорили и пригороды столицы Аметистового Лебеда, и улицы внутри первого кольца стен. Лишь чудом не взяли акрополь до подхода помощи из столицы и не пленили семью лорда. На самом деле экспедиционный корпус двинется севернее, зацепив владения сразу нескольких Великих лордов.

Разгромленную заставу проехали, когда бледно-жёлтый диск светила ещё только-только поднял самый кончик над верхушками деревьев. Лес был полный ещё лёгкой утренней свежести и света, падавшего на землю чистым, сияющим узором. Почти неразличимое за сомкнувшимися тёмно-зелёными кронами нежно ласкало робким ещё теплом утреннее солнце. В небе неподвижно застыли два крохотных облачка. Машины ехали через поросшую кустарником низинку, потому крепость девушка заметила не сразу. Раньше почуяла – нежные ароматы утреннего леса перебили вонь от гари и крови, сырой запах свежевскопанной земли. Вскоре показали насыпь и невысокие укрепления. Взрывы снарядов в трёх или четырёх местах сломали или расщепили брёвна срубов, цепью которых и была выстроена стена. В одном месте два попадания подряд разворотили сруб целиком и

разбросали насыпанную внутрь землю, получилась сквозная брешь. Сквозь неё можно было увидеть поломанные и иссечённые шрапнелью постройки. Истерично и тоскливо изнутри крепости выла собака. Но ни пожалеть вроде бы непричастных к интригам правителей пограничников, ни позлорадствовать «это вам за наших» Тарья не успела. Колонна уже проехала дальше, оставляя разбитую заставу за спиной. Мгновенно позабытый эпизод войны с гвенъя.

Сразу за укреплением начиналась вполне приличная грунтовая дорога. До этого осторожно пробиравшие через лес машины сразу набрали ход. Полсотни километров до следующей крепости проехали всего за два часа. Дальше гвенъя подвели опыт войны со степняками и привычка к иному темпу жизни. Застава не вышла утром на связь? Артефакты капризны, такое случается. Поэтому комендант, соблюдая устав, хоть и закрыл ворота, а также собрал солдат внутри крепости, особо беспокоиться не стал. Даже для всадника без поклажи от границы день бешеной скачки. К вечеру и лошадь, и всадник устанут, будут непригодны для боя. Да и не сможет конник без осадного припаса взять крепость. Или обойти. Это только кажется, что в лесу шагай куда хочешь. На деле и здесь есть свои торные дороги, сойти с которых – безнадёжно заплутать или застрять в буреломах, оврагах, болотах и засеках. Вот если граница не отзовется завтра к полудню – послать разведку, и лишь потом сообщить дальше.

Ещё на подходе запустили два беспилотных дирижабля,

которые на высоте полукилометра незамеченными бесшумно прошли над крепостью, определяя цели. Вскоре до рубежа атаки добрался и экспедиционный корпус. Первыми начали обстрел самоходные орудия. Снаряды крошили стены, с третьего попадания снесли створки ворот. Лишь немного отстав, им принялись вторить тяжёлые миномёты. Обстрел длился не больше получаса, после чего в развалины вошла пехота, методично прочёсывая разрушенную крепость и добивая уцелевших. Едва командовавший десантным отрядом капитан доложил, что выживших нет, в разбитые ворота одна за другой принялись нырять машины. Когда через крепость прошёл последний БТР, Свиридов отдал приказ сапёрам. Заиграло пламя, в небо поднялся столб густого чёрного дыма. Пускай подданные лорда Полоза трепещут: и на их землю пришла война.

Первую встреченную деревню гвенья Тарья рассматривала с жадностью. И с разочарованием. В Королевствах людей она слышала множество самых разных баек про жизнь Великого Леса. И хотя общение с Эйнире Серебряный Янтарь большую часть выдумок в голове развеяло, деревенской-то жизни благородная леди не знала. Потому хотя бы здесь Тарья ожидала найти хоть что-то необычное. Но встретила самая обыкновенная деревня, вся в следах поспешного бегства: жители успели покинуть её за минуты до того, как вошёл авангард землян. Ну, даже у самых нищих дворов избы, а не полуземлянки? Так климат холоднее, под Маркасом лю-

ди тоже ставили сплошь срубы на фундаменте. Ну, деревня слегка побогаче тех, что попадались по дороге из Балвина или в родном графстве? Так гвенъя почти все владеют хоть каплей магии. Пусть крестьяне совсем немного: не осознанно, а с помощью передаваемых из поколения в поколение наговоров, молитв и песен. Побывав во время командировки на границу в Репьевке и познакомившись там с нормальным сельским хозяйством – не только тракторы и комбайны, но и агроном, и зоотехник, и удобрения – Тарья хорошо понимала, что урожаи даже у гвенъя всё равно маленькие. Живут деревенские, молясь на погоду.

А колонна уже двигалась дальше. Сжигать поселение не стали, вместо этого опрыскали дома, амбары и поля феромонами да разбросали манки для птиц. Машины не отъехали и на километр, как уже можно было заметить, что окрестные пичуги потянулись в сторону полей. Вскоре за ними последуют приманенные мыши и насекомые. Урожай и запасы погибнут, но намного более страшным и впечатляющим образом. Конечно, маги быстро разберутся, в чём дело – но волну слухов это не остановит. Скорее наоборот, попытка объяснить всё естественными причинами пересуды подстегнёт.

Спустя несколько дней экспедиционный корпус почти достиг первой цели. Дороги во владениях Полоза были отличные, не хуже знаменитых римских на Земле. Поэтому машины шли ровно, без тряски. Карта на столе штабного прицепа не дрожала. Зато раздражало, что, солнце пекло всю, а

узкие щели вентиляции немного воздуха хоть и давали, но выгнать жар нагретого металла не могли. Не спасал и лес вдоль дороги: деревья почти везде вырубали от разбойников на несколько метров от обочины, так что тень едва ласкала колёса. Кондиционеров тоже не было: столь сложная и капризная техника пока устанавливалась только на крупные здания, да и ела прорву топлива. Люки и двери нараспашку вообще открывать нельзя: хотя рядом с колонной и движется боевое охранение, давать лишний шанс врагу не стоит. Генерал Свиридов вытер пот со лба, и продолжил отмечать на карте пройденный путь, мысленно делая расчёты.

Едва колонна грузовиков и транспортёров вышла на широкий торговый тракт к Аннеру, движение специально замедлилось. Если колонна продолжит двигаться с прежней скоростью и задержек не будет, то завтра достигнет Аннера, второго по величине и старейшего города среди владений лорда Алмазного Полоза. И ни одной стычки, хотя направление движения враг уже определил. Теперь многочисленные деревни вдоль дорог пусты. Пробовали травить колодцы и оставлять фураж с сюрпризами, но недавно перестали. Поняли, что вторгшиеся люди идут «со своим», а воду проверяют. Впрочем, так иногда воевали и здесь – поведение землян насторожить командиров гвенъя пока не должно. Всё шло, как и планировали в генштабе. Да и его собственный опыт говорил, что всё в порядке: в прошлой жизни Вячеслав Свиридов не один раз командовал подобными карательными

операциями и против мятежников внутри Империи, и помогая союзникам-сателлитам. Всё равно на душе было неспокойно.

Машина замерла: колонна остановилась на отдых. Дверь в тамбур открылась, и к столу с картой протиснулась Тарья. Невольно поморщилась, когда струйка пота потекла по лбу. Выложила из кармана разгрузки белый шарик размером с горошину и беззвучно зашевелила губами, формируя заклятье. Шарик слегка порозовел, вбирая лишнее тепло. Сразу же посвежело, и генерал благодарно кивнул. Вот только без постоянного контроля со стороны чародея устройство очень сильно фонило в магическом плане – а до первой стычки знать о маготехнике гвенъя должны как можно меньше. Держать же при себе «личного мага для комфорта» в их условиях преступная роскошь.

– Товарищ генерал, разрешите доложить. Майор Манус сообщает. Впереди замечен всплеск активности. Нас сканируют. Вы приказывали в таких случаях докладывать лично.

– Хорошо. Они смогут пробиться сквозь нашу защиту?

– Никак нет. Стандартными методами они увидят внутри грузовиков самую обычную латную пехоту. Передвигающиеся на стоянках и между грузовиками люди – то же самое.

«И если их насторожит, что вторгшийся отряд довольно мал, до Аннера нападать не будут. Подготовленный солдат здесь очень дорого стоит. Захотят снизить потери, прижать нас к гарнизону».

– Добро. Дальше докладывайте, если что-то изменится.

При известии о подходе врага защитники города уничтожили большую часть посадов, остались лишь дальние слободы. Утром второго дня Свиридов стоял на краю огромного, усеянного обломками поля и с интересом рассматривал в бинокль стены города. Чем-то они напоминали ему увиденный во время одной из поездок Нижегородский кремль. Разве что здесь намного больше и покрыт кирпич каким-то серовато-коричневым налётом, на углах поблескивавшим, будто отражая радугу.

– Необычно. Это я про покрытие. Что-то вроде штукатурки?

Стоявшая рядом Тарья как главный специалист по местным условиям ответила:

– Нет. Это глау, или, в переводе, «слёзы дождя». Гвенья мастера по всему живому, потому укрепляют кирпич и камень крепостных стен, выращивая на поверхности специальное растение. По крепости оно не уступает граниту, хорошо защищает материал стены от воздействия непогоды. К тому же неплохо гасит магическое воздействие. Единственный минус – дорого и долго. Но тут городу несколько столетий, поэтому глау не только на акрополе, но и на обоих поясах городских оборонительных стен. И на домах внутри. Из-за этого, кстати, такой большой посад: новые дома не вмещаются в стены. А расширять или перестраивать слишком дорого.

– А как эти слёзы заплачут после снаряда, мы скоро про-

верим.

Вячеслав посмотрел на солдат, спешно рывших окопы и стрелковые ячейки со стороны города, потом оглянулся назад. Там готовили огневые позиции для самоходных орудий, а за грузовиками и бронетранспортёрами разворачивались миномётчики. Ещё дальше в тылу с громкими матюками, тоже летела глина окопов. Если со стороны города грунт был мягкий, то ближе к лесу часто попадался суглинок пополам с корнями.

Следующие три дня земляне стояли лагерем. Парящие на большой высоте беспилотные дирижабли снимали детальную карту города и окрестностей, артиллеристы просчитывали цели и варианты обстрелов. Одновременно войска имитировали подготовку к штурму: из деревьев и припасённых пластиковых и надувных конструкций «строили» макеты тарана и нескольких осадных башен. Линия траншей аккуратно охватила город полукольцом и постепенно грозила замкнуть Аннер со всех сторон. Заодно демонстративно разграбили и сожгли пару ближних деревень. Реакции со стороны гвенъя не было.

Свиридов понемногу начинал нервничать. Но утром четвертого дня ему, наконец, доложили:

– Товарищ генерал. Сообщение воздушной разведки. Со стороны леса сбили ближний к земле дирижабль наблюдения. Дублёр на высоте километра видит за холмом сектора «Е» отряды латников. Выстраиваются для атаки.

Одновременно подошёл с докладом Манус:

– Товарищ генерал. В лесу и над городом начали ставить помехи для магических способов наблюдения.

Отметив на карте расположение отрядов, генерал усмехнулся:

– Непуганые ещё.

Накрыть вражеских солдат можно было уже сейчас даже из лёгких миномётов. Но... рано.

Земляне замерли. Ещё немного... Ворота отворились, и гарнизон начал встречную вылазку, прозвучала команда:

– Огонь!

Тут же затарахтели пулемёты. Со стороны Аннера наступление шло почти в центр дуги окопов, и гарнизон оказался в огневом мешке. От пуль при стрельбе в упор не спасали никакие доспехи и амулеты. Один за другим солдаты падали на землю изломанными куклами. Спешившие на помощь осаждённым латники прожили чуть дольше. Там пришлось бить миномётами по площадям. Первый же залп попал в плотные каре пехоты, превращая солдат в кровавые ошмётки. Стоявшая на командном посту Тарья работала как «голографический проектор»: принимала картинку с датчика расположенного над полем боя дирижабля, смешивала с помощью приборов с видеосигналом и формировала на штабном столе изображение.

После первого огневого налёта, уцелевшие попытались поставить защиту. Солдаты начали сбегаться к магазинам, те оття-

нулись ближе к деревьям: надеялись, что стволы и ветви спасут от осколков. Но экипировка обычных подразделений была много хуже элитной Зелёной стражи. Энергии в сберегающих полах запасено намного меньше, да и стационарные пентаграммы подпитки не заглублены в землю от разрушения. Прямых попаданий и ударов осколков от близких взрывов купола выдерживали раз или два. К тому же солдатам не хватало выучки одновременно с защитой ставить маскировку и маневрировать, чтобы в перерывах между артналётами сблизиться с врагом. Где возник защитный купол – там и стояли сколько могли.

Когда стало ясно, что организованных подразделений среди гвенъя больше не осталось, Свиридов приказал прекратить огонь. Боеприпасы не бесконечны, а выжившие враги наоборот полезны: цель рейда не столько нанести ущерб, сколько напугать. Чтобы больше даже не думали о вторжении. Полномасштабную войну с гвенъя Альянс сейчас, может, и выиграет... Только после этого завоевать нэрлих и земель можно будет голыми руками.

Наступила тишина. Свиридов махнул рукой в сторону стен:

- Лейтенант, зачитайте им.
- Так точно.

Тарья поднесла ко рту мегафон, и над городом понёсся усиленный голос. Условия капитуляции: жителей не тронут, у них есть один час на то, чтобы покинуть Аннер с любым

имуществом. После этого город будет стёрт с лица земли как возмездие за участие лорда Алмазного Полоза в нападении на людей. Если в течение получаса от заявления не откроют ворота и не начнётся исход, разрушать Аннер начнут вместе с жителями. В ответ в сторону людей полетел огненный шар и взорвался на расстоянии трети пути от лагеря.

Генерал зло усмехнулся:

– Сами запросились. Но тридцать минут честно выжду.

И принялся демонстративно поглядывать на часы. Едва длинная стрелка пробежала половину круга, Свиридов взял ракетницу. В небо взвился красный огонёк. Центральную надвратную башню заставил вздрогнуть первый удар бронебойного снаряда.

– Неплохо, – оценил результат генерал, разглядывая стену в бинокль. – Но долго не выдержит.

Тут же заговорили остальные орудия и тяжёлые миномёты. Фугасными, зажигательными, шрапнельными. Отдельно старалась выделенная «для эксперимента» самоходка, пробуя на стенах прямой наводкой разные типы боеприпасов: от кумулятивных до бронебойных с сердечником из обеднённого урана.

Через десять минут после первого взрыва искажающая магию дымка вокруг города исчезла. Видимо один из снарядов попал в чародеев. Тарья смогла не только через бинокль и на экране, куда транслировался сигнал с висящего в небе дирижабля-наблюдателя, но и своими способностями через

установленное на беспилотнике оборудование увидать, что творится в городе. Взрыв: крошится и разлетается осколками угол дома, похоронив двух бегущих мимо по улице подростков. Взрыв: губительный рой шрапнели превращает в кровавые лохмотья укравшихся на галерею внутренней городской стены ополченцев. Взрыв: башня зашаталась и просела, завалил стоявший рядом дом.

Когда очередной выстрел угодил прямо в богатый особняк, и тот карточным домиком развалился в облаке пыли и кирпичной крошки, Тарья не выдержала. Нарушая субординацию, она чуть ли не закричала:

– Извините... Я... я много читала о вашей культуре и истории. Вы куда гуманнее моей родины...вы... Как идея о ценности жизни может сочетаться вот с этим?! Ладно, солдаты, они выполняют приказ. Ваш приказ. А как можете вы?..

– Вы забываетесь, лейтенант. Но поскольку у нас особые обстоятельства, так и быть. Отвечу. Для повышения вашей сознательности.

Тарья поняла: ему самому просто хочется выговориться.

– Если вы думаете, что меня потом станут мучить кошмары, – равнодушно заговорил генерал, – то глубоко ошибаетесь. Никто воинов Леса жечь наши деревни и поля не звал. И чтобы подобное не повторилось впредь, они должны уяснить – цена за каждую попытку будет во много раз дороже выгоды. Я потому и команду акцией возмездия, что в прошлой жизни имел по этой части хороший опыт. Пусть за

одну только идею напасть на нас подданные поднимут своих правителей на вилы. Жестокость наших действий строго дозирована, не больше – но и не меньше. Сейчас я проявил максимум возможной гуманности. Кроме первого пробного залпа ни зажигательными, ни специально по улицам стрельба не ведётся. Цель нашего обстрела в первый раз – укрепления и административные здания. Обстрел скоро прекратится, и я ещё раз предложу покинуть город. Но когда они откажутся второй раз, отдать приказ сравнять Аннер с землёй рука у меня не дрогнет. И то, что обороной той самой фермы командовал мой младший брат, тут не причём.

Голос оставался неизменным, но на словах о погибшем лейтенанте Свиридове во взгляде генерала промелькнула что-то настолько жуткое и радостное, что Тарья вздрогнула: командир врал. А вся тирада – просто желание сделать вид, мол, месть роли не играет... Адмирал Рот умел подбирать исполнителей.

Башни запестрели зелёными флагами, и город попросил о сдаче раньше, чем успели отдать приказ орудиям на время смолкнуть. В небо тут же поднялась зелёная ракета. Свиридов вяло махнул рукой:

– Лейтенант, повторите им. По варианту два плюс полчаса.

– Так точно.

Тарья поднесла ко рту мегафон, и над городом опять понёсся усиленный голос. У жителей есть теперь полтора часа:

придётся забрать своих раненых. Затем все обязаны и покинуть улицы, но уже без поклажи. После этого город сожгут.

Тарья никогда не была сильна в ментальной магии, этот раздел ей почти не давался. Но привкус ужаса и страха чувала даже с командного пункта. То, что жителей не грабили и не обыскивали, не насиловали покорных воле победителя пленниц, пугало намного сильнее самой разнузданной кровавой вакханалии.

Три часа спустя Манус по результатам сканирования доложил:

– Кого не смогли унести – добили. Остальные ждут в десяти километрах западнее.

Свиридов удивлённо поднял бровь, и Манус объяснил.

– Своих добили, чтобы мы не смогли применить улицы города как источник заклятия на крови. Умиравших под обломками использовать эффективнее, чем просто резать поголовно глотки жителям. Лет четыреста уже кого не могут забрать – теперь всегда добивают. Но даже магией крови разрушать целый город слишком накладно. Проще жителей заставить разломать его своими руками. Если мы такого не сделали, можно надеяться вернуться в свои дома, когда всё вынесут и завоеватели уйдут. Город очень стар, тут самым новым домам не меньше столетия, и всё покрыто глау. Пожар уничтожит лишь крыши и перекрытия, стены не тронет.

Свиридов ощерился:

– Сегодня уже поздновато. А завтра вечером они убедят-

ся.

Утром в город вошли солдаты в изолирующих костюмах химзащиты, волоча тяжёлые ящики. Там лежали брикеты сухого напалма – детища военной химии третьего тысячелетия. Брикетки кидали в фонтаны и водосборы, расставляли по улицам бочки с водой и сыпали туда. Тёмно-коричневые бруски распадались на гранулы, шипели, пузырились апельсиновым ароматом и растворялись в тёмно-красную жидкость.

Одновременно утром к Тарье подошёл командир хозроты.
– Слушай, ты же у нас главный специалист по ловушкам магическим? Сапёры посмотрели. Заодно проверь ты кое-что?

«Кое-что» оказалось уцелевшим в одной из дальних слобод десятком огромных, литров на пятьсот каждая, цистернами. Спирт. Рафинированное масло очень хорошего качества. Керосин. Несколько секунд Тарья пыталась сообразить: откуда? Потом вспомнила, что город – один из центров производства тканей, а содержимое бочек нужно как растворитель красок. Девушка прошла вдоль, потом ткнула в одно место:

– Здесь была закладка. Но я смотрю, сапёры уже обезвредили.

Завхоз довольно потёр руки.

– Больше ничего?

– Ничего. А зачем?

– Как зачем? Горючего у нас не бесконечно. А тут подшаманим маленько, и вполне в дизели пойдёт. Я сейчас все пустые баки дозаправлю.

К вечеру подготовка была завершена. В сумерках город сотрясли несколько взрывов: это ударили снаряды с активаторами. И тут же, захватывая всё новые улицы, вовлекая в процесс всё новые ёмкости, по городу потекли реки огня. В напалме шло не горение, а другая, более сильная физико-химическая реакция. Температура в четыре тысячи градусов сумела заставить вспыхнуть даже творение гвенъя. Камень тёл, глау шумно трескался, выбрасывая снопы искр. Стены таяли, словно пластилин на свечке. Чудовищный факел был виден за много километров.

Посланная утром разведка обнаружила лишь брошенное в панике место ночёвки бывших обитателей Аннера.

Дальше Свиридов приказал ждать целых пять дней. Хотя, если ветер менялся в сторону лагеря, вонь от пожарища и раздражала. Нужно было дать командованию гвенъя время подтянуть войска для разгрома врага: генерал строил расчёты на том, что возможности вторгшегося неприятеля правители Великого Леса знают пока плохо. Во многом ошибочно. Возле Аннера обстрел специально начали, подпустив врага на предельно близкое расстояние, а на город напали только после многодневной подготовки. Следовательно, есть очень хороший шанс показательно уничтожить солидный отряд «в поле». А следующий город взять и сжечь за сутки вме-

сто многонедельной осады и штурма – это даст нужный деморализующий эффект.

Второй причиной задержки была необходимость роздыха людей и профилактика техники. У одной из трёх самоходок клинило механизмы орудия. Ещё у двух грузовиков решили перебрать ходовую, чтобы не возникли проблемы потом. Заодно медики лечили раненных гвенья, которых оставили умирать в брошенном лагере. Таких, забытых в Аннере и окрестностях, нашлось больше пяти сотен. Растерянных, вдвойне напуганных странным поведением пришельцев. Ведь то, что завоеватель будет лечить и кормить жителя покорённой страны, в головах не укладывалось. Когда их оставят, не обратив в рабов – рассказы аннерцев добавят хаоса и непонимания.

Последний день перед отправкой преподнёс ещё один сюрприз. Вестовой доложил:

– Там пришли, насколько понимаю, хотят говорить с главным. Очень просят. Почти сотня, в основном женщины с детьми.

Удивлённый генерал в сопровождении Тарьи как переводчика отправился навстречу. И в самом деле, у границы охраняемого периметра ждали: Вячеслав насчитал девяносто пять гвенья. Разного достатка, хотя откровенно дорогих нарядов нет. Шестеро пареньков-подростков, два десятка детей от четырёх до десяти, остальные – девушки и молодые женщины. Тарья бойко начала выпрашивать, потом переве-

ла.

– Они умоляют взять их с собой. Увидели, как мы заботимся о раненых. И остальное тоже впечатлило.

Свиридов пожал плечами. В своих людях он, конечно, был уверен, солдаты ничего «лишнего» себе не позволят... но зачем оставлять у себя потенциальных шпионов, а то и мстителей?

– К чему они нам?

Тарья горячо вступилась.

– Им некуда больше идти. Я читала, у вас в одном из государств была такая каста – парии. Здесь что-то похожее. Древний обычай «виновного рода», когда за проступок одного вся семья, а часто и родственники становятся изгоями. Леди Эйнире рассказывала, что этот дикий обычай почти исчез, но во владениях Алмазного Полоза он процветает. И если мужчины ещё могут уехать в другую страну, добиться чего-то в людских королевствах, то женщинам эта дорога закрыта. Их удел – самая тяжёлая работа, на которую больше никто не соглашается. Или публичный дом. Разве что сбежать дорогой игрушкой к какому-нибудь правителю из людей, но, считайте, это та же проституция – такой путь избежат немногие. Они готовы принести клятву верности на крови. А это означает, что они умрут, если вы просто поверите в их измену.

Свиридов ошарашено посмотрел на Тарью, потом на просителей.

– Ну, до такой дикости я ещё не дошёл, детей за воображаемую измену убивать.

На минуту генерал задумался, взвешивая плюсы и минусы. С одной стороны – балласт. С другой – это почти сотня потенциально очень способных магов, которые будут преданы колонии душой и телом. Вдобавок, совершенно иррационально их стало жалко. Такого отчаяния на лицах он не видел очень и очень давно.

– Ладно. Уговорили. С понятием гражданства этот мир уже познакомился, пусть теперь узнает, что такое политическое убежище и статус беженца. Тарья, отвечаете лично, чтобы не было никаких эксцессов. И ещё. Для гарантии. Вы можете провести ритуал этой крови, только фальшивый? Чтобы не раскусили. Но без фатальных последствий.

– Так точно!

– Хорошо. Так и сделаете. А правду скажем уже дома.

Впрочем, через несколько дней настойчивости Тарьи генерал поразился. С одной стороны, солдаты были по большей части молодые парни, перед девушками они «распушали хвост», подтягивались. С другой – беженцы взяли на себя немалую часть хозяйственных дел, а каждый боеспособный солдат был на счету. Но главное, что несколько женщин, до того как оказаться среди изгоев, немало путешествовали – и теперь могли указать не только дороги отсутствовавшие на старых картах Агенора Серебряный Янтарь, но и места, удобные для боя и засад. Пусть Свиридов доверял но-

вым спутникам частично, информация оказалась хорошим подспорьем для картинок с беспилотных разведывательных дирижаблей.

День после Аннера колонна двигалась в прежнем темпе, затем резко ускорилась. Благо, центральные местные дороги и дальше спокойно могли выдержать идущий со скоростью полусотни километров в час грузовик или БТР. Всего через два дня отряд землян добрался до мест, где леса сменялись густо заселёнными сплошь распаханными территориями. Там их и поджидала армия гвенъя. Едва заканчивались деревья, начиналась равнина – ровные как стол поля, идеальное место для конницы. А километрах в трёх – пара холмов, между которыми и протискивался торговый тракт. Расчёт командира обороны был ясен и понятен. За холмами дорога загибается, от границы леса солидный участок не просматривается – здесь и надо всё перекопать, чтобы остановить самодвижущиеся фургоны с пехотой. Едва противник упрётся в заграждения, застрянет в узком месте – сверху атакуют стрелки и катапульты, прятавшаяся до этого с дальней стороны конница ударит в тыл. Земляне ничего противопоставить не смогут, их орудия надо готовить для стрельбы, а автоматы в каше ближнего боя наверняка окажутся не сильнее мечей и кинжалов.

Если же земляне заметят врага и остановятся, холмы закроют гвенъя от обстрела, а там подоспеет резервная армия, которая зажмёт агрессора в клещи. С учётом перевеса в

живой силе победа обеспечена. Наверняка и против беспилотников заготовлены зенитные заклятья. Вот только ждали землян намного позже...

Свиридов поступил совсем не так, как ждали команды гвенъя. К опушке колонна подошла на скорости больше сорока километров. Наблюдатели врага среагировать и передать сигнал успели слишком поздно. И сразу вперёд ринулись БТРы, на ходу обстреливая противника из тяжёлых пулемётов. Предназначенные для лёгкой брони пули с вольфрамовыми сердечниками насквозь прошивали толстые деревянные щиты, за которыми собирались укрыться от автоматного огня защитники. Три километра – ничтожное расстояние для рассекающих золотые океаны спелой пшеницы тяжёлых машин. Когда БТРы достигли холмов, и из чрева стальных китов посыпались десантники, не все гвенъя даже успели схватиться за оружие. О том, чтобы превратить толпу строящих укрепления солдат в сплочённые подразделения, не было и речи. Как не успели гвенъя и сообразить: их много, а рассыпавшись, они не цель для артиллерии. Пусть даже потеряют не меньше половины – встречная атака неизбежно доберётся до машин.

Одновременно последовал артналёт, огненным валом расчищая дорогу пехоте, добавляя хаоса – лёгкие миномёты можно подготовить заранее, вытащив из грузовиков почти сразу ввести в бой. Да и тройка САУ могла стрелять на ходу. Второй залп шрапнелью достался покинутой деревуш-

ке неподалёку, где скрывался засадный полк, третий ударил по кавалерии. А тем временем опустевшие БТР проскочили холмы, легко преодолели незаконченные канавы на дороге и принялись расстреливать всадников и лошадей.

Всем, и кто стоял рядом с опушкой, и кто участвовал в бою, казалось, что грохот выстрелов, разрывы мин и снарядов, истошное ржание мечущихся лошадей, крики раненых, мат и рёв сошедшихся в яростной схватке врагов длились бесконечность. Но едва стихло, и Свиридов посмотрел на часы, выяснилось: от момента, когда первая машина вышла из-за деревьев, прошло всего полчаса, но за это время армия гвенъя перестала существовать. Потери обороняющихся составили больше сорока к одному – такого страшного разгрома Великий Лес доселе никогда не знал.

Следующая крепость во владениях самого верного союзника лорда Фахтны – Аметистового Лебеда, встретила разворачивающийся для атаки экспедиционный корпус закрытыми воротами. Ждать в этот раз Свиридов не собирался, потому, едва артиллерия закончила подготовку, приказал Тарье:

– Лейтенант, зачитайте им. Пока вариант один.

Тут же понёсся усиленный мегафоном голос: гарнизон не тронут, у них есть один час на то, чтобы покинуть крепость с любым имуществом.

Всё замерло в тишине. За пять минут до истечения срока ультиматума со стены вниз полетело тело. Тут же взвились

зелёные флаги, и заскрипел цепями, опускаясь, подъёмный мост.

Тарья пояснила:

– Наместник. Гарнизон явно решил, что лучше рискнуть стать дезертирами и мезтью лорда за утерю складов и полей игольника – основы благосостояния лорда Аметистового Лебеда, чем гарантированно погибнуть под обломками.

Свиридов на это зло усмехнулся. Второй раз та же усмешка появилась, когда экспедиционный корпус достиг города, выбранного для разрушения во владениях Изумрудной Рыси. Таллоу встретил землян целыми предместьями, раскрытыми воротами, покинутыми улицами и пустыми домами. Лорд Херебард предпочёл увести своих подданных заранее.

Сразу после Таллоу колонна резко свернула на северо-восток. Нужный эффект был достигнут, и требовалось отступить раньше, чем на землян навалятся действительно крупные силы, противостоять которым они не смогут. Или гвенъя догадаются вести против агрессоров непрерывную партизанскую войну малыми отрядами.

Палата Великих лордов не зря считалась жемчужиной и сердцем столичной королевской резиденции. Полы особого мрамора, которому искусство древних мастеров придало золотисто-зелёный цвет. На стенах изысканная мозаика, изда- лека неотличимая от написанных кистью фресок, и огромные чеканные панно. Торжественная внушительность идущих вдоль стен огромных сплошь вызолоченных колонн да-

вила своим величием каждого, кто осмелился встать рядом с ними... Но стоило отойти на несколько шагов в сторону, как колонны совершенно терялись в объёме, изящно поддерживая высокий купол потолка. Искусством архитектора можно было восхищаться. Как восхищаться и искусством резчиков, которые делали стоявшую в центре зала на возвышении мебель. Вытянутая подкова стола, вдоль которого располагались кресла лордов, сходилась к трону короля.

За века Палата видела многое, но таких страстей, как сегодня, не наблюдала уже много десятилетий. Отзвучала речь Алмазного Полоза, призывавшего покарать жалких людишек, посмевших вторгнуться в страну Старшего народа. Покарать любой ценой. Даже если придётся посылать Небесных всадников. Закончил ответную речь Серебряный Ястреб – мол, задеты только владения тех, кто виноват в походе на восток. А от Зелёной стражи до сих пор никаких вестей. И если им попался столь сильный враг, способный, едва уничтожив лучших воинов мира, на ответное вторжение – лучше договариваться по-хорошему, пока есть возможность.

Дальше началась самая настоящая базарная склока, с криками и взаимными оскорблениями. Король, привыкший к тому, что вопросы обычно решаются заранее, а собрание их лишь утверждает, растерянно хлопал глазами. Формально его слово должно прекратить любую свару, но сейчас на него никто не обращал внимания. Покинь монарх трон – не заметят.

Неожиданно для всех встал лорд Изумрудной Рыси. И обратился он не к одной из сторон, а к правителю. За разрешением взять слово:

– Ваше Величество. Вы старше любого из нас по титулу, потому прежде чем молвить речь, прошу дозволить мне говорить.

Кричать лорд Херебард не стал, но скорее всего именно потому-то его услышали все, и в зале ненадолго воцарилась тишина. А король, ошеломлённый тем, что его, пусть формально, но признали владыкой, растерянно бросил:

– Дозволяю.

– Уважаемые лорды. Так получилось, что среди умудрённых годами в этом собрании я самый молодой. Но иногда именно молодость помогает взглянуть на проблему с необычной стороны, не затеняя взгляд опытом прошлых лет. В прошлый раз я по просьбе Алмазного Полоза согласился с его предложением.

На этих словах перешёптывания смолкли, и тишина стала гробовой. Давить на колеблющихся и перетягивать на свою сторону того или иного члена Совета – естественно. Но это никогда не выходит наружу. Формально каждый голосует «по своему разумению блага Великого Леса». И публично упомянуть, что действуешь по чьей-то просьбе, означает бросить в лицо обвинение: ты от меня добился решения грязным шантажом.

– Сегодня мы должны признать – война стала ошибкой.

Думаю, пропавших воинов мы больше не увидим. И значит, по нашей вине погибла лучшая часть нашей армии. Титания, хранительница равновесия судьбы, уже отмерила нам наказание. Пусть мы лишились многого – не стоит идти против её воли дальше, рискуя положить новый груз на чашу несчастий. Я за то, чтобы люди уходили спокойно. Правитель людей показал, что не хочет большой войны – но может сражаться. А через несколько вёсен, когда горечь взаимных потерь зарастёт травой новой жизни, мы должны заговорить о мире.

Почти сразу в поддержку Рыси высказались лорды Золотого Оленя и Рубинового Медведя. Фахтна заскрежетал зубами: мерзавцы, увидели поддержку в Херебарде и теперь пытаются разорвать поводок. Мол, мы и так пострадали в прошлой аванюре. И надавить на них сейчас невозможно, шантаж экономической блокадой имеет свой предел... Особенно если Рысь и Ястреб выступят заодно, а Зелёная стража будет возрождаться фактически под руководством капитана Ястребов. При таком раскладе Полозу нужен чистый выигрыш. Тогда никто не посмеет заявить о пересмотре границ вассальных доменов победителя грозного врага, а Медведь с Оленем останутся без прохода к Ястребам, Рысям или вольным королевским городам.

– Мои крылья всё равно ударят. Хотите вы или нет.

– Мои тоже! – поддержал Аметистовый Лебедь.

Гибель урожая игольника очень больно ударила и по ко-

шельку, и по самолюбию. Великий лорд хотел мстить.

Следом зазвучали ещё два голоса в поддержку Алмазного Полоза. Его ближайшие союзники прекрасно понимали, благодаря кому они удерживают место в Совете, и потому были готовы идти за хозяином до конца.

Первым встал Ястреб.

– Отказываю. И поддерживаю предложение лорда Изумрудной Рыси о мире.

Медведь с Оленем встали следом:

– Поддерживаем Изумрудную Рысь.

Затем все четверо молча покинули заседание. Впервые за три последних столетия среди Великих лордов случился открытый раскол.

До границы оставалось совсем немного. Узкая дорога, ведущая к очередной пограничной заставе, завтра закончится. Деревья понемногу уже начинали редеть. Ещё день-два и лес сменится лесостепью, а там грузовики спокойно пройдут и напрямую. К тому же, если в глубине страны вертолёты применять не рискнули – как горели воздушные машины над полем боя, запомнилось слишком хорошо – то на границе поддержка с воздуха будет: два звена ждали на аэродроме подскока. Догнать землян вряд ли успеют, да и потери оказались куда меньше, чем боялись перед началом операции. Можно праздновать победу. Вместо этого на душе у генерала Свиридова который день скребли кошки. Потому гонял он дозоры и охранение нещадно, в воздухе постоянно висел

беспилотник – и не дирижабль, а самолёт. Подчинённые Мануса непрерывно сканировали окрестности. Всё было тихо. Слишком тихо.

Дорога стала совсем плоха, потому ехали грузовики медленно. В какой-то момент колонна встала – хлипкий мостик через речушку тяжёлые машины выдержать не мог. Сапёры принялись наводить переправу, беженцы, некоторые водители и солдаты вылезли размять ноги. Свиридов тоже вышел из штабной машины, но далеко отходить не стал. Хотя сентябрь в этих широтах был тёплый, сейчас едва минуло двенадцать часов, и солнышко припекало всю – китель остался внутри. В одной рубашке от налетевшего ветерка оказалось довольно зябко.

Внезапно послышался рёв тревожной сирены – сигнал «магическая тревога», и почти сразу у переправы и где-то возле головного БТРа раздались несколько взрывов. Рефлексы сработали мгновенно, бросив Вячеслава под колёса. «Твою мать! – задёргалось в голове. – Авианалёт. Откуда?!» Убедившись, что больше взрывов нет, генерал вылез из-под грузовика и посмотрел в небо: там удалялись на юг два создания, величиной раза в полтора больше лошади, внешним видом напоминающие грифонов из средневековых легенд.

Других таких тварей в небе не было, потому колонна тут же наполнилась шумом – врачи бежали к раненым, остальные занимали места по тревожному распорядку, готовясь к отражению атаки. Свиридов вместе с двумя заместителями

торопливо побежали к машине магов: если Манус не доложил по радиации или не послал вестового, значит дело серьёзное, отвлекаться никто из чародеев не может. Но информация о том, что произошло, нужна как воздух. Потому быстрее подойти самим – пусть объясняют эту непонятную чертовщину по ходу дела.

Мануса они нашли рядом с изуродованной машиной магов, сидящего на земле бледным как мел, и судорожно хватающим воздух.

– Что с ним?

– В рубашке родился, – пояснил один из врачей. – Третья бомба рядом с ними легла, почти всех контузило, кого-то сорванным оборудованием побило. Хорошо, броня осколки выдержала. А на нём ни царапины, просто шок, видимо.

– Это поправимо, – бросил кто-то.

Несколько мгновений спустя откуда-то возникла фляжка со спиртом. Мануса хлопнули по щекам, с силой разжали зубы и влили несколько глотков обжигающей жидкости.

– Майор, докладывайте.

– Я...

– Как положено, докладывайте, майор!

Это сработало: разум подчинённого ухватился за незыблемые формы устава и начал приходить в себя. Ровным механическим голосом Манус заговорил:

– Товарищ генерал, разрешите доложить. Нами было замечено необычное явление. Особенность данных созданий в

том, что они не излучают, а поглощают магию, в целом оставаясь почти нейтральными. С подобным феноменом мы на практике столкнулись впервые, потому не сразу его заметили. Дальше не сразу поняли искусственное происхождение, и сигнал о начале магической атаки запоздал.

Взгляд Мануса приобрёл осмысленность, потом заполнился ужасом, мужчина мешком осел на землю и негромко произнёс:

– Небесные всадники. Нам конец. От них не отбиться.

Свиридов ненадолго отвлёкся – ему доложили о пострадавших и характере упавших бомб. Три осколочно-фугасных примерно по сто-сто пятьдесят килограммов в тротиловом эквиваленте каждая. Одна зажигательная.

Едва помощник закончил, генерал снова обратился к Манусу.

– Майор, отвечайте. Что в них такого ужасного?

– Они... они атакуют с неба. Много. Потому от них нет защиты.

– Вертолёты почему-то никого особо не пугали. И сбивали их за милую душу.

– Там... там количество, – Манус наконец-то справился с собой. Видно было, что боится он по-прежнему до дрожи, но решил – если уж тонуть, то хоть побарахтаться. – Среди Стражей много умелых магов, и мы потом с Агенором вспомнили. Так на драконов охотились. Когда целей мало, а магов достаточно, хоть одно брошенное заклятье попа-

дёт. Но сколько так можно подбить? Десяток, полтора – если очень повезёт. А тут в каждом небесном крыле будет не меньше полусотни зверей. И атакуют всегда минимум двумя-тремя крыльями. И магию они пьют, заклятья на Небесных всадников почти не действуют.

– И каждый несёт минимум по два заряда. Почему их не применили сразу?

– Это очень дорого. Небесные создания способны нести всадника и груз, легко приручаются – но живут только в одном месте, на западе Леса. Там невероятно высокий показатель магии, потому за пределами этой зоны им требуется постоянная подпитка. Гвенъя наверняка опустошили все свои хранилища, чтобы бросить Небесных всадников в бой.

– Ясно. Сколько у нас до атаки?

– Думаю, часа два есть. Может больше – зависит от того, где расположились остальные и готовы ли воины подняться в воздух.

– Хорошо хоть до связи между землёй и небом тут не додумались... Кравцов, – начал раздавать приказы генерал. – Соберёшь лучших стрелков. На тебе зенитная оборона. Ни одна сволочь дойти не должна. Бекетов. Отвечаешь за землю, когда после налёта пойдёт пехота. Демьяненко, берёшь майора Мануса, может, кто ещё оклемается, и тащишь к своим орлам. Поднимаете в воздух всё. Чтобы ни одна дрянь больше не подкралась незаметно. Павлов, на тебе маскировка. Исполнять.

Гвенгья дали на подготовку больше четырёх часов. Генерала Свиридова сначала удивила такая нерасторопность, а потом насторожила. Если задержка не случайна, наверняка сразу за грифонами атакует пехота. Тогда ждали именно её. Наконец, сначала Манус доложил – приближается аномалия. И почти сразу тоже самое подтвердили с поста воздушной разведки: сбит самый западный из дирижаблей слежения.

Через несколько минут в бинокль получилось увидеть атакующих. Быстрота полёта грифонов порадовала – если «пустые» птицы делали не меньше сотни километров в час, то в гружёном состоянии их скорость не превышала шестидесяти-семидесяти. В атаке участвовали больше четырёх с половиной сотен птиц. Сейчас грифоны наступали двумя группами навстречу друг другу под тупым углом. Начиная от концов пройти почти параллельно линии колонны землян, сбрасывая бомбы и высыпая из мешков тяжёлые стальные стрелки в полторы ладони длиной – падая с большой высоты, такая проткнёт насквозь даже человека в кольчуге.

За подаренное время колонна землян изрядно «выросла» в размерах. В хвост и в начало успели отогнать несколько уже ненужных грузовиков и заправщиков. Построили штук пять макетов оборонительных противопехотных позиций, где сидели одетые в мундиры чучела – с воздуха, если не приглядываться, как настоящие. А на самых концах вынесли на три сотни метров от колонны два ложных поста магов, откуда искрили чарами и магические кондиционеры, и остальные из-

делия техномагии. Будто бы чародеи засели там и готовятся попробовать накрыть людей защитным куполом.

Если бы небесные всадники хоть раз встречались с серьёзным противодействием, озаботились разведкой и подавлением зенитных точек, и лишь затем нанесли массированный удар – какой-то шанс у них был бы. Но про эшелонированную противовоздушную оборону и перекрывающиеся сектора обстрела здесь не слышали. К тому же в первую очередь гвенья старались уничтожить чародеев, считая угрозой только их.

Едва первые бомбы накрыли ложные цели, зенитчики открыли кинжальный огонь. В воздухе началась свалка и паника. Кто-то фанатично пытался всё-таки вывалить смертоносный груз на цель, кто-то увернуться от выстрелов и бежать. Отсутствие нормальной связи голосом между воинами усиливало хаос: привычная система флажков и цветных светильников в каше, где летящие рядом капитаны разных отрядов отдают противоречивые команды, не работала.

Избиение длилось недолго. Когда смолкли пулемёты БТРов и солдат, тишину не нарушал шум крыльев ни одной птицы. Лишь вдалеке трещали и шуршали ветками несколько пожаров – там, куда упали грифоны с зажигательными бомбами. Люди замерли, сжимая приклады, готовясь встретить пехоту... в ответ пришли тишина и пустота. Никто из Великих лордов даже на мгновение не предполагал, что Небесные всадники не справятся сами по себе. Не последо-

вало и нового авианалёта, хотя его специально ждали ещё сутки, прежде чем двинуться дальше. О том, что Алмазный Полоз вложил в первую атаку все силы, земляне не догадывались, потому двигались медленнее прежнего, постоянно ожидая новой угрозы с неба. Но до самой границы никто людей так больше и не потревожил.

Глава 8. Стальная лиса

Если говорить строго, Стальная лиса – это было прозвище. Но данное при рождении имя Шоннах девушке не нравилось совсем. Как и обязанности будущей жрицы. Вместе с уроками, на которые она была обязана ходить каждый день за исключением самых важных праздников. Зато имя на одном из древних наречий означало «лиса», и потому, сбежав из дома в день своего пятнадцатилетия, на вербовочном пункте девушка назвалась Лисой. Заполнявший контракт чинуша, взглянув на редкий среди гвенья золотисто-рыжий цвет волос самоуверенной соплячки, только усмехнулся. Также смеялись поначалу и в тренировочном лагере, потом в армии... впрочем, всегда недолго. Поставить зарвавшегося наглеца на место гордая дочь настоятеля одного из храмов Кайны-хранительницы умела. Как умела учиться и быть первой во всём. Поэтому очень скоро к прозвищу уважительно добавилось «стальная». А как ещё назвать девушку, пусть даже сильного мага, которая вошла в число полевой охраны всего в двадцать пять лет, а Зелёным стражем стала в двадцать девять? В придачу числилась в отряде лорда Алмазного Полоза – а ведь и хозяин, и его подданные считали, что место женщины только дома и при детях. Лиса замирилась с семьёй: пусть отец не разговаривал с мятежной дочерью со дня побега, но перед статусом Зелёного стража

не устоял и он.

Вспоминая сейчас, Шоннах думала, что ей всегда везло. И с соседом по улице, бывшим сотником одного из пограничных полков, решившим доживать свой век в провинции. Здесь небольшая по столичным меркам королевская пенсия делала его богатым. И с командиром первого в своей жизни отряда. И с небольшим эпизодом во время поездки в Королевства людей – через женщину-любовницу одного из посольских работников попробовали в здание пронести зелье и подглядывающий амулет... Не учли, что Шоннах была не только боевым чародеем, но благодаря происхождению хорошо разбиралась парфюме, украшениях и дамских тряпках. Стальную Лису заметили, пригласили в Стражу. Везло ей и дальше. Первый в жизни поход в числе Стражей, неудивительно, что непроверенного огнём и железом бойца поставили в самую дальнюю линию. Только поэтому она и уцелела: подбив вражескую гусеничную повозку, сразу отступила в сторону ближайшего не скованного боем отряда – маги врукопашную идут только в крайнем случае. Оказалась рядом с капитаном Рысей, когда тот приказал идти на прорыв. Повезло... но на всех её везения явно не хватит.

Словно издеваясь, небо сегодня было прозрачное до бесцветной голубизны, лишь несколько белых мохнобрюхих облаков заблудились на горизонте. Листва окружающего леса манила сочной зеленью, птицы радостно пели, так и приглашая лечь на травку. Забыть про всё... Зелёная стража не зря

считалась лучшими в мире воинами. Из смертельной ловушки сумели вырваться целых пять сотен. Или только пять сотен – это как считать. И всего два капитана. Полоза и Рыси. Сейчас они стояли в окружении своих товарищей, самые дальние терялись в лесу. Но разговор командиров внимательно слушали все.

– Ваши жажда славы и упрямство привели к катастрофе. Хотя я предупреждал об этом ещё тогда. И что вы предлагаете теперь? – слова Рыси звучали с откровенной, издёвкой. – Дорогу домой нам перекрыли надёжно. Или вы мечтаете закончить своё земное существование в виде черепа, ставшего дорогим кубком в сокровищнице кагана? Много поколений им не попадался такой знатный трофей, как целый капитан Зелёной стражи.

– На совете равных нечётное число голосов. А я как генерал...

Договорить Далваха не смог. Рысь ударил кулаком об ладонь и зло рыкнул:

– Равных? А где вы тут видите равных? Где ваш отряд, капитан Полоз? – последние слова Рысь просто выплюнул, будто схаркивал мокроту. – А право быть генералом вы потеряли, когда завели нас в ловушку.

Далваха остался внешне невозмутим. Вот только глаза, полные бессильной ярости и ненависти, его выдали. Рысь вывел за собой около двух сотен, из которых две трети были бойцы его отряда. Остальные отступали по одному и мелки-

ми группками. Но в итоге среди уцелевших подданных лорда Херебарда сейчас насчитывалась почти половина. Стражей из Полозов осталось всего двадцать три. Прав был Рысь и насчёт генерала – тот, кто совершил такую чудовищную ошибку и потерпел такой позорный разгром, не имеет права собирать под свои знамёна чужих капитанов.

– Зато мы можем мстить. За погибших товарищей. За...

– Как хотите. Но мои солдаты и те, кто останутся со мной, подобной дурью заниматься не будут. Самое умное для нас – попробовать затаиться. Не вечно же в степи будут держать войско? Если мы переживём зиму, то весной можем попробовать вернуться домой.

Лицо Далвахи всё-таки перекосило от гнева. Он схватился за рукоять меча... и замер, так и не вытащив его из ножен. Одновременно негромко зазвенели оружием остальные бойцы-рыси, готовые вступить за командира. А поскольку Далваха сам первый чуть не нарушил главный закон Стражей – никогда не сражаться со своими, наверняка за капитана Изумрудных Рысей вступятся и многие другие.

– Прятаться как крысы? Вы трус! Вы готовы ради своей шкуры навлечь на нас несмываемый позор!

– А вы идиот. Мёртвые сраму не имут? Даже если погибли не защищая будущее своего народа, а лишь интересы и кошелёк лорда Алмазного Полоза? Вы и ваш господин уже один раз предали нашу страну и наш народ. Второй раз я вам этого сделать не дам. Особенно сейчас, когда Стражу при-

дётся возродить из пепла. Из-за вас и только из-за вас.

Слова, после которых нет возврата, были сказаны. Какое-то время два капитана сверлили друг друга взглядами. Потом Далваха громко сказал:

– Все, кому ещё дорога честь – за мной.

И ушёл. Шоннах быстро пересчитала. Остались двести шестьдесят четыре Стража. На поляне и рядом с ней стояли лишь рыси и десятка три из бывших отрядов Оленя и Медведя. Осталась и Шоннах, единственная из Полозов.

Майор Северин в сражении не участвовал, у его ребят задача была иной. Все понимали – как не старайся, кто-то всё равно прорвётся. Слишком опытные звери Зелёная стража... То, что с поля боя к границе сумели отступить больше пяти сотен, сюрпризом стало неприятным. Пусть дорогу им перекрыли наглухо – под защитой нукеров Толгоя вдоль границы развернули плотную сеть из магов, видеокамер и патрулей – и «здесь» неприятностей можно оставить после себя немало. В отличие от всех остальных армий, элита воинов гвенья партизанским действиям была обучена хорошо.

«Вы ребята, похоже, не знаете – что и на таких есть способности. И если вы их не изобрели, то мы-то давно учёные», – слова, которые сказал один из подчинённых Андрея, когда блокировали и зачищали первый из районов, где Стражи попытались устроить диверсию. Северин тогда в ответ лишь рассмеялся:

– Забавная штука судьба. В прошлой жизни я вот так же

бегал по джунглям и пустыням, только «с другой стороны». А в остальном ничего не изменилось. Опыт на опыт, выдержка и удача на выдержку и удачу. Разве что здесь магия против техники. Так, если задуматься, невелика разница: стреляют в тебя из плазмострела – или метают заклятья огненных шаров и молний.

Сейчас, два с лишним месяца спустя, Андрей вспомнил разговор и сам себе улыбнулся. Смело можно было говорить, что их работа по большей части закончена. Врагов почти не осталось. Последняя попытка напасть на деревню или поджечь поле случилась полторы недели назад. Но и ловить гвенья становилось всё труднее. Самых лихих и презирающих людей выбили ещё в первые дни, остались травленные волки. Дважды земляне находили базовый лагерь или зажимал отряд врага так, что гвенья не могли отступить. До последнего старались бомбить и гвоздить артиллерией – и только потом шла пехота, а госпитали принимали раненых сразу. Но и в таких «мягких» условиях по больницам валялось уже сотен шесть. А ещё, по допросам пленных, где-то прятался последний, самый крупный отряд. Выжидал? Только непонятно чего.

Хотя на календаре уже вовсю царил сентябрь, лес сегодня выглядел почти летним. Запах смолы, душистость елей и сосен, крепкий аромат дуба, вплетались нотки мха и грибов, спрятавшихся под уже начавшими желтеть и вянуть листьями. Влажная пряность травы и земли. А стоит углубиться в

чащу – и воздух становится густым, земля строже, деревья всё смелее переодеваются в багрянец. Забыть бы всё и шагать по такому лесу широким, размашистым шагом, выскивая грибы и мечтая вернуться домой с полным лукошком белых и подберёзовиков... Вместо сбора грибов Андрей повёл своих людей по следу. Очень медленно и осторожно. Потропишься – угодишь в ловушку, бывало и такое. А то, что сегодняшней след тянулся очень чётко, хотя в осеннем лесу замаскировать его проще простого, настораживало вдвойне.

Они шли за десятком гвенъя почти весь день, и Андрей беспокоился всё сильнее. Явно специально не маскируются, но засад ни одной, хотя удобных мест прошли много. Не было и ловушек, хотя один-два магических аналога «растяжек». Стражи за собой давно уже оставляли всегда, пусть были уверены, что их не преследуют! На этом странности не закончились. Под вечер кто-то пошёл обратно по своему следу, пошёл очень шумно – словно хотел привлечь внимание. Возле широкой поляны Андрей приказал задержаться и не стрелять первыми. Если гость так уж хочет поговорить...

Минут через пять-семь на поляну вышел высокий гвенъя со знаками различия капитана одного из отрядов. Поднял руки с раскрытыми пустыми ладонями, показывая, что у него нет оружия, и громко произнёс сначала на своём языке, потом на языке королевств, а затем на нэрлих предложение о переговорах. Андрей колебался недолго. Конечно, до этого пленные к людям относились с ненавистью и презрением,

но, с другой стороны, жить хочется всем. Вдруг этот капитан пришёл говорить о капитуляции? А шанс встать лицом к лицу без стрельбы выпадал последнее время нечасто. После того как в первые дни партизанской войны в целях устрашения гвенъя зверски убили несколько попавших к ним ополченцев и солдат, земляне, если рядом не было начальства, живыми врагов старались не брать.

– Майор Северин, – начал Андрей, встав напротив капитана. – Я имею полномочия вас выслушать.

– Капитан отряда Изумрудной Рыси. Мы готовы сдаться при условии, что нам позволят сохранить не только жизнь, но и знамёна.

Андрей сразу же про себя отметил: про оружие и амулеты собеседник не упомянул. Но зато сразу обозначил: гвенъя готовы капитулировать не рабами, а пленными с возможностью выкупа.

– Прошу подождать, – Андрей запнулся, переводя тридцать минут в непривычные для него меры языка нэрлих, – примерно три клепсидры. Я свяжусь со своим командованием. Ваши условия несколько выходят за пределы того, что я имею право решать на месте.

Полтора часа спустя капитан Рысей в сопровождении отряда Андрея двигался к лагерю гвенъя.

– Почему? – поинтересовался Северин, всё-таки решившись по дороге спросить. – Остальные ваши товарищи предпочитали сражаться, пока не погибнут.

– Очень просто, – в ответе прозвучала грусть. – Я и лорд Херебард с самого начала были против этой чисто политической войны. Но подчинились королевскому приказу. Я ещё в первые дни предлагал отступить, отказались мы и жечь поля. Зачем? Это не наша война, это чужая земля. Вы – достойный враг, и я не вижу смысла губить своих солдат ради мести за поражение, как сделал это капитан Далваха. К тому же народ, который так яростно и беззаветно защищает свою свободу, я предпочитаю числить если не в друзьях, то хотя бы не среди врагов.

Первые несколько дней для Стражей ничего не изменилось. Хозяева даже не поторопились разоружать врага. Лишь капитан Рысей дважды уезжал с утра и до вечера. Однажды вернулся в сопровождении группы землян. Старшим был тёмно-русый плотный фигурой мужчина – насколько Шоннах разбиралась в местной иерархии, почему-то со знаками различия всего лишь старшего сотника. Или как его здесь называли – майора. Хотя рядом стояли и явно ему подчинялись два полковника. Непонятный майор выслушал от каждого из Стражей слова капитуляции и обещание не сражаться с людьми. Потом коротко о чём-то ещё раз переговорил с капитаном Рысей.

Дальше прозвучало:

– Походной колонной за мной.

Три часа спустя Стражи вышли к дороге, где стояли незнакомые самодвижущиеся повозки. Солдаты погрузились, их

наглухо закрыли, и повозки непривычно мягко тронулись. Окон не было, и ни единой щели тоже, но внутреннее чувство времени подсказало – ехали почти полдня. Когда караван встал, всех выпустили наружу. Оказалось, что они были в лагерь, куда и поселят пленных. Огороженная глухим высоким забором территория с парой десятков непривычно высоких пятиэтажных зданий, часть из которых была заперта. Остальные оказались столовой и жилыми корпусами, причём каждому Стражу выделили по комнате. Только здесь собрали оружие и амулеты. Но не кучей как трофей – а записали, что и у кого взято, пообещали вернуть перед отправкой домой... Шоннах восхитилась дипломатическим искусством капитана Изумрудных Рысей. В таких невыгодных условиях выторговать настолько почётную сдачу.

Медведи и Олени тоже сохранили знамёна, так что теперь поселились отдельно. Обедать, впрочем, всё равно пошли все вместе. А когда, сытые, вышли на улицу, один из бойцов потянулся и довольно сказал:

– Не деликатес, но вкусно. Очень. И это они так пленных содержат. Странные люди.

Шоннах рассмеялась.

– Да как себя, так и нас кормят. Это с непривычки всё необычным и вкусным кажется. Сколько раз такое видела по посольствам.

– Ну... Верю на слово. Из бывших посольских кроме тебя тут никого.

Шоннах кивнула... на мгновение показалось, что кто-то очень пристально посмотрел ей в спину.

Хорошая жизнь длилась недели две. И закончилась, когда утром очередного дня внутрь охраняемого периметра въехало несколько повозок – автомобилей модели автобус – из которых выбрались около сотни попавших в плен Стражей. Они резко отличались от тех, кто остался с Изумрудной Рысью. С поникшими плечами, ноги переставляли шаркающей походкой, в глазах лишь пепел поражения. Шоннах заметила сослуживца из своего отряда, радостно шагнула навстречу. Хоть кто-то уцелел!.. И споткнулась, ударившись о полный ненависти взгляд.

– Хорошо выглядишь, Лиса. Предательница.

– Какого? Сдурел?

– Молчала бы. Я смотрю, вовремя продалась Рысям? Полозы остались без хорошего мага, и потому Далваху повесили. Твоего. Капитана. Как безродного разбойника. За каких-то там сопляков. Благородного. Капитана Зелёной стражи.

Мужчина сжал кулаки, шагнул вперёд, явно собираясь ударить. И наверное получилось бы, от услышанного в голове у девушки поднялись непонятный туман и звон. Не вышло подобное бессмысленное, оскорбительное убийство с образом здешних людей, сложившимся у Шоннах. Но тут бывший полоз заметил пристально наблюдавших за безобразной сценой охранников. Испуганно вжал голову в плечи,

ещё раз облил Шоннах презрением, развернулся и ушёл.

Шоннах непонятно сколько времени стояла ошеломлённая. Потом медленно побрела к себе в комнату... Через полсотни шагов столкнулась с незнакомой гвенъя в местной одежде. В памяти сразу щёлкнуло: видимо, переводчица, сопровождала доставку пленных. Следом пришла догадка: да это же та самая отступница, из-за которой они пошли в поход. Из-за которой всё и закончилось катастрофой. Подходящий объект, на котором можно сорвать свою злобу и растерянность.

– Здравствуйте, леди Янтарь. Я рада, что покинув родину в спешке, без рекомендательных писем, на новом месте вы сумели добиться столь многого.

Поклон строго по этикету – Стражи вне сословий, но и лорды стоят на особицу. Слова почтительны. Мелочи – интонация с ничтожной каплей презрения, поклон ровно на волос не так, как надо, взгляд с крошечной долей брезгливости. Обе девушки были детьми высшего света, потому второе дно Эйнире уловила прекрасно. «Ты предала свой народ, и вижу, что за это тебе хорошо заплатили». Леди Янтарь вспыхнула румянцем, но сумела сдержаться.

– И я рада, что, несмотря на трудности последних месяцев, Стража сумела сохранить целых три штандарта.

Ответное: «Победили всё равно мы. И с разгромным счётом. А вы живы лишь нашей милостью сильного над слабым».

Ещё один взаимный поклон, и девушки разошлись.

У входа в дом, где располагалась комната Шоннах, девушку поймал капитан Рысей.

– Лиса, мне доложили о сцене возле ворот.

Шоннах внутренне напряглась: о какой именно из двух?

– Я зря не сказал вам сразу... А ещё жаль, что меня не было на той ферме. Может, я бы сумел отговорить Далваху. Хотя и считаю, что повесили его заслуженно, – Рысь перехватил удивлённый взгляд. – Бессмысленная, не оправданная необходимостью жестокость ради собственного удовольствия. Это уродует даже обычного солдата. Для командира такое поведение – преступление, ибо чужая боль самый сладкий наркотик, который мгновенно туманит голову и превращает тебя в животное. К сожалению, червоточину в нашем генерале я заметил, когда было слишком поздно. И отговорить остальных капитанов от продолжения похода не сумел. Но вами, Лиса, можно восхищаться. Вы единственная из Стражей Полоза, кому этот яд не затмил разум. Уже официально до окончания похода предлагаю перейти под мою руку. А там будет видно.

Шоннах на секунду прикусила губу. Предложение щедрое, и строго в рамках закона. Рысь – единственный старший офицер.

– Согласна. Что от меня потребуется взамен?

Рысь усмехнулся. Было заметно, что такой деловой подход вместо смиренной радости от подачи в его глазах прибавил

девушке уважения.

– Мне понадобится ваш опыт участия в посольствах. Пока учите здешний язык. В идеале – чтобы говорили не только свободно, но и без акцента.

О том, что отведённое на учёбу время истекло, капитан Рысей сказал в конце осени. Как раз выпал первый снег и тонким ледком затянуло большую лужу, в которую превратился газон возле крыльца столовой. Утром ещё показалось было, что растает – но к обеду началась самая настоящая метель. Пушистые огромные хлопья неторопливо скользили по воздуху, опускались на дорожки, на крыши, на немногих выглянувших на улицу смельчаков. Сначала быстро таяли, растекаясь брызгами и запахом сырости, потом осмелели и перестали. Не заметить, когда чёрные, серые, грифельные, дымчатые, свинцовые цвета за окном сменились прозрачно-белым.

Капитан Рысей какое-то время смотрел за окно, не обращая внимания, что в комнату, отданную под кабинет, зашли вызванные подчинённые. Шоннах сразу начала ломать голову над составом. Нет, что все пятеро имеют второе дно и могут не только сражаться – понятно. В остальном... Представляют отряды Рыси, Оленя, Медведя и Полоза. Специально? Или случайно подобралось? Наконец капитан обернулся. Сел в кресло и внимательно оглядел прибывших.

– Наши гостеприимные хозяева, – он криво улыбнулся самым краешком губ, – по понятным причинам хотят из-

бавиться от нас как можно быстрее. Переговоры о выкупе уже идут. Но пока мы здесь... Я хочу попробовать хотя бы немного уменьшить тот ущерб, который Великому Лесу нанесла авантюра лорда Фахтны. И первым делом я попробую договориться с лордом Серебряный Янтарь.

Рысь посмотрел на лица подчинённых – каменные, но глаза удивление выдают.

– Да-да. Полоз, конечно, вывернется, спихнёт всё на мошенника, не сказавшего, что титул и домен он захватил обманом. Всё равно Фахтна не мог не знать: леди Эйнире вышла замуж по полному обряду, обвинения её и мужа подлежат рассмотрению не королевского суда, а Благородной палаты.

Шоннах в этом месте мысленно выругалась. Она не спорила – весь поход с самого начала был политической глупостью. Но теперь он лишился даже формального повода: приговор с самого начала не действителен. Война становилась государственным позором, выплыви это наружу. Понятно, с чего капитан нервничал и постоянно пропадал где-то в городе последние недели. Увидел возможность убедить людей «забыть» скользкий момент?

– Предварительная позиция для личных встреч окончательно согласована. Завтра я еду в город. Согласно моему статусу, я могу взять с собой свиту. Ей станете вы. Будете внимательно слушать, после каждый вечер высказывать свои соображения, – капитан устало потёр виски. – Без этого я,

если честно, побаиваюсь, – он взял со стола карандаш и гневным движением переломил. – Уже за то, что такой гениальный ум оказался по другую сторону щитов, хочется Полоза удавить. Этот Агенор смог пробиться из городского сословия: сначала должность при королевской библиотеке, потом свадьба, и он вошёл в число высшей знати. Одно это повод им восхититься. Одновременно блестящий учёный, я поинтересовался – уже здесь он опубликовал целых четыре труда, связанные с магией. Помог людям... нет, наследие Ордена не при чём. Но вот создание нового направления в артефакторике, полагаю, целиком его заслуга.

Шоннах мысленно выругалась снова, причём гораздо экспрессивнее. Ибо, будучи великолепным профессионалом, хорошо представляла, что значит создать не просто новое плетение, а целое направление на поле, где за сотни лет вроде бы всё перепахано сверху донизу. Это могло бы достаться гвенъя, а теперь принадлежит их противникам.

Рысь продолжал.

– На этом его занимательная биография, как понимаете, не заканчивается. Выкрал жену из охраняемого поместья захватившего титул мошенника. Проскользнул с ней незамеченным через всю страну и границу со Степью. Вместе со своей леди вдвоём прошёл через Степь и добрался до людей. Здесь, будучи чужаком, всего за пять лет добился положения, близкого к тому, которое потерял дома. И подозреваю, лет через тридцать запросто займёт место в здешнем подо-

бии Палаты Великих лордов. Уговаривать его вернуться даже после отмены несправедливого приговора – бесполезно. Но какая-то ностальгия по родным с детства местам у него наверняка осталась. Если предложить через него что-то, выгодное обоим народам, он мою идею поддержит. Наша задача, чтобы этот договор в итоге был и в самом деле равным, а не в пользу Агенора Серебряный Янтарь и людей.

«Нам сейчас сойдёт самый тощий кусок от здешних щедрот» не прозвучало, но Шоннах была с капитаном согласна. Её отец был настоятелем главного храма города на сеющем зерно юге, девочка росла в окружении бесконечных полей. Ещё во время войны насмотрелась на местную пшеницу, восхитилась и предполагаемыми урожаями. Причём зерно явно не подстёгивали чарами, значит, не будет проблем ни со вкусом, ни с хранением. К тому же, если магическое животное или растение может давать потомство, через два-три поколения полезные изменения всегда сходят на «нет». Вдруг удастся договориться хотя бы о продаже семян и местного способа ухаживать за колосом... А ведь есть и многое другое. Зато с магией у людей явно плохо, не зря они её почти не используют – и здесь можно поторговаться.

Свои соображения Шоннах высказала командиру тем же вечером. Рысь ненадолго задумался, затем сказал:

– Спасибо. А я и не обратил внимания. Ну что же, я рад, что не ошибся в вас, Лиса.

Утром Шоннах встретил ещё один сюрприз: ей занесли

незнакомую пятнисто-камуфляжную одежду. Сверху лежала записка от командира: переодеться в местную униформу, пусть и без знаков различия. Девушка мысленно согласилась – военную выправку не скроешь, а так они хотя бы не станут бросаться в глаза. Вдобавок местный костюм оказался намного удобнее привычного, да и выглядел симпатично. На улицу Шоннах вышла в приподнятом настроении.

Вчерашний снег растаял, обернулся лужами и густым туманом. Резко пахло сыростью и мокрой штукатуркой. Промозглый холод ледяными пальцами старался добраться до тела сквозь одежду. Шагов десять Шоннах прошла, зябко ёжась. Потом негромко рассмеялась: она больше не в походе, где надо сохранять резерв энергии для внезапного боя, а применение чар может выдать издалека. Тут же окутала себя пологом тёплого воздуха. А когда добралась до стоявших у ворот товарищей, растянула полог и на остальных. Сразу послышались слова благодарности: присланная машина почему-то опаздывала.

Микроавтобус подъехал только через полчаса. Водитель остался сидеть, с пассажирского места вышла рыженькая девушка. На чистом языке гвенъя – Шоннах машинально отметила, что выговор столичный, обороты ближе к аристократическим, явно приложила руку леди Эйнире – девушка сказала:

– Здравствуйте. Прошу прощения, из-за тумана ползли еле-еле. Меня зовут Тарья. Университет попросили выде-

лить кого-нибудь для сопровождения. Я студентка второго курса, но ваш язык изучала ещё до поступления. Я буду вашим гидом, если возникнут сложности и вопросы, обращайтесь.

Стражи переглянулись. Лица не отразили ничего, хотя мысленно каждый посмеялся. Конечно же, просто попросили толмача и просто выделили первую попавшуюся студентку. Но раз хозяева старательно демонстрируют, что капитан Рысей и его свита – гости, так тому и быть.

Машина, загрузив пассажиров, мягко неторопливо двинулась сквозь молочную кисею обратно. Шоннах ожидала, что скоро появятся окраины столицы, где будут гнить в тумане тусклые домишки. Или ветер раздует влажное молоко, над дорогой повиснет грязное от туч небо, по бокам встанут нищие рощицы, жалкие остатки вырубленных под поля лесов. Покажутся крепостные стены, а за ними скучный промокший город, зябко укутавшийся в туман. Погода решила иначе. Вскоре после отъезда начало проясняться, ветер рвал и прогонял сначала призрачно-белые клочья около земли, затем перенёс внимание на космато-бурые облака. Сразу стало понятно – видневшиеся вдоль дороги деревья высажены очень густо и специально поближе к дороге, чтобы задерживать пыль от повозок. Нападения разбойников на здешних трактах явно не боялись.

Машина сразу прибавила скорость. Ветер бодрящей волной ударил в лобовое стекло, широкой косой прошёлся по

небу, нетерпеливо скашивая последние заросли облаков. Пронёсся над небольшими домами предместий, сонно жавшимися друг к другу. От распалившегося солнца миллионы капель на крышах и заборах отливали то тёплой желтизной, будто бесчисленные осколки развеянной по крышам золотой монеты, то холодным серебряным блеском. Некоторое время Шоннах пыталась сообразить, что в подсмотренной сквозь ветви картине странного? Уровень шоссе как раз оказался выше предместий, позволив внимательно разглядеть квадратики участков. Наконец поняла, хотя поверила не сразу. Это были не жилые дома! Несмотря на день, не ходили люди, не бегали куры, в огородах не копались женщины. Всё закрыто и подготовлено на зиму, как и положено для летней дачи. Но тогда насколько же богат столичный город людей, если в нём сотни и тысячи жителей могут себе позволить удовольствие содержать отдельный дом для летнего отдыха?

Долго удивляться не получилось. Разогнав туман и облака над дорогой, ветер потерял задор, потому впереди до половины небосвода возвышалась как бы некая гора, состоящая из туч и остатков тумана, из которой поднимались разноцветные – серо-чёрные, ярко-белые, рыже-коричневые, аметистовые, красные, оранжевые башни. Иначе дома, состоявшие из десяти, пятнадцати и двадцати этажей, назвать не получалось. Никакой оборонительной стены. Только большой белый плакат с названием города на обочине, затем двухуровневая развязка: дорога в город нырнула под шумевшую

десятками автомобилей кольцевую трассу. И вот уже микроавтобус потерялся в лабиринте улиц, состоявших, как показалось Шоннах, из тысяч зеркальных окон и тысяч деловито спешивших в разные стороны пешеходов.

Капитан остался к зрелищу равнодушен, видел уже не раз. Как не удивился тому, что у крыльца очередного небоскрёба, возле которого микроавтобус встал и заглушил мотор, уже ждал тот же самый странный майор, принимавший капитуляцию. Гвенъя и человек обменялись приветствиями. Затем перебросились парой негромких фраз, неразборчиво утонувших в городском шуме. Капитан махнул рукой, приглашая идти за встречающим. Закончился путь в небольшой комнате в глубине здания, где вокруг круглого стола были расставлены кресла, одно из которых занимал Агенор. Встречавший майор пропустил всех гостей, сам заходить не стал. Переговоры начались.

Тратить несколько часов на дорогу туда-обратно каждый день не было смысла, гвенъя поселили в гостиницу. Ещё вчера Шоннах заподозрила бы в этом двойное дно: каждому отдельный номер с удобствами, убирается горничная – больше подходило аристократам. Но сегодня мысль о скрытой взятке в голову не пришла. Шоннах уже поняла, что местные по меркам Королевств и Великого Леса живут до неприличия богато. Потому девушка лишь торопливо привела себя в порядок и отправилась в номер командира на совещание по итогам первого дня.

Впечатлениями делились не опасаясь. Если хозяйева решили приглядывать за гостями и наставили подслушивающих амулетов, всё равно они ограничены законами природы. Ухо ловит звук, глаз, даже искусственный, ловит свет. Достаточно исказить всё так, чтобы слова разборчиво слышал лишь собеседник – подобные пологи каждый Страж ставил не задумываясь. Шоннах высказала мнение самой последней.

– Мне кажется, что нас самом деле нас уводят от главного. Точнее, самого важного для Агенора. Если бы он и в самом деле хотел вернуться, тогда, соглашаясь на временную передачу владений под управление лорда Херебарда, не торговался бы за распределение доходов с поместья настолько... грубо и проигрышно. Так и приглашает нас его обмануть. И на этом успокоиться.

Товарищи какое-то время молчали, обдумывая услышанное. Затем капитан побарабанил пальцами правой руки по левому запястью и спросил:

– Тогда что, по-вашему, Лиса, в перечне Агенора самое важное для него?

– Два пункта. Требование после казни дяди Эйнире её племянников переправить ему сюда. Вроде бы логично. Гарантия, что мы не подошлём убийцу и не посадим потом на его место родственника. Логично, если бы лорд и леди Янтарь прятались где-то в Королевствах. Только на деле-то они для любого убийцы недосыгаемы. Второе. Агенор хочет использовать свои доходы, чтобы искать и переправлять к

себе... кого-то вроде наказанных родом или тех, кто не совершил тяжких преступлений, но не поладил с хозяевами. Если верен слух про то, что недавно к землянам приехали несколько десятков отверженных...

Капитан Рысей кивнул.

– Верен. Агенор воспользовался ответным рейдом, чтобы поискать во владениях Полоза именно таких, как вы сказали. Отверженных, но не за преступления и кровь. А здесь сразу взял их под свою руку.

– Вот! Я, пока мы готовились, кроме языка читала и законы, и историю – что смогла. Насколько я поняла, этот Сенат, скорее, не Палата Великих, а ближе к Кругу туштаев у степняков. А до этого у них был единоличный правитель, которого звали коназь. Я нашла, что на древнем наречии это означало «я есть закон». То есть владение землёй не даёт права издавать на своей земле законы или не даёт власти само по себе. Власть идёт от места в обществе и на социальной лестнице. Чем больше за твоей спиной клан, чем больше у тебя готовых встать за тебя вассалов – тем весомее твоё слово. Деньги для этого средство, но не цель. Я полагаю, раз этот Агенор и в самом деле хочет стать одним из Сенаторов, ему нужны подданные. Он уже начал, привлекая отверженных. Именно за это он готов платить. И хорошо платить, причём не только золотом.

Переварив услышанное, один за другим товарищи согласились. Последним высказался капитан.

– Добро. Тогда именно этот вариант пока и принимаем как основной. И за него торгуемся.

После окончания переговоров с лордом Серебряного Янтаря капитан, оценив таланты девушки, привлёк её снова. Потом ещё. В итоге за несколько месяцев в лагерь для пленных Шоннах навевалась всего три раза и самое большее на ночь. Ощущение было, словно она вообще никогда не становилась Зелёным стражем и не воевала с людьми, а приехала с очередным посольством. И тем неожиданнее стал срочный вызов в марте.

Противное слякотное межсезонье уже закончилось. Весна вовсю наступала на пятки сбежавшей без оглядки зиме. Солнца, хоть и понемногу, прибавлялось с каждым днём. Снежные завалы осели чёрными ноздреватыми грудями, растеклись лужами. В открытое окно машины можно было увидеть, что сквозь многочисленные проталины зазеленела трава, и терпко пахли, пробивались к свету первые самые смелые цветы. Уже на подъезде Шоннах догадалась посчитать дни. Ну да, переговоры о выкупе закончились. На днях прибывает официальная делегация, и самое большее через пару недель все отправятся домой. Стало немного жалко, здешние люди и здешняя жизнь Шоннах неожиданно привлекли и заинтересовали. Неожиданно для самой себя захотелось задержаться чуточку подольше.

Капитан встретил подчинённую в своём кабинете один и с настолько мрачным видом, что радужные мысли мгновен-

но улетучились. Шоннах вручила свой последний отчёт, командир, не читая, убрал его в ящик стола.

– Сегодня я получил известие, что посол скоро прибудет. Не знаю, какие интриги кипели при дворе, но во главе поставили лорда Эрвана Хрустальная Лань.

Шоннах непроизвольно поморщилась. Ничтожество, пустое место с огромным самомнение. Наглый, хамоватый, продажный.

– Я не знаю, кто его купил в этот раз, но с ним полный комплект шпионов. Наша с вами работа, который мы занимались последние месяцы, его не касается. Всё это договоры между лордом Агенором и лордом Херебардом. Я уже предупредил, посольство остановят на границе, там и произойдёт обмен.

Шоннах кивнула. Лорд Эрван воспримет подобный приём как оскорбление. Устроит безобразный скандал, который запросто похоронит любые дипломатические отношения на годы вперёд. Возможно, на это и рассчитывал кто-то в Совете Великих? Не зря посольство так грубо набили шпионами... Только при чём тут она?

Словно подслушав эхо мыслей, капитан продолжил:

– Что касается вас. Всё несколько сложно. На недавнем совещании я и представители Медведей с Оленями решили, что потерявшие знамёна отряды восстанавливать нельзя. Думаю, Ястребы нас в этом поддержат. Солдат, который позволяет себе бессмысленную жестокость и насилие ради на-

сила и удовлетворения собственных низменных желаний – уже не солдат, а разбойник. К сожалению, покойный капитан Полозов и кое-кто другой имели на этот счёт иное мнение. Потому-то их Стражи так легко последовали за Далвахой, превратившись в банду. Будем называть вещи своими именами. В любом случае в Страже им не место, я позабочусь. Есть одно «но». Терять им теперь нечего. Как бы они не захотели отыграться на вас. Отныне вы живёте в нашем корпусе и покидаете его только в сопровождении самое меньшее пятерых рысей.

– Так точно.

Неделю спустя лагерь опустел... Шоннах осталась. День за днём валялась на жёсткой кровати и разглядывала трещины в побелке на потолке, вылезая из своей комнатки-пенала только для естественных надобностей да что-нибудь пожрать в столовой. Раз за разом прокручивала в голове произошедшее перед отъездом. Отец не разговаривал с мятежной дочерью со дня побега, но перед статусом Зелёного стража не устоял и он. Зато теперь, наверное, проклял и отрёкся. Уцелевшие солдаты её отряда обвинили девушку в измене. Лорд Эрван радостно их поддержал, явно предвкушая судилище. Особенно если вспомнить, что семья Шоннах занимала достаточно высокое положение. Потом оказалось – в списках пленных Стальной Лисы каким-то образом нет, она числится среди погибших. А мёртвые сраму не имут.

Слухи неизбежно пойдут, но официально никто ничего

предъявить не сможет. Родня не пострадает. Наверняка имя не вычеркнут из золотой книги павших Стражей. Отец не дурак, про живой огонь на семейном алтаре не скажет. Но это – там. А что ей делать здесь, она не представляла. От той изнеженной и романтической девчонки, какой она пришла к вербовщику, давно уже ничего не осталось. Вздохнуть по своему домику в пригороде столицы тоже не будет, крыша над головой есть – и ладно. Да и тяготила её положенная Стражу по статусу прислуга: слишком мало времени Лиса числилась в отряде Полоза и привыкнуть не успела. С голоду тоже не помрёт. На пособие беженца деликатесов, конечно, не купишь, но на еду хватит. На крайний случай можно продать кое-что из амулетов и прочего магического барахла. И у самой осталось, и ребята из рысей на прощание скинулись. Но дальше? Жить растением? Это не по ней. А чем заняться, придумать так и не получалось. Помочь могла бы, наверное, леди Эйнире – но, вспоминая как в первую встречу Лиса ей нахамила, просить теперь позорно в собственных глазах. Особенно если леди Янтарь в помощи не откажет.

Настроение было вялое, на второй вечер накатила апатия, так что Шоннах всё чаще размышляла с закрытыми глазами. Утром четвёртого дня в дверь комнаты кто-то постучал. Девушка не стала открывать глаза и подниматься открыть замок, а потянулась к ручке магическим щупом. Хотя подобное поведение среди Стражей всегда считалось полным идиотизмом. Что можно делать без магии – только так и делай.

Если постоянно расходовать запас силы на ёмкие заклęcia вроде телекинеза, в опасный момент окажешься без энергии. Но сейчас было всё равно.

Сторожевой полог, который девушка машинально раскинула по комнате, сообщил, что гость встал рядом с дверью и замер, выжидая. Молчание затянулось, когда внезапно прогремела команда:

– Боец! По стойке смирна!

Тело ринулось выполнять вбитую в учебном лагере команду быстрее разума, заставив открыть глаза и посадив хозяйку на кровать, прежде чем Шоннах сумела справиться с собой и задать вопрос – а кто это, собственно, и по какому праву раскомандовался? Гневный взгляд в сторону двери наткнулся на скалящегося в откровенной насмешке того самого офицера, который принимал капитуляцию. А потом встречал в начале переговоров с Агенором.

– О! Вижу, хорошо вас дрессируют.

– Да какого!..

– Тихо, – усмешка сползла, лицо приняло деловой вид. – Побаловались, и хватит. Я по делу. Помнишь меня?

– Да. Офицер сил особого назначения майор Андрей Северин. Что-то вроде старшего сотника. Предел для неродовитого.

– Да ладно тебе, у нас нравы попроще. Глядишь, если до пенсии доживу – может генералом стану, – Андрей неожиданно ухмыльнулся, будто сказал что-то смешное. – Дело не

в этом. Ты ведь у нас безработная? А мне нужен боевой маг твоего профиля.

– Зачем? – девушка настороженно посмотрела на незваного гостя.

Работа, конечно, интересно. Вот только лезть неизвестно во что она не собиралась.

– Ты в курсе, что у нас творится на востоке?

Шоннах покачала головой, потом неуверенно промямлила что-то про Пустые земли и Орден.

– Ага, они самые. Нагадили, а нам разгребай. Мало лезущих мутантов, так в своё время ваш Орден повадился в ту сторону свои неудачные опыты выбрасывать и питомники там строить. Сейчас вся эта дрянь понемногу оживает и лезет к нам. Границу, конечно, стерегут... но глухая оборона – это мало. Желательно выжигать гнёзда с личинками и молоденьких тварей прямо на месте. С другой стороны, в мирное время таким как я и мои парни остаётся только прохладиться на базе. Согласись, для нашей квалификации расточительно. Мы решили провести эксперимент. Молодняк сам по себе неактивен. Пока не включилась заложенная команда на атаку – ведёт себя как обычный агрессивный зверь. Сейчас апрель, в начале мая мы ставим по ту сторону границы базовый лагерь и начинаем зачистку. Мне нужен в отряд маг, я имею право приглашать специалистов со стороны, в том числе и гражданских. Полтора месяца в поле предварительно.

– А как...

– Если насчёт денег – то не обижу.

– Нет, – девушка мотнула головой, досадуя на непонимание. – Что с моим статусом? Я ведь непонятно кто. У вас, подозреваю, тоже требуют оформлять кучу всяких документов, особенно на таких, как я... – и замерла, заранее испугавшись ответа: предложением она уже загорелась.

– Это конечно, проблема, – усмехнулся Андрей. – Но это моя проблема. Если ты...

– Конечно, согласна.

«Решение» Шоннах вогнало в оторопь. Точнее, первая часть прошла понятно: в хождении по учреждениям и заполнении анкет ничего удивительного не было. Бюрократы и чиновники везде одинаковы, к какому бы народу не принадлежали. Нормально Шоннах приняла и медицинский осмотр. А вот вопрос Андрея, когда она принесла ему в кабинет заключение комиссии с отметкой «здорова», заставило сестр на стул и ошеломлённо приоткрыть рот.

– У тебя платье есть? Или юбка? Для дела надо.

– Н-нет.

– Тогда обзаведись. Завтра воскресенье? Вот завтра нам и понадобится. Дело в том, что для групп вроде нашей обязательно требуется заключение Корпуса психологов. О совместимости, ну и тому подобное. Даже будь у тебя гражданство, дело муторное. Зато есть один человек, к которому я могу обратиться, и который мне может выдать заключение

просто после беседы с тобой. Тогда остальное я оформлю по ходу дела и задним числом, пока будем готовиться к рейду. Но в брюках или вот в таком явиться, – Андрей оглядел камуфляжные куртку и штаны будущей подчинённой, – упаси Боже. Выгнать не выгонят, но...

– Я поняла. Сделаю.

«Нужный человек» жил в одной из многоэтажек-новостроек Нижнего города. Когда Шоннах и Северин поднялись на седьмой этаж и надавили кнопку звонка рядом с дверью, на которой кто-то поверх первоначальной голубой краски нарисовал зелёную лужайку с растущими подсолнухами и жёлтое солнышко сверху, дверь открыла невысокая темно-волосая женщина – ровесница Андрея.

– Леночка, привет! Я...

– Опять со своими махинациями тащишь трудности ко мне на дом, – усмехнулась хозяйка. – Ладно уж. Проходите, раз пришли. Не держать же вас на пороге. Миша! – крикнула она вглубь квартиры. – У нас гости!

– Уже слышу, – на пороге комнаты появился муж.

В противоположность маленькой и состоящей из округлостей жены, он напомнил Шоннах высокую худую жердь. По виду лет на десять постарше – но девушка уже научилась различать в некоторых здешних обитателях тот же опыт прожитых лет, как и в старейших из гвенъя. Эта Лена запросто может оказаться в несколько раз старше мужа и гости вместе взятых.

– Лена, если что, я не с пустыми руками. И кормить нас не надо.

– Торт это хорошо, а то наши сорванцы втихаря сожрали сегодня утром последнее печенье. Так что коробку на стол, а твоё «не с пустыми руками» пусть идёт мыть руки и садится обедать, – женщина критично оглядела Шоннах с ног до головы. – Одёжку ты ей подбирал?

– А что в ней не нравится? – девушка наконец-то смогла справиться с первой растерянностью и возмутилась: она, конечно, уже давно была далека от всякой моды, но врождённое чувство эстетики любого гвенья вместе с родительским воспитанием и посольским опытом никуда не делись. – Я внимательно смотрела, что носят здесь...

– Я тебе потом объясню, хорошо? – улыбнулась хозяйка. – А пока прими мой совет: деловой стиль – это не для тебя. Сарафан, просторная юбка и блуза с вырезом – но не пиджак. Ладно, потом! А пока мыть руки и к столу. Знаю я, куда ходит Андрей и куда этот лентяй тебя, наверняка, таскал. Там не еда, а служебное питание не помереть с голоду. Уж именно для него туда ходить – вообще позорище.

– Я всё слышу, – раздалось из ванной, – и у меня нет времени.

Шоннах ждала каких-то расспросов, проверок, тестов. Но вместо этого их и в самом деле потащили обедать, причём всё оказалось так вкусно, что девушка целиком ушла в процесс еды, машинально отвечая на какие-то пустячные вопро-

сы для поддержания разговора. Лишь один раз всё-таки не удержалась, и, после шутки-замечания со стороны Михаила, что хорошо хоть Андрей теперь если и таскает работу на дом, то хоть без крови и симпатичную, спросила:

– А при чём тут кровь? Ведь, насколько я понимаю, вы, Елена, по части подбора кадров?

– Ну, можно, сказать и так, – солнечно улыбнулась женщина. – Зато Миша у нас хирург, без ложной скромности от Бога. Давно ещё, до Катастрофы, мы воевали с бандитами. Причём как бы сказать? Наша команда тогда ни для кого из официальных структур не существовала вообще. Со всеми вытекающими из этого проблемами. Тогда у нас зацепило одного из ребят, а у меня за пределами основной специальности квалификация только медсестры общего профиля. Вот наш гений, – кивок в сторону Андрея, – и вспомнил про молодого очень талантливого хирурга с убеждениями. Поможет и не сдаст.

– Перехвалишь, – Михаил шутливо подёргал жену за ухо. – Просто учился хорошо и ассистировал поначалу великолепному специалисту, пусть земля Антону Макарычу будет пухом. Но впечатление от знакомства было то ещё. Представь себе: час ночи, вскрывают дверь квартиры отмычкой, и вваливается с десятков молодых парней в бронекаках и с автоматами. А за ними входит эдакая пигалица и начинает объяснять, что им срочно нужно извлечь пулю. И что она всё приготовила и будет ассистировать.

– И вы? – Лиса представила себя на месте сидящего перед ней мужчины и подумала, что вот она бы гостей точно выгнала.

– Что я? Пришлось оперировать. Я всё-таки врач, а передо мной пациент. Тем более что ассистентка и правда попалась хорошая, зря ты, Леночка, скромничаешь. Если бы не твоя специальность, обязательно перетащил бы к себе в хирургическое. Потом пришлось ещё неделю терпеть раненого и вот её в качестве сиделки у себя дома. А результат... сейчас у моей мамы гостит.

После обеда все словно само собой переместились одну из комнат, Лена наконец-то начала спрашивать... вопросы опять были в основном о всяких отвлечённых вещах, и Шоннах снова растерялась. Андрей наоборот буквально расцвёл, напоминая большого ленивого барса после удачной охоты. Наконец, после очередного ответа прозвучал вердикт.

– Ладно, уговорил. Завтра зайдёте ко мне официально, и напишу я ей допуск в рейд.

Андрей разом превратился в подполковника Северина.

– Спасибо. Только ведь это не всё?

– Остальное, уж извини, не скажу. Этика Корпуса.

Шоннах недоумевающе посмотрела сначала на одного, потом на другого. Андрей пояснил:

– Психологи Корпуса могут вытащить из человека очень многое, вплоть до того, что ему хотелось бы скрыть. Но к ним всё равно ходят, ибо в Корпусе придерживаются очень

жёсткого свода правил. Одно из которых гласит: всё, что они случайно узнали во время проверки, не подлежит разглашению даже на исповеди. Ну, или её аналоге в других религиях.

– У нас есть нечто похожее, – понимающе кивнула девушка. – Сновидцы храма Кайны. Они тоже не имеют права под страхом кары богини рассказывать посторонним, что увидели в чужих снах.

Следующий день закрутил Шоннах в водоворот событий. Сначала визит за заключением, потом беготня с остальными бумагами, следом короткий курс по обращению с современным оружием и приборами – Лиса, конечно, солдатом была опытным, но попотеть с незнакомым снаряжением пришлось изрядно. Зазубрить справочники, где описывалось всё известное по поведению и свойствам предмета охоты. Перелопатить и подготовить местное магическое оборудование. Зато когда их отряд грузился в вертолёт, Стальная Лиса могла с гордостью сказать, что и здесь она стала одной из лучших. Уступала в обращении с автоматом и винтовкой разве что двум лейтенантам и, конечно, Северину. Но тут-то всё было понятно – военный опыт завтрашнего составлял больше, чем Стальная Лиса прожила на свете.

Дальше началась рутина. Их лагерь стал опорной базой на расстоянии нескольких дней пути от границы. Там, где кормились и набирали рост молодые особи. Разбившись на группы по десять-двенадцать человек в каждой, отсюда бойцы отправлялись на отстрел и уничтожение гнёзд и химер

до того, как те дорастут до заданных параметров и заложенная программа погонит их «очищать от посторонних людей территорию Ордена». Выскивать приходилось и обычными методами, и с помощью отслеживающих магию приборов – многие из созданий в «младшей» форме сочлились чародейством. Вот только фантазия на разнообразные сюрпризы для охотников у создателей оказалась богатая. Для этого в зачистке нужен был чародей: разбираться и подстраивать оборудование «по месту».

Кроме того, присутствие Шоннах высвобождало целых две группы. Многие твари имели способности к ментальной магии. Но разом два десятка тренированных и обвешанных защитой бойцов, которые постоянно сверяли свои ощущения и чьё медицинское состояние круглосуточно мониторилось через радиобраслеты компьютером, выходили мутантам не по зубам. С появлением же опытного боевого чародея всю эту толпу на базе запенили магом плюс один-два человека на подхвате: следить за оборудованием, пока Шоннах спит, установив защитный полог. Причём дежурным можно оставлять кого-нибудь из получивших травму, заодно подлечиться – в присутствии магического усиления многие лекарства действовали куда эффективнее.

«В поле» различия между рядовыми бойцами и командирами во многом стираются, перед ежедневной угрозой все равны... Но когда напарником-дежурным в начале июня стал Андрей, которого днём раньше неудачно цапнул псевдогор-

носта́й, Шонна́х несколько растерялась. И сама не поняла от чего. Ведь не из-за того же, что они дней на пять останутся только вдвоём, пока остальные уйдут в большой рейд? Однако почти сразу девушка себя обругала за то, что повела себя как сопливая, романтичная девчонка. Ведь майор Северин никогда не намекал, что относится к ней иначе, чем как бойцу. Но если бы и намекнул – они сейчас почти на войне, и она первая бы пресекла любые поползновения. Первый день прошёл самым обычным образом: с утра проводили группы, потом девушка легла спать, на закате приняла дежурство и пожелала напарнику спокойной ночи... И всё равно на душе отчего-то было неспокойно.

Ночь шла тихо, хотя обычно в темноте периметр проверяли на прочность каждые час-полтора. Около двенадцати стало ясно почему – в лагерь попытался забраться мантихор. Не найдя бреши в периметре, мантихор бросил чары кошмара – может, спящие от навеянного ужаса в панике бросят защищённый дом и поспешат напрямиком ему в пасть? Но Шоннах заметила угрозу вовремя, заклятие срикошетировало от подставленного щита, а сама зверюга получила пулю-метку. Когда вернутся остальные, по ней химеру выследят и убьют. Дальше опять затихло... Из палатки, где оставался Андрей, повеяло тревогой. Несколько мгновений девушка ещё думала, потом перевела тревожное оповещение на коммуникатор и поспешила к спящему.

Судя по всему, Андрея зацепило маломощным шупом на-

ведения заклęcia, который бодрствовавшая Лиса попросту не заметила, сосредоточившись на основном плетении. Тренированная воля удар сгладила, но вот какой-то сильный кошмар из подвалов памяти просочился. И теперь Андрей стонал, что-то неразборчиво выговаривая сквозь зубы. Можно просто разбудить, но тогда кошмар будет возвращаться вновь и вновь, пока не погаснет исходный толчок. И будет это длиться несколько дней, не меньше. Был и другой способ... Свои способности сновидицы Шоннах скрывала очень тщательно. Ведь узнай об этом хоть кто-то дома – её судьба будет предрешена. Как мама и старшая сестра она до конца жизни будет служить в назначенном ей храме Кайны, с запретом уезжать от него дальше, чем на полдня пути. Чтобы скрыть дар, Шоннах отказалась от родины, хотя расскажи она дома о своих талантах, посадить в тюрьму за «измену присяге и командиру» её не посмел бы даже всемогущий лорд Полоз.

Выдать себя сейчас?.. Андрей продолжал что-то быстро невнятно бормотать, и девушка начала себя уговаривать: нервное здоровье командира – это ещё и безопасность подчинённых. Она должна помочь... Глухо прозвучало отчаянное: «Не смей!» – и последние сомнения растворились. Девушка села у входа, а к лежащему мужчине потянулась тонкая ниточка Плетельщицы снов. Мгновение – и она оказалось «внутри». Теперь Лиса чувствовала, видела и знала всё, что в своём сне знал и ощущал спящий. Среди землян Шоннах познакомилась с понятием ада. В воспоминаниях Севе-

рина она увидела Ад живую...

Небо у горизонта вспыхнуло морем огня, роняя малиновые и багровые капли. Там, где яркие точки достигали земли, тут же вставали алые фонтаны. Но мало, слишком мало! Слишком хорошо опять сработали зенитчики врага, расстреляв бомбы у нижней границы стратосферы. Почти сразу сенсоры бронескафандра уловили след от управляемых бомб, падающих... Твою мать, совсем рядом, в район делового центра мегаполиса! Едва дошла термическая волна, рефлексy заставили упасть и прижаться, хотя итурмовой «Краб» – не привычный лёгкий «Скорпион». Ему игрища с температурой и радиацией нестрашны. Да и построено всё здесь на совесть. Стёкла давно повывбивало, зато стены развалит только прямое попадание. Внизу шлема побежали данные с тактического информатория штаба бригады.

– Твою мать!

Мало им непонятно откуда взявшегося зенитного-артиллерийского дивизиона, из-за которого они увязли в полосе обороны, так «с той стороны» подоспели три эскадрильи атмосферников. То-то они вместе с зенитчиками так лихо орбитальные итурмовики отжали, а потом ещё и отбомбились. Сенсоры моргнули тревожным сигналом, заставляя тело прервать начатое было движение, и снова вжаться в развороченный пластбетон мостовой. В правой части забрала замерцала полупрозрачная картинка с компьютера: полусфера высотой два метра. Кибер-танк, пока выезжал

из-за угла с обгорелого газона на бывшую автомагистраль, запоздал со сменой имитации на несколько миллисекунд, но «Крабу» этого хватило. Теперь скрыться не поможет и глубокая маскировка. Но бить надо наверняка, второго шанса не будет.

Полусфера двинулась по проспекту, через десять метров замерла. К невидимой вдалеке цели устремились несколько лучей, еле заметных даже совершенным сенсорам бронескафандра. Соприкоснувшись с плотным объектом, потенциальное нарушение законов континуума стало реальностью и породило вихор антипротонов. Стена одного из небоскрёбов потекла под яростным пламенем аннигиляции. Почти сразу на боку танка расцвели два ослепительно-белых цветка попаданий из плазмострела.

– Север, Север, это Крон, – зазвучало в наушниках. – Птица или Кот доползли за первую линию блокады. Бомбят уже район Сити. Сигнал должен дотянуться. Передай в штаб бригады. Мы вас больше не слышим. Нас прижали к периметру инженерного сектора. Не удержимся. Через десять минут взрываем реактор. Облако накроем локаторы на семьдесят секунд.

– Колька! Не смейте! Мы идём на помощь! Держитесь!

– Отсчёт пошёл. Шестьсот. Пятьсот девяносто девять...

Шоннах вынырнула из сна рывком, судорожно заглывая воздух, пытаясь прийти в себя. Рядом сидел Андрей.

– Там была ты? Спасибо. Мы с Колей вместе пришли в армию, вместе отслужили первый контракт, вместе ушли на гражданку. И вместе вернулись, когда началась Большая война. Мне... мне и правда надо было кому то показать... чтобы отпустило.

– Что... что это?

– Штурм Сарагосы. Бой за столицу, – в голосе прозвучала тоска. – План был изящен. Отряд спецназа захватывает центральный космодром, там высаживается штурмовой полк, а второй десантируется в пригороде. Противник зажат в клещи, оборона прорвана, мы получили удобную площадку для снабжения и высадки. Разведка проморгала, что рядом стоит зенитно-артиллерийский дивизион. Маскировавшиеся боты спецвойск не заметили. Зато основному десанту вломили так, что сбили разом четверть машин. Я неожиданно для себя стал старшим офицером, а ребята оказались одни против нескольких батальонов. Мы рвались на помощь, но...

– И...и как? – девушка наконец-то смогла подняться, но голова ещё гудела от увиденного.

– Думал, ты уже поняла. Пока радиоактивное облако заглушило локаторы зенитчиков, орбитальные штурмовики успели сплавить их позиции до стекла. А дальше мы захватили космодром, и началась высадка основного десанта с орбиты.

– Нет, – Шоннах замотала головой, досадуя на непонима-

ние. – Как же...

– А, ты про это, – усмехнулся Андрей. – Погибли, конечно. Тело Птицы мы нашли, парень погиб, но ретранслятор поставить сумел. Кот так и пропал без вести. А остальные удерживали реактор до самого взрыва...

Продолжения не последовало. Северин резко умолк. Встал и вышел из палатки, показав, что дальше на эту тему говорить не хочет.

Связь с его снами следовало бы оборвать сразу. Даже к пациентам каждый раз положено было прокладывать новую дорожку. Оставлять ниточку можно только к кому-то из близких, скажем, к любимому... Вот только они с Андреем друг другу никто. Но Шоннах не сумела себя заставить отказаться. Раз за разом прыгала в ледяную черноту орбитальных десантов, сражалась в полных жизни джунглях планет и в безмолвных пустынях лун, среди каменных небоскрёбов мегаполисов, среди изб и хижин первопоселенцев. Горела в подбитом штурмовом боте, замерзала в повреждённом скафандре. И с каждым днём, с каждым сном росло непонятное чувство... Благоговение?

А она-то во время знакомства гордилась перед ним своим опытом, своими военными успехами! Неудивительно, что Андрей смотрел на неё как на несмышлёную девчонку, которой от новика до настоящего ветерана ещё расти и расти. Не зря и сейчас смотрит на неё во многом по-другому, чем на остальных бойцов – в этом Шоннах была уверена. Когда

до конца рейда осталось меньше недели, Лиса наконец-то решила доказать, что и она чего-то стоит. Пусть в её жизни было не так много мужчин, служить столько лет в армии, быть на войне и не получить определённого опыта по части сильного пола невозможно. К тому же Шоннах повидала не так уж мало таких вот закалённых ветеранов, и хорошо представляла – чем можно заслужить их уважение. Догадалась, какую именно подругу будет ценить командир. Надо лишь показать, что она ничуть не слабее Андрея. А для этого...

Окрестности базы считались местом спокойным, их проверяли и зачищали перед каждым выходом. И когда Шоннах почувствовала не очень далеко свеженькое гнездо мечехвостов, решила, что шанс ей посылает сам рыжий покровитель удачи. Дальше всё получилось легко. Ближе к вечеру девушка заявила:

– Мне надо пройтись со сканером по окрестностям. Понять, то ли флуктуация, то ли на лагерь нацелилась организованная стая.

– Хорошо. Группа сопровождения будет готова через двадцать минут.

– Нет... Наверное, нет. Лишние люди дают помехи. Я потому и хочу отойти от лагеря на пару километров. Район в целом чист, вооружена. Пусть группа будут наготове, в случае нештатной ситуации пять-десять минут я успею продержаться что бы ни случилось.

Андрей о чём-то ненадолго задумался. Явно был не очень

согласен, но разумных аргументов «против» не нашёл.

– Хорошо.

Едва Шоннах подошла к нужному месту, сразу же активировала заранее раскиданные по округе плетения. Оборудование в лагере ничего не почувствует – не глупым железкам тягаться с настоящим мастером своего дела. Да и записи потом, если уж что-то проглянет, можно подделать. Дождь через несколько часов всё равно начнётся, но теперь «случайно» прольётся очень сильная гроза. Небо на глазах потемнело, его заволокли сизые тучи. Первые капли сначала робко упали на землю, пару минут спустя обрушились стеной воды. Девушка тут же связалась по рации.

– База. Это Лиса. Ручей отрезал обратную дорогу. Укрытие есть.

– Высылаю группу поддержки.

– Не стоит. Рискует нарваться на химеру. И через поток всё равно не перебраться. Я жду на небольшом острове. Вода не дойдёт, зверь не доберётся.

– Принято. С места не сдвигаться.

– Принято.

С мечехвостами было чуть сложнее, но Шоннах не зря выбрала именно такой способ задержаться. В дождь мечехвосты гораздо медлительнее, да и самый главный свой козырь – обоняние – теряют. Определённый риск, конечно, был, но её немалый опыт говорил, что риск минимален. Зато выигрыш обещал быть существенным. Отыскав гнездо, Шоннах созда-

ла над входом полог от воды и сунула внутрь норы газовую гранату. Дальше осталось только стрелять, когда очередная крыса размером с собаку высунет наружу ошалелую морду, да в конце отрезать плоские, острые как бритва ороговевшие кончики хвостов. Получился симпатичный браслетик.

К удивлению Шоннах, вышло совсем не так, как она рассчитывала. Она дождалась группы встречающих, а когда вернулась, как бы походя, упомянула, что заметила рядом гнездо. И занялась зачисткой – не пропадать же удачному времени. Показала браслет из хвостов... Лицо Андрея окаменело.

– Вот значит как. Я не буду спрашивать, зачем вам это понадобилось: из-за нехватки адреналина или достойного лишь подростка желания выпендриться перед коллегами. Но человек, способный ради удовлетворения собственного гонора поставить под удар интерес дела, а возможно и жизнь коллег, мне не нужен. С этого момента вы снимаетесь с должности мага отряда. Отзывать досрочно базу я не буду, тем более осталось всего четыре дня. Но с этого моменты вы, девушка, на положении гражданского лица. Сдать оружие и средства связи завскладу. Территорию лагеря покидать запрещаю. Кирсанов! Демченко!

– Есть! Есть!

– Поскольку в лагере гражданское лицо, а мы вдобавок лишились мага, ваши группы остаются в охране. Пункт четыре дробь шесть. Остальные – готовимся к последнему выходу с учётом изменившегося состава.

– Так точно!

База тут же наполнилась шумом собиравшихся в рейд людей, а Шоннах так и осталась стоять. Её обходили, словно неодушевлённый предмет. Ненадолго девушку соизволил «заметить» лишь завсклад, который менял статус доступа для её коммуникатора. Дальше она оказалась на положении мебели. Или груза, который нужно охранять, но при этом не обязательно хоть что-то к нему чувствовать. Хотя нет, одно чувство у солдат было: изредка на лицах проскальзывало «ну и дура»... Вот с этим Шоннах вынуждена была согласиться. Ведь из-за неё в базовом лагере вынуждено осталась половина бойцов, а, значит, риск и нагрузка на остальных выросли. Хотелось извиниться, объяснить – но ни до рейда, ни на обратной дороге Андрей с ней заговорить так и не соизволил. А из своих снов попросту выгнал, в этом она убедилась в первую же ночь, когда товарищи вернулись.

Едва отряд прибыл в город, девушка бросилась к Лене. У женщины был приёмный день в гражданской больнице, и формально записываться положено недели за две... Шоннах наглым образом растолкала всю очередь. Чего-то мямлившего пациента шарахнула заклатьем страха так, что мужичок схватил портфель и выскочил из кабинета словно ошпаренный. После чего рухнула в кресло и вдруг расплакалась.

– Лихо ты его, – удивлённо присвистнула Лена. – Чем это так?

– З-заклятием с-с-тр-раха. В-вызывает с-самый с-сильн-

ный ужас из того-то что боиш-ся.

– А... полезно. Знала бы – давно тебя попросила. Третий раз ко мне ходит. Может, теперь испугается по-настоящему и с ерундой меня отвлекать не будет. Ну да ладно. Судя по всему, у тебя проблема посерьёзнее. Рассказывай. Будем решать, как тебе помочь. Только перестань реветь сначала.

От ровного доброжелательного тона вместе с непоколебимой уверенностью в голосе Лены девушка успокоилась. После чего начала рассказывать. С самого начала, без утайки. Не только то, что делала, но и что при этом хотела и думала.

– Значит, поставил блок? Да, в самом деле серьёзно.

– Но как он мог меня почувствовать...

– Ты зря думаешь, что для нас твои способности уникальны. Эсперы с подобным талантом встречались и в будущем, плюс кое-какая техника-наследие цивилизации Предтеч. Способы обнаружения и защиты тоже разрабатывали, особенно для таких, как Андрей. Резко рвать ментальную связь штука очень неприятная, особенно в вашем случае – столько нитей успело образоваться. Всё очень просто, девочка. Ты ошиблась. Не солдата он в тебе видел. Если ты ещё в не курсе, это в зоне боевых действий Андрей у нас щеголяет погонами майора. В спецвойсках свой, особый счёт. По простой пехотной мерке его ранг давно соответствует примерно генерал-майору. А в мирное время он вообще заведует одним из факультетов Военной Академии.

Шоннах оторопело посмотрела на Лену, потеряв дар речи.

– Вот-вот. Терминаторов по жизни ему и без тебя хватает. Женщину он в тебе нашёл.

– Терми... кого?

– Не важно. А важно то, что я увидела ещё тогда, когда вы пришли к нам. Он готов был тебе довериться, хотел отдать себя. Пусть и не сразу это заметил сам. А ты повела себя как несмышлёный ребёнок, готовый ради того, чтобы дотянуться до конфет, расколошматить мамину вазу.

– И... что мне теперь де-е-елать?! – снова заревела Шоннах.

– Мириться. Как сумеешь. Подсказку дам: забудь, что ты солдат. И вспомни, что ты хорошенькая девушка. А теперь бегом, пока Андрей с горя куда-нибудь опять не попросился уехать. До утра я его задержу, прямо сейчас позвоню в отдел кадров и предупрежу о «нестабильности психики». Андрюха у нас парень упёртый и ушлый. К тому же возможности генерала нечета моим, сама понимаешь. Завтра же ломанётся на освидетельствование. И пройдёт успешно, им в училище много чего преподавали, ни один психолог ничего не отыщет. Но сегодняшней вечер и ночь у тебя есть.

Выбежав от Лены, девушка сразу же бросилась выбирать себе платье, туфли и всё остальное. Тщательно вспомнила советы по поводу сарафана, быстро просмотрела журналы мод, примеряя на себя. Чтобы не говорила Лена, Шоннах во многом солдат, и штурм должна подготовить так, чтобы крепость пала с первого натиска. Ближе к вечеру пове-

сила вокруг дома Андрея сигналки, села в кафе неподалёку ждать возвращения. Девушку охватила робость – до дрожи в зубах, до онемения в коленях. Как ей себя вести, что она будет делать? А Андрей всё не шёл. На часах минуло восемь, потом девять, начало смеркаться. Официанты принялись недовольно поглядывать на запоздалую посетительницу. Внезапно сработало дальнейшее из поисково-сигнальных заклятий: идёт! Шоннах тут же сорвалась с места, чуть не опрокинув стул, и побежала. Быстрее, ещё быстрее! Квартира Андрея на шестом этаже, и пока он едет на лифте, она должна успеть по лестнице! Шоннах чуть не опоздала. Андрей уже зашёл в прихожую и повернулся закрыть за собой дверь, когда в грудь ударило, словно пушечным снарядом, отбросив к стене и заставив глотать воздух. Когда дыхание вернулось, Андрей обнаружил, что стоит в коридоре и держит в объятиях плачущую Стальную Лису.

– Прости... прости. Я пришла извиняться. Я была не права. Я, наверное, дура круглая... – Шоннах попыталась сбросить сарафан, запуталась в молнии и непривычных бретельках, и совсем по-детски разрыдалась в голос, доверчиво прижимаясь к Андрею.

– Тихо, тихо, всё нормально, – Андрей начал гладить девушку по волосам и деликатно остановил попытки справиться с непослушным платьем. – Это мы с тобой всегда успеем. А на будущее, – он хитро улыбнулся, – я от привычных тебе оловянных солдатиков немножко отличаюсь. Пошли-ка мы

мириться на набережную. Погода хорошая? Вот и пошли.

После чего схватил Шоннах за руку и повёл за собой. Сначала, как и обещал, на набережную. Потом по ночному городу – гулять, есть мороженое и рассказывать смешные истории. И как-то само собой оказалось, что рассвет они встретили опять на набережной – только тихой и пустынной, в ранний час, когда не проснулись даже дворники. Девушка сотворила на траве небольшой полог вместо одеяла, после чего легла головой на колени к Андрею и принялась млеть от удовольствия, когда его рука в очередной раз скользила по волосам.

– Ох, лисонька ты моя лисонька...

– Шоннах. Так меня зовут на самом деле. А Лиса – это только прозвище.

– Нет уж. Самая ты у меня настоящая лиса-лисонька. Хитрая и рыжая. Только хвоста не хватает. Вот ответ мне на один вопрос. Ты выйдешь за меня замуж? Сразу скажу, это я уже давно решил. Эспер уж, прости, из тебя аховый. Твои сны, каюсь, тоже сумел подсмотреть по твоей же дорожке. Так выйдешь?

Шоннах попыталась сделать вид, что раздумывает над предложением, но тут же рассмеялась, серьёзное выражение с лица слетело, и она ответила:

– Согласна. Только...

– Не переживай, в церковь тебя не потащу. Меня это модное поветрие как-то минуло стороной, обойдёмся и обыч-

ным светским браком.

– Нет, я не о том. Выйду, но с условием: больше ты на границу и прочие опасные места по своему желанию мотаться не будешь. И здесь дело найдётся, а я не хочу сразу после свадьбы становиться вдовой.

– Договорились. Тем более что мне и самому уже стало поднадоедать. Вспомню, что когда-то из меня вышел неплохой повар². Обзаведёмся небольшим кафе, я на кухне, ты подносы разносить... Но условие в ответ – ты отрастишь нормальную причёску.

– Согласна! Будет тебе лисий хвост. А пока... пошли домой?

---

² Сборник «Кафе на Лесной улице»

Эпилог не ставший окончанием

Большой кусок леса, окружённый новостройками Верхнего города, на всех городских планах числился парком. Но всё равно оставался самым настоящим полудиким лесом, где лишь местные любители прогулок протоптали немногочисленные тропинки. В июле здесь стояла настоящая благодать. Деревья одеты в ярко-зелёное убранство, мягкая трава изумрудно стелется по земле. Днём воздух напоен запахом цветов и разогретой солнцем древесины. А если очутиться в лесу ранним утром, можно наблюдать, как на траву россыпью бриллиантов выпала свежая роса и тает под лучами рассвета.

Вторник – день рабочий, поэтому сегодня в лесу даже на окраинах было немногочленно. Мамы с колясками, несколько школьников. Стоило отшагать едва ли сотню метров вглубь, а высоткам скрыться за кронами, как ощущение города пропадало бесследно. Но и без людей в лесу кипела своя жизнь. По травинкам сновали букашки, в воздухе жужжали дикие лесные пчелы. По обломанному стволу трухлявого дерева деловито бежали рыжие муравьи. В глубине щебетали на разные голоса птицы. Некоторые самые нахальные подлетали к неторопливо идущим сквозь лес мужчине и девушке, привычно требуя крошек – пора горячая, пока тепло надо откормить прожорливых птенцов в гнёздах. Ничего не получив, обиженно ругались и ныряли обратно в переплетение

листвы и ветвей.

Андрей и Шоннах неторопливо пересекли лесочек насквозь, хотя для этого и понадобилось почти два часа. С другого края опять встретились с весёлой стайкой ребятни и опекавшими их бабушками и мамами. Опознав в Шоннах гвенья, вслед ей бросали заинтересованные взгляды. Дети Великого леса хорошо чувствовали живое, а заодно могли с помощью маготехники быстрее остальных делать проверку грунта и конструкций. Не просто так почти всех прошлогодних беженцев всосали в себя разнообразные структуры по городскому хозяйству и благоустройству. Возможно, у городской администрации, наконец, дошли руки и до парка в районе новостроек? Но тут мужчина девушку обнял и что-то ей зашептал на ухо. Интерес сразу пропал. Просто ещё одна гуляющая по лесу парочка.

– Ну, как тебе место для нашего будущего кафе? – полюбопытствовал Андрей.

– Хорошо. Только не ухоженно как-то. Вот если бы тут всё цивилизовать маленько... Поток отдыхающих.

Андрей чмокнул жену в ухо.

– Будет тебе парк. Раз место понравилось. Первого сентября вместе откроемся. Устроим себе бесплатную рекламу.

Шоннах посмотрела на мужа подозрительным взглядом. Демонстративно проверила у него лоб, потом покрутила пальцем у виска.

– Ты на солнышке не перегрелся слегка? Полтора месяца

осталось.

– Ну... Сам проект кафе готов. Я просто взял и уже заказал точную копию того же здания, что у меня было в прошлой жизни.

– Да тут без кафе непочатый край, – всплеснула руками Шоннах. – Ладно, с твоими связями с разрешающими бумагами проблем не будет. Но остальное?

Андрей хитро улыбнулся:

– Сама сказала: у меня связи. Между прочим, если помнишь – у нас на свадьбе сам Александр Рот сидел. Попрошу его по дружески, он организует звонок в мэрию посодействовать. Мол, быстро всё сделали, а не то...

Шоннах в ответ сердито посмотрела и хмуро наморщила лоб.

– Ты мне зубы не заговаривай. Звонок ему. Ты ещё взятку предложи дать. Чтобы ты или сенатор Рот так безобразно в своих корыстных интересах нарушили закон? Скорее боги сойдут на землю.

На этом Андрей расхохотался.

– Уже пообещал. Именно взятку. Твоими способностями. Посмотри на лес как маг.

Шоннах сразу переключилась на чародейское зрение. И охнула. Лес кипел разноцветными энергиями, переливался всеми цветами радуги, выбрасывал фонтаны эфира.

– Что здесь случилось? – оторопело поинтересовалась Шоннах. – Я такое видела только на родине грифонов. Тот

же уровень магического фона.

– Агенор здесь случился на пару с Мэргеном. И в компании с профессором Чарским. Три наших гения устроили полигон. Сравнивали школы, отрабатывали лобовые столкновения плетений, пробовали первые образцы совмещения магии и техники. С авариями и взрывами. В первый год здесь были глухие места. И планировалось, что ничего в эту сторону не будут строить ещё лет пятнадцать. Всё опасное для человека убрали, территорию с самого начала заполнили саженцами и создали цельную экосистему. Но из-за химер Ордена застройку на другом берегу реки пришлось пока ограничить.

Шоннах кивнула. Остальное она сообразила сама. Не зря лес стоит позаброшенный, да и вокруг него метров на триста полоса защитного пустыря-периметра с единичными асфальтовыми дорожками. Деревья и вообще растения хорошо сглаживали выбросы и не давали волнам эфира покинуть полигон. Сами при этом впитывали энергию как губка. За год могло сменяться целое поколение, будто бы естественным путём. Если и были какие-то постройки, давно уже разодраны и стёрты в порошок корнями и стволами. Но обратная сторона здешнего буйства – если для человека лес полностью безопасен, то техника и постройки в регулярно возникающих зонах завихрений и флуктуациях будут ломаться намного чаще. Если, конечно, не найдётся мага, который постоянно станет присматривать за территорией. И вовремя

разряжать опасные выбросы до того как они что-нибудь попортят.

– Согласна я, согласна. Особенно если, – Шоннах на мгновение запнулась от своего нахальства, – нам поставят стационарную пентаграмму из тех, что у нас были «в поле». И терминал для связи с центральным компьютером.

И жалобно посмотрела на мужа. Прелести свалить все простые, но объёмные черновые расчёты на машину, а фокусировку на фабричные приборы, она уже оценила. Но для личного пользования это выходило довольно дорого.

Андрей фыркнул:

– Всего лишь? Департамент благоустройства мне сразу намекнул, что готов потратиться куда больше. А то у них жилые районы новостроек уже пару лет как есть, а положенный рядом парк только на картах до сих пор. Мэрия всю плешь им проела. Ещё обрадуются, что так дешёво тебя уговорили.

– Тогда точно всё. Согласна, – Шоннах загорелась идеей. – Если будут инструменты – я уже прикинула, куда все эти всплески пушу, чтобы каждое утро с проверкой по лесу не бегать, – девушка в предвкушении потёрла руки. – У нас по магии есть сборник задачек теоретических. Там уйма интересных идей, по которым гоняют учеников, но которые никогда не реализуют на практике. Сложно, долго считать и подгонять «по месту». Причём корректировать надо постоянно, а каждую правку считать дня три-четыре. Не меньше. А тут я ка-а-ак свалю всё на компьютер... Заодно попробую

пентаграмму запрограммировать.

Тут Андрей поднёс палец к губам и негромко сказал:

– А вот с этим – т-с-с. Если получится, я потом сам тихонько результаты отдам Манусу. Извини, не хочу, чтобы только я со службы сбежал – как наоборот тебя в какой-нибудь секретный НИИ припахали.

– Договорились.

Первое сентября выдалось ветреным и потому прохладным. В выцветающем голубом небе неслись пузатые мохнатые облака, им вдогонку по земле ветер гнал первые несмело облетевшие жёлтые листья. Но ближе к парку ветер стихал, да и тучи будто обходили стороной. Солнце здесь светило ярко и грело жарко, по новеньким дорожкам во все стороны носились школьники, за ними торопливо шагали, стараясь не отставать, родители. На уличной сцене громко играла музыка, артисты что-то пели и отплясывали. Солидно вышагивали аниматоры, одетые в костюмы героев мультфильмов. С ними фотографировались... Когда один из мальчиков решил потрогать очередного Карлсона, тот вдруг оказался ненастоящим – рука прошла насквозь, а Карлсон выбросил во все стороны кучу искр и растворился в воздухе. Впрочем, через секунду он уже стоял в паре метров дальше и невозмутимо двинулся вперёд по дорожке. Все, кто это видел, растерянно хлопали глазами. До этого фантом ничем от остальных аниматоров не отличался, никто и не мог подумать, что часть актёров ненастоящая. Дети тут же кинулись бегать и прове-

рять: то сталкивались с очередной мягкой куклой и слышали насмешливое «ай-ай-ай», то Чебурашка или Золушка рассыпались листьями, звёздочками или птичками. Кутерьмы от этого стало ещё больше.

Но изюминкой парка и праздника стало, конечно же, новое кафе на окраине. Двухэтажное, в окружении высоких сосен. На стене гордо красовалась табличка «Лесная улица дом 1». Над зданием, привлекая внимание издали, висели плакаты, зовущие кушать мороженое. На площадке перед домом рыцари-фантомы устроили настоящий турнир. Очередной победитель выбирал себе из девочек-зрительниц даму и надевал ей на голову венок, который тут же разлетался весёлыми птичками. И конечно же приглашал зрителей кушать мороженое.

Но и без приглашения очередь выстроилась огромная. Сегодня просто так и в честь открытия пополам с Днём знаний Андрей раздавал всем желающим желейное мороженое. Полупрозрачный шарик размером со стандартную порцию можно было подержать в руках, он долго не таял. Но стоило его откусить, кусочек растекался во рту как самое настоящее мороженое, только вкус у него менялся от сливочного до какого-нибудь ягодного и обратно. Причём каждый новый откушенный кусочек – новый вкус. Кто-то из школьников попробовал стащить порцию без очереди, но вазочка превратилась в львиную голову, попробовала цапнуть за пальцы и наставительно сообщила:

– Между прочим, без разрешения брать нехорошо.

И тут же стала обратно обычной вазой с мороженым. Все засмеялись, а красный как рак торопыжка поспешил затеряться в толпе.

И дети, и взрослые ели десерт, временами зажмуриваясь от удовольствия. Особенно взрослые, потому что поваров среди завтрашних было мало, а любые пришельцы из будущего были нарасхват и в других областях помимо кулинарии. Подобным блюдом могли похвастаться лишь пара дорогих ресторанов. И неожиданно – кафе в новом парке...

Вечером, когда праздник закончился и все разошлись, Андрей готовил кафе к завтрашнему обычному дню. Один, так как Шоннах без сил сидела на стуле.

– Ещё несколько таких праздников, и, подозреваю, я вычерпаю здешний лес до дна.

– Всего несколько? – поддел Андрей. – Ты сиди, сиди. Бледная и напоминаешь выжатый лимон.

– Ну, не несколько, конечно, но на пару месяцев про осмотр территории можно не беспокоиться. Всё равно часто я так не смогу, и правда вымоталась.

– Это ты с непривычки.

Шоннах потянулась.

– А знаешь, я счастлива. Я шла в армию за свободой. Но только сейчас поняла...

– Что свобода – это созидать. А защищать созданную кем-то красоту – это не свобода, а необходимость.

– Да. Я понимаю, что наступит день, когда мы к этой необходимости вернёмся. Чтобы сохранить всё это, – девушка повела рукой вокруг, – всё то, что мы сейчас создаём. Но пусть этот миг настанет как можно позже.

Андрей обнял жену и шепнул ей на ухо:

– Сколько есть – всё наше.

Часть II. Королевства людей

Глава 1. Разведка

Дом, в котором жила свекровь Нэрсис, девушке всегда очень нравился. Одних только жилых помещений в нем было четыре: изба-зимовка, изба-лестница, вышка с резным балкончиком, горница боковая. А кроме них были ещё сени светлые с лестницей на крыльцо, да клеть, да рядом отдельный навес-пристрой в длину стены. А вокруг двор. Когда Мария Львовна после Катастрофы не осталась в городе преподавать в университете, а перебралась учительствовать в одну из сельских школ, обрадованные деревенские и построили ей этот дом. Не прогадали: новый директор за дело взялась железной рукой, а её ученики на олимпиадах смело боролись за призовые места. Пару раз даже привезли с соревнований именные приглашения на поступление в университет.

Каждый раз приезжая с мужем в отпуск, больше всего Нэрсис любила бродить по этому удивительному дому босиком, не спеша. Особенно когда никого будто бы и нет: Мария Львовна на работе, младшая дочка ещё в школе. А муж в отпуске предпочитал спать до обеда. Или наоборот вставал затемно на рассвете и уходил на рыбалку. Один, потому

что жене такое времяпровождение напоминало жизнь среди «Морских птиц». А эти месяцы она вспоминать не очень любила. Зато дом и мать мужа будили из глубин памяти картины детства, заставляли трепетать потаённые уголки души. Спокойствие, безопасность. И такая же мудрая, строгая хозяйка во главе – точь-в-точь как их домоправительница и экономка.

Шагая босыми ступнями по полу, ощущая кожей каждую шероховатость лакированных досок, Нэрсис неслышно подошла к большой семейной фотографии в рамке на стене. В прошлый визит её не было. Снято ещё до Катастрофы. В очередной раз спросила себя: интересно, а какой из себя отец Антона? Рассказы пусть даже самых близких людей всегда лишь тень человека. Но познакомиться с ним вживую никогда не удастся. Вместе со второй сестрой Антона он уехал из города незадолго до всех событий и остался на Земле. Но именно от него мужу достались соломенные волосы, худощавая фигура и неожиданно крепкие, сильные руки с тонкими пальцами. А вот карие озорные глаза и курносый нос вместе с пухловатыми губами у всех троих детей явно от мамы.

В сенях раздался скрип. Нэрсис повернулась, ожидая, что вернулся Антон. И встретила взглядом с его мамой. Та смотрела чуть насмешливо и немного грустно.

– Не ждала? – улыбнулась женщина. – Я специально ушла из школы пораньше. Обязательно надо попрощаться, перед тем как вы уедете. Втроём. Лия сегодня, как давно мечта-

да, после уроков заночует у подруги. А утром вы уже уедете. Нечего её мешать в наши дела... да и маленькая она для них. Ей нельзя знать, куда вы отправитесь на самом деле. Не северные же стойбища, в самом деле, осматривать?

Нэрсис удивлённо захлопала глазами. Даже о том, что они с мужем скоро уезжают, ни она, ни Антон особо не говорили. И уж тем более не могло быть речи, куда уезжают. За последние пару лет служба генерала Гальбы и их коллеги из нэрлих понемногу разворачивали сеть наблюдателей в Королевствах людей. Из тех, кого использовали «в тёмную», из тех, кто имел нужные склонности и захотел помочь новой Родине именно такой службой. Но донесения шли медленно – доверять рацию можно было далеко не всем. К тому же возникла и другая сложность. Уезжая, зачастую убегая, эти люди рвали все старые связи и не могли вернуться на прежнее место. А на новом их знакомства и возможности в силу не самого высокого статуса ограничивались лишь тем графством или городом, в котором они теперь жили.

Людей, способных внедриться в обеспеченную и влиятельную верхушку общества, где и горизонт шире, и информации больше, среди перебравшихся к землянам было – по пальцам пересчитать. И для них проблема узнавания и риск даже в другом королевстве встретить старого знакомого слишком велик. Исключением мог стать Балвин: город крупный, шумный торговый порт. Там каждую навигацию ищут счастья тысячи приезжих. В их биографии никто не копают-

ся, в происхождении не роется – всё решат деньги и торговая хватка. Нэрсис же там не знают: внешне она за последние годы сильно изменилась, отец давно объявил её погибшей. Антон и она станут пробой пера. Закрепиться, создать базу для внедрения следующих агентов. Ибо никого не удивит, что к удачливому купцу приедут родственники, появятся верные приказчики из земляков. Через него или его знакомых купцов будут клянчить у какого-нибудь аристократа рекомендательные письма разнообразных провинциалы. Но у себя дома они сотрудники одного чисто гражданского института, и никого не удивит, если молодые специалисты-этнографы на пару лет уедут в командировку в Великую Степь собирать материал для будущей диссертации.

Мария Львовна опять улыбнулась.

– Не переживай, девочка, – она вздохнула. – Я не рассказывала тебе, потому что надеялась до последнего: вас минует чаша сия. Ещё с Гражданской мой дед первый из рода пошёл защищать Родину туда, где винтовка бесполезна, зато любят бить в спину и сыпать яд тем, кто считает вас друзьями. Мой дед тоже. И мой отец, дед Антона, даром что как вы числился простым научным сотрудником одного провинциального НИИ... Его погоны и награды никто не увидел даже на похоронах. Да и мы с мужем. Нет смысла скрывать: всё осталось на Земле. Мы тоже служили во внешней разведке. Дети «там» ничего не подозревали. Когда Антоша поступил на этнографа и историка, я, было, обрадовалась. После Ка-

тастрофы отказалась работать по прежнему профилю, переехала сюда из города. Наша судьба почётна, только очень тяжела иногда. Но видно судьбу не изменить. Всё равно мой сын идёт по дороге, написанной нашему роду. Поэтому сегодня мы обязательно попросимся. Только мы трое. Те, кто знает.

Когда разведчики – Нэрсис, Антон, и двое подростков Алиса и Родион, изображавшие детей – уже садились в вертолёт, девушку вдруг начала бить дрожь. Ещё никто из бывших «клеймёных» не рисковал возвращаться обратно. Пусть и аналитики, и она сама были уверены, что Нэрсис не опознают и не схватят, страх никак не хотел уходить. На борту вертолёта, который должен будет перебросить их через Срединный хребет, доводы разума вдруг показались ничтожными. А ведь и до Балвина их ждёт немало проверок. Чтобы создать историю своего появления, их семье предстоит долгий кружной путь до конечной цели. И тут Нэрсис вспомнило слова матери Антона. И сразу же успокоилась. Род её мужа не одно поколение занимается разведкой, а это невозможно без покровительства богов. Значит, и им будет сопутствовать удача. Если, конечно, самим не оплошать: рыжий хитрец Эбрел лентяев, которые полагаются на один лишь счастливый случай, терпеть не может.

Успокоившись, Нэрсис выглянула в иллюминатор. Согласно плану, чтобы остаться незамеченными, по ту сторону хребта винтокрылые машины окажутся уже в сумерках.

И для этого стартовали днём. Вдалеке на западе синели в иллюзорной дымке несколько снежных шапок. Самые высокие пики хребта, но вертолёты обошли их далеко стороной. Зато зрелище остальных гор отсюда, сверху источало негу. Воздух был кристально прозрачен. Вот внизу промелькнула небольшая долинка, цветущая равнина, защищённая со всех сторон горами. Не очень высокими, но неприступными. Ближние горы были покрыты зеленью почти до самой вершины, холмы заросли цветущими кустарниками. Нэрсис даже будто ощутила гуляющий там лёгкий ветерок, слабый запах померанца и жасмина, смешанный с благовониями нарда и альпийского шиповника. Но вертолёт уже умчался вперёд, туда, где непроходимым бастионом высился следующий каменный пояс. Он явно поднимался выше полутора тысяч метров, растительность здесь уступила права осыпям и гранитным склонам. Солнце, скользившее по вершинам утёсов, золотило пейзаж каменного хаоса. В какой-то момент горы внизу начали сливаться в своём единообразии, и Нэрсис не заметила, как задремала.

Проснулась она на подлёте. Густые синие сумерки июньского вечера почти сменились призрачной чернотой ночи: момент, когда остаток дневного света не помогает, а наоборот мешает, обманывает. Заставляет верить, что ещё достаточно солнца, и не стоит напрягать глаза, чтобы разглядеть далёкие предметы. Вскоре винтокрылые машины нырнули к земле. Замерли. Сразу стало темно и тихо. В тишине слы-

шался каждый стук, каждый шорох. Нашёптывая неведомые тайны, робко шумел ветер в ветвях деревьев. Не суетились, попрятавшись в норах дневные звери, а ночные ещё не вышли по своим делам. Лес словно вымер.

Вертолёты торопливо разгрузили, перенесли тюки и ящики на соседнюю поляну. Потом машины сразу ушли на по-тайной аэродром – летняя ночь коротка. Четвёрка разведчиков осталась сама по себе. Родион и Алиса переглянулись: сейчас главными были они. Паренёк тихонько произнёс:

– Лучше я.

Девочка молча кивнула, и Родион растворился в темноте. Нэрсис заметила, как Антон непроизвольно поморщился. Нет, умом он тоже понимал – так и должно быть. Родион и Алиса были не просто лучшими учениками спецшколы. После Катастрофы осталось много сирот, и сенат решил использовать опыт будущего, а также то, как завтрашние тайно применяли этот опыт ещё на Земле. Не просто детские дома, где государство заменяет родителей. В каждом работали лучшие психологи Корпуса, тщательно определяя склонности и выискивая таланты. Лучшие из детей переходили учиться в особые школы, где их способности развивали. Тогда потом в жизни каждый выпускник добьётся ошеломительных успехов... особенно с поправкой на некоторые специальные умения. Алиса и Родион чуть ли не с детского сада жили мечтой о разведке и готовились. Оба умели драться, стрелять и многое другое на уровне отличных бойцов. Оба умели фор-

сировать скрытые резервы организма по технологии будущего, на какие-то секунды получая способность согнуть руками стальной прут. Случайно Нэрсис узнала вложенную в подготовку каждого такого разведчика сумму и не сомневалась, что ни одна копейка не пропала просто так. Та же Алиса при некоторой толике удачи могла бы вырезать хоть весь экипаж её бывшего пиратского брига. Но вот душой Антон то, что их охраняют дети тринадцати и десяти лет, так и не смог принять.

Долго терзаться ему не пришлось. Вскоре Родион вернулся.

– Здесь они. Рядом.

Антон как старший тут же принял решение.

– Мы двое встречаем, ведём сюда.

Идти оказалось и в самом деле недалеко. На небольшой полянке ждали стреноженные кони для всадников и для поклажи. У небольшого костерка, сложенного так, чтобы издали его не было заметно, ждали пятеро. Четверо вроде бы одинаковых парней. Взгляд Антона зацепился за пятого. Старик был очень худ и высок ростом, даже сидя возвышался над спутниками на целую голову. В отблесках огня жёлтая, как воск, кожа морщижилась на его высохшем лице. Выцветшие от старости глаза были тусклы. Какой-то убогий, порывший от времени полушубок покрывал иссушённое годами тело.

Антон и Родион вышли на свет. Один из парней было дёр-

нулся, но Антон уже приветствовал:

– Доброго вам утречка, люди хорошие. Соли не отсыплете?

Ничуть не удивившись, старик ответил:

– И вам не хворать. Хорошему человеку и соли, и мяса не жалко, – встал навстречу и пожал руку. Хоть и видел до этого Антона лишь на фотографии, тоже узнал. – Добре. Я тебя позже ждал.

– Удачно добрались.

И тут же сосед двинул другого парня, который машинально попытался рассмотреть лица под капюшоном и фигуру под балахонистым плащом. Заказчик опознал гостей, а излишнее любопытство вредит здоровью. Едва убедились, что это те, кого они ждут, контрабандисты начали деловитую суету. Затушили огонь, спрятали следы, распутали коней. Через десять минут все уже шли вслед за Антоном. Сноровисто помогли погрузить вещи, довели до тракта. Там получили деньги и пропали в ночном лесу. Если старик был агентом, то остальных использовали втёмную. Здесь, недалеко от гор, процветала нелегальная торговля. Парни были потомственными «специалистами по беспошлинной доставке». Одна группа помогла привезти товар до их района, оставила груз и сопровождающих, ушла. Следующие уже из местных помогли заказчику товара – старику – с «чистыми» лошадьми, довели до тракта в обход лесников и егерей местного барона. Дальше старик и сопровождающие выйдут на тракт и повезут товар легально. Таких группок в предгорьях

и на восток – тысячи. Вытрясти конкретную информацию из того или иного клана сложно, а уж проследить всю цепочку и вовсе невозможно. Никакая вражеская разведка не сумеет понять, что гости появились только здесь, их не передавали «из рук в руки» вместе с товаром. Да и видели контрабандисты лишь Антона, и то мельком. Остальные были в гриме, Нэрсис прикидывалась мужчиной, Алиса – карликом. Единственное слабее звено – агент, который договаривался о лошадях и найме помощников. Но старика эвакуируют сегодня, он вернётся в колонию вместе с вертолётками.

Утром агент пожал товарищам руки, тепло пожелал:
– Удачи вам.

И ушёл обратно в лес. Разведчики же поторопились выехать на тракт, пока он безлюден. Дорогой это назвать было сложно, скорее «направлением интенсивного движения». Разбитая грунтовка с глубокой колеёй от телег, сильно воняющая навозом – его, похоже, не убирали вообще. Но лошади могли идти спокойно и быстро. Когда стали попадаться другие путешественники и повозки, скорость оставалась достаточной.

К обеду они добрались до края графства. Даже без сторожей граница была видна чётко: после невидимой черты убитая грунтовка превращалась в гладкую, засыпанную щебнем небольшую насыпь и дорогу поверх. Причём строили всё грамотно, местами насыпь прорезала труба для оттока дождевой воды. Там, откуда земляне въехали, по обе стороны

дороги были вкопаны два кривых некрашенных столба. Рядом покосившаяся хижина, где сидели четверо стражников. Пятый стоял и устало собирал медяки дорожной пошлины за пересечение границы. Через десяток метров второй пост соседнего графа. Столбы с двух сторон дороги ровные и крашенные, домик аккуратный из кирпича. Стражей шестеро, причём досматривают сразу трое, а их товарищи отдыхают в тенёчке: и на помощь, если что, успеют, и наверняка через какое-то время поменяются с тройкой на дороге. Поэтому глядели стражники внимательным свежим взглядом. Не поленились просветить тюки амулетом для поиска запрещённых товаров. Проверили прицепленные сзади каждой лошади мешки, куда должен ссыпаться навоз.

– Такое ощущение, что мы из России никуда не уезжали, – хмыкнул Антон. – У нас там тоже можно было границу области или района по асфальту определять и по расхлябанности гаишников.

Стражник, было, прислушался, но ничего не понял: говорили на имперском койне и потому говорили свободно. В управлении решили, что общаться внутри семьи им всё равно придётся, но русский намного более распространён. Да и с нэрлих тоже общались на русском. Его могут и узнать. Разведчики обоими государственными языками владели одинаково, зато койн за пределами общины завтрашних был в основном языком техники и науки. Вне колонии его вообще изучали лишь шаманы и немногие степняки. К тому же, иг-

рали разведчики выходцев откуда-то с юга. А на южной половине континента, в отличие от севера, сохранилось немало языков кроме всеобщего – пусть и распространено каждое такое наречие было лишь в границах своего графства. Стражник, не пытаясь разобрать, сказал на общем:

– Пошлину.

Получил медяки и перенёс внимание на ехавшую следом телегу.

Постоялый двор, до которого они добрались уже почти в сумерках, был очень богатым. Трёхэтажная чисто каменная постройка с высоко приподнятой остроугольной черепичной кровлей. Окружена таким же солидным и крепким забором: без преувеличения настоящая крепость, способная выдержать нападение целой шайки разбойников. Над воротами висел знак гильдии трактирщиков. Нэрсис посоветовала:

– Подходящее заведение. Предлагаю остановиться здесь.

И посмотрела на мужа. Нэрсис опыта имела больше остальных... Но командир должен быть один. Так что и дальше она станет только предлагать, а решение оставаться за Антоном.

– Согласен.

Крепкие дубовые створки ворот были почти сплошь обиты железом. По светлому времени ещё не заперты, лишь притворены так, что между ними оставалась щель шириной в две ладони. Тяжёлая колотушка в виде головы быка висела возле них на цепи. Все спешили, глава семьи постучал,

ухватившись за рога.

– Кого там принесло?

– Постояльцы.

И не дожидаясь разрешения, вошёл. За ним, ведя коней в поводу, остальные. Внутри дом и подворье тоже производили впечатление. С десяток сараев, отдельная конюшня. Опо-ясывая верхнюю часть стены, тянутся по периметру под крышей лепные украшения. Под самым орнаментом расположился ряд окон третьего этажа. Расстояние между третьим и вторым этажами было значительно больше, чем расстояние между третьим этажом и началом кровли. Но если на втором этаже окна широкие, то внизу узкие щели. Дверь, ведущая в дом, напоминала ворота: в неё, наверное, мог свободно въехать нагруженный доверху воз. Тоже из дуба и обита железом.

Во дворе ковырялась пара работников. С любопытством посмотрели на приехавших, но навстречу пока не поспешили. Не заплатил – ещё не постоялец.

– Хозяин где?

– В трапезной смотри.

Антон кивнул детям – останетесь здесь с вещами. Старшие вошли в дом. В нос сразу ударили крепкие запахи жира, чесночной подливки и недавно испечённого хлеба. Стены комнаты были обшиты до самого потолка деревом, которое покрывала резьба и живопись: сплошь женщины, занимающиеся пряжей, шитьём, ткачеством. Так же поступили

и с потолками. Но если на стенах краску явно время от времени подновляли, то потолок не трогали с первого дня, всё облупилось и поблекло. Антон хмыкнул. Мотель для дальнобойщиков или средневековая гостиница для караванов и возчиков – разницы никакой. Если по земным меркам картины были абсолютно целомудренные, то для местных вполне могли поспорить с эротическими постерами и фотографиями полуголых девиц.

Хозяин обнаружился за стойкой. Толстый, лицо заплыло жиром, короткая чёрная небритая щетина делала его похожим на кабанчика. За спиной, насколько разглядел Антон, была лестница. Она наверняка вела сразу на третий этаж, где живёт хозяин и семья. Тогда вторая на другом конце зала – на гостевой этаж. Тяжёлые столы и лавки в зале заняты не все, комнаты точно должны быть

Нэрсис, которая прекрасно разбиралась в людях с первого взгляда, подала знак: попробует обмануть. Антон ответил условным жестом: понял.

– Эй, трактирщик. Мне и моей семье нужна комната. Хорошая. Ужин, и чтобы лошадей обиходили. Серебром плачу. По верхнему тарифу.

И показал серебряную монету.

Хозяин постоялого двора наверняка видел гостей ещё в окно, сейчас заодно пригляделся к одежде. И животные, и камзол постояльца хоть и носили следы дороги, но были явно не от отца доставшиеся. Значит, шил сразу для себя, де-

нег много. В глубине зрачка на мгновение мелькнул жадный блеск.

– Конечно, конечно. Эй, Кочерга, – гаркнул хозяин, и тут же со второго этажа спустился худой как жердь очень смуглый черноволосый парень из прислуги. – Слышал? Обиходь госте...

Договорить он не успел. Антон перегнулся через стойку и схватил хозяина за ворот рубахи, рванул на себя. Камзол при этом как бы случайно распахнулся, демонстрируя спрятанный под ним короткий клинок.

– И вот ещё что. Книга гильдейских тарифов где...

– Хр-р...хр-р. Она... это. В гильдии, новую привезти не успели ещё.

– Так вот. Так и быть, я про это не вспомню... скорее всего. Но как до города доберусь, проверю. Или если пропадёт чего... нет. Резать ни тебя, ни вора не буду. Не беспокойся. Денег на жалобу в гильдию мне хватит. Всё равно потом и насколько обсчитал сверх тарифа, и деньги за жалобу вернут.

Антон выпустил ворот. Трактирщик затрясся, потом рывкнул, срываясь, на слугу:

– Что замер? А ну бегом. Взял лошадей и на конюшню. И аккуратнее. Если хоть колечко оторвёте, когда седло снимать будете, языком по полу искать будете у меня. Шкуру до мяса спущу. Поняли?

Утром кони встретили вычищенные до блеска. Трактирщик получил монеты. Поморщился, но не только в присут-

ствии постояльцев поставил метку в особый магической книге – аналог кассы, которую потом проверят в гильдии и сборщик налогов, но и дал проверить вписанную сумму.

– Доброго вам пути, гости дорогие. Обратное поедете – заходите ещё.

Нэрсис чуть не прыснула от смеха: глаза так и говорили «век бы вас не видеть».

Уже на тракте Антон обернулся назад, посмотрел на забор и задумчиво поинтересовался:

– Думаешь, каждый вечер этот цирк устраивать придётся?

– Да нет, просто жлоб попался. Но лихо ты его. Думаю, остальные будут нормальные.

Нэрсис угадала. Следующие две недели пути на запад до их первой цели, портового города, где можно купить место на корабле, прошли на редкость спокойно и рутинно.

Хаэн, конечная точка южной части маршрута, городом был не только приморским, но и торговым. Потому достаточно состоятельным, чтобы построить серьёзные укрепления и с моря, и с суши. Двойная кирпичная стена из вертикальной внешней и слегка наклонной внутренней. Промежуток между стенами засыпан щебёнкой, залит известью и тщательно заговорён от магии. Сверху проходил дозорный путь, вымощенный каменными плитами и огороженный парапетом с бойницами. С внешней стороны возвышались башни, отстоящие друг от друга примерно на расстояние полёта стрелы. Город мог без особого труда отразить любую осаду. А ещё

каменный вал разделял собственно сам город и пригородные селения с огородами и виноградниками.

И всё же, стоило заплатить пошлину у ворот и оказаться внутри, как сразу становилось понятно: лучшие времена позади. Дома сплошь старые, не выше двух этажей, напоминают кособокие сараи из глиняного плохо обожжённого кирпича и покрыты неокрашенной черепицей. Даже на центральной улице от главных ворот до порта мостовая шербатая и из булыжника. Открытый жёлоб для стока канализации, из которого воняло. Улицы кажутся узкими, поскольку то тут, то там висят навесы, которые прикрывают импровизированные уличные лавки перед домами, скрывая от солнца грубо сколоченные деревянные столы с товаром. Нэрсис невольно поморщилась. В остальных местах уже лет двести-триста как улицы мостят плитами из искусственного камня.

Задерживаться и искать гостиницу не стали. Сразу проехали жилые кварталы в сторону моря. Порт – это ворота и душа любого морского города. В него ежедневно приходит огромное количество судов, там в любое время суток кипит жизнь. Это совершенно особый мир. Вот и здесь, чем ближе к порту, тем аккуратнее и новее становились дома, меньше нищих и больше прохожих, с каждым шагом всё сильнее ощущался аромат наживы.

Порт Хаэна родился в то же время, что и сам город. Удобная естественная гавань, расположенная на пляже между маленьким полуостровом, образованным горой и крепостью на

ней – она защищала вход, и устьем реки. Вода буквально кипела от десятков лодок, которые отчаливали от пирсов или возвращались с уловом. Над морем кружили стаи птиц, время от времени устраивая ссоры и драки за право рыться в кучках потрохов и выброшенной из сетей мелкой ненужной людям рыбёшки. Севернее, где швартовались океанские парусники, никакой рыбы или мусора не было. У причалов стоял десяток судов, к которым и от которых трудолюбивыми муравьями грузчики таскали ящики, бочки и мешки: кто-то разгружался, кто-то пополнял припасы.

В это время года все корабли из Хаэна плыли к гвенъя в Араглин. Но какой подойдёт? Поскольку в морском деле лучше всех разбиралась Нэрсис, судно для морского путешествия выбирала тоже она. Земляне медленно ехали, девушка же внимательно вглядывалась. Этот капитан блеск любит наводить, статуя на носу и верх корабля заново окрашены, но борта плохо просмолены. У другого вроде корабль неплох. Но команда слишком замордована. Наконец Нэрсис определилась и подала знак: вот этот сгодится. Антон сразу же спешился и встал около трапа.

– Эй, шкипер или хозяин где? – крикнул он.

Вскоре к трапу подошёл кряжистый мужик лет сорока, уже с проседью в волосах и бороде. В таком же как у матросов выцветшем от ветра и соли камзоле, но с серебряной серьгой в ухе и с медальоном шкипера на шее. С палубы на пирс он спрыгивать не стал.

– Я хозяин. И шкипер. Чего надо?

– Место хочу, до Араглина купить. На меня и семью.

Шкипер пристально оглядел Антона и остальных с головы до ног, потом спросил:

– Почему ко мне? Я дорого беру.

– Так мне в Араглин надо, а не к морскому богу на свидание. Утопленнику деньги не к чему.

– Льстец, – хмыкнул шкипер. – Только обратно не повезу. Места не будет.

Антон кивнул. Судя по верёвкам и цепям, которые готовились крепить даже на палубе, обратно корабль сверху до низу будет забит твёрдым шоколадом. Какао росло в Великом Лесу издавна, как и на юге континента. Но раньше местные знали только жидкий не очень сладкий напиток. Лорд Херебард купил у землян технологию приготовления твёрдого молочного шоколада и не прогадал: новомодный деликатес стал бешено популярен и дома, и в Королевствах.

– А нам обратно и не надо.

Шкипер задумчиво и оценивающе посмотрел, потерял бороду.

– Лошадей куда?

– Продадим.

– Тогда так. Если мне продадите, то сторгуемся.

Антон остался невозмутим, хотя мысленно посмеялся. Обязательно надует, но значения это не имело.

– Сторгуемся. На борт тогда прямо сейчас.

– Добро. Эй, Кальмар, – приказал шкипер, – дай этим парю ребят, пусть помогут вещи перетащить. Коней потом посмотришь, оценишь и сам знаешь куда.

Стоило попасть на борт, как в нос сразу полезли запахи смолы, жира, соли, пота. Матросы помогли донести вещи, за отдельную плату принесли обед из трактира. После чего пассажирам намекнули сидеть в своей каморке-каюте и не путаться под ногами. Погрузка шла быстрее, чем рассчитывали, и шкипер надеялся выйти с вечерним отливом.

На палубу пассажирам разрешили выбраться, только когда судно покинуло гавань и резво побежало вперёд, наполнив тугие паруса. Берег еле-еле угадывался тонкой прозрачной ниточкой на самой грани видимого. До темноты, судя по всему, оставалось совсем немного. Закат уже догорал, расчертив немногочисленные облака переливами от нежного бледно-персикового до пурпурного. Горизонт пылал радугой, если конечно бывает радуга, состоящая лишь из оттенков красного и синего, переходящих друг в друга огнём. Где-то сквозь радугу в дымке слитком червонного золота падало в океанские воды солнце, с противоположной стороны, будто став тоже водой, фиолетовым бархатом струилось почти-ночное небо, и снисходительно поглядывал месяц. Встречный ветер сдул запахи людей и корабля, остались лишь ароматы океана: водоросли, влага и йод.

Нэрсис и Антон переглянулись. У обоих на лицах были радость и усталость. У них получилось. Первый, самый труд-

ный этап они преодолели. Теперь они полностью «местные», особенно когда сойдут в Араглине и двинутся дальше к восточному побережью. Следующий шаг – Балвин.

Глава 2. Балвин

Порт Араглина впечатлил даже много повидавшую Нэр-сис. Внутренний залив так огромен, что в шторм для небольшого судна здесь, наверное, не менее опасно чем в самую яростную погоду в океане. Со стороны входа бухта напоминала подкову, у которой левый кончик образовывала гряда холмов, постепенно снижающаяся и уходящая под воду, а правая сторона была относительно ровной и заканчивалась высоким пальцем горы: гранитной отвесной стеной падала в море. Огражденные с внешних сторон каменными лентами древних стен, неровными рядами ползли к берегу плоскокрышие глинобитные домики-черепашки. Им навстречу сбегали вниз длинные узкие улицы, мощенные булыжником и брусчаткой. Мостовые обрывались в воду, дома скрывал как бы пунктир ещё одной преграды – поперечной стены.

К Араглину удачно подошли как раз на рассвете и с приливом. Тянуть корабль на буксире шлюпок, медленно пробираясь через бухту, шкипер не стал. Распустив часть парусов, шхуна помчалась вперёд, разгоняя бредущие к выходу в море судёнышки рыбаков. Вслед торопливо устремились ещё несколько судов: там тоже были или рискованные капитаны, или хорошо знавшие бухту и все мели в ней. Пока осторожные ждут на внешнем рейде, можно поторопиться и выбрать самый удобный из причалов. Так что вскоре борт осторожно

коснулся массивных каменных плит, ровно стесанных с наружной стороны и уложенных на насыпь из дроблёного камня и гальки.

Первыми сходили пассажиры. Причём оказалось, что на остальных судах пассажиров плыло много, так что земляне затерялись в толпе. Матросы спускали багаж. Дальше тащить самому – либо нанимать кого-то из многочисленных носильщиков-грузчиков, поспешивших к причалам. В самом конце набережной стояли таможенники. К ним по одному подходили те, кто сошёл с корабля – прежде чем тебя пустят в город, вещи дотошно проверяют и просветят магией. И только потом выдадут подорожную грамоту.

Неожиданно возникла заминка. Один из пассажиров начал возмущаться: оказывается, всё оружие будет опечатано особыми несъёмными магическими лентами до тех пор, пока люди находятся на территории страны. Иначе их не пустят за пределы Араглина.

– А если разбойники нападут? – не останавливался купец.

Таможенник снисходительно бросил:

– Тут не ваши королевства. У нас на главном торговом тракте разбойников не бывает.

Купец продолжил что-то бурчать под нос, но безропотно позволил заплести ленты вокруг рукояти так, что вынуть клинок стало невозможно. Нэрсис и Антон переглянулись, у обоих в глазах заиграли смешинки. Куда торгаш денется? Последние пару лет лорд Херебард неожиданно для всех стал

главой партии прогрессистов и принялся активно лезть в политику. При этом опирался на договоры с землянами и со Степью, а его противникам во главе с лордом Полозом оставалось скрипеть зубами. Сами же устроили так, что на уровне государств были сорваны и дипломатия, и любые договоры, никакой торговли... Раз отношения с землянами и нэрлих не регламентируются никак и ничем – лорд Херебард всё делает исключительно в частном порядке. Запретить же «королевской волей» не получилось, поскольку на заседаниях Палаты Великих лорд Херебард каждый раз добивался того, что пусть внешне и пусть формально, но председательствовать стал король. Получив хоть и небольшую, но реальную толику власти и намёк, что Рысь и дальше будет настаивать на праве короля власти «встать на равных с Великими», монарх поддерживал любое его начинание.

Консерваторы и ортодоксы скрипели зубами, выступали с гневными речами и в Палате Великих, и в Палате благородных... Но прямой торговый тракт с запада на восток по землям Херебарда, его союзников и короля отстроили всего за год. Отличные дороги, постоянные двory со сменами лошадей – пересев на тракторы, нэрлих охотно продавали лишние табуны. Недруги Херебарда злословили, что родовую казну молодой лорд растратит на глупые проекты быстрее кутилы-отца. И тех, кто ему доверился, тоже разорит... Злословили ровно до того дня, как по тракту пошли грузы. Оказалось, что нэрлих продолжили тракт через Степь до людей,

а уже там он пошёл через Келти – королевство очень большое, спокойное и выгоду от торговли почуявшее сразу. Вышел быстрый, надёжный и безопасный путь от юга до севера по морю и дальше с запада на восток через континент. По нему сразу хлынул поток товаров в обе стороны. Причём торговцы не только везли, но и продавали-покупали в том числе и внутри Великого Леса. И пусть затраты оказались велики, прибыли шли настолько фантастические, что обещали окупить дорогу за пару лет, а потом превратить её в курицу, несущую золотые яйца.

За городом ждала ещё одна придумка, которую лорд Херебард позаимствовал у землян. Омнибусный вокзал. Большая замощённая площадка, которая бурлила от приезжающих и отъезжающих. Величественно стояли двухэтажные кареты-омнибусы на три десятка пассажиров, запряжённые восьмёрками лошадей. Вышагивали дородные южане, чуть ли не за каждым семенил слуга с тюком вещей. Франтоватые гвенъя, увешанные украшениями. Торговые гости с восточного побережья, чьи камзолы даже на суше выдавали морской покррой и корабельных предков. Суровые одетые и летом в камзол с меховой оторочкой северяне с вечно-ледяного края континента. Словно весь мир собрался здесь. Рядом с площадью также располагались гостиницы, но они землянам были не нужны. Антон сразу купил билет, на крышу кареты упаковали багаж, и омнибус тронулся.

Продумано всё было и по дороге. Постоялые дворы, и где

они обедали, и куда добрались уже почти в сумерках ночевать, были построены по идентичному проекту. Очень напоминало самые хорошие гильдейские трактиры по дороге в Хаэн. Разве что без похабных картинок на стенах, чтобы не раздражать противников торгового тракта по пустякам. В остальном – типовая трехэтажная чисто каменная постройка с высоко приподнятой остроугольной черепичной кровлей. Окружена таким же солидным и крепким забором, хотя у гвенъя это было скорее данью привычке. Разбойники, как рассказал по дороге словоохотливый возница, отвядились ещё в первый год. Капитаны Зелёной стражи решили, что для наработки слаженности и спаянности возрождённых отрядов хорошо подходит охота на грабителей караванов. Зелёную стражу купить было невозможно, как и спрятаться от них в чаще. Пленных они тоже не брали, так что уцелели лишь те душегубы, которые сообразили первыми и успели сбежать подальше в первый месяц охоты. Тот же болтливый возчик похвалился и другой придумкой «умнейшего из всех Великих лордов». Каждый гостиный двор строили владельцы дороги, им же он и принадлежал. А потом здание и постройки брал в аренду оборотистый хозяин, который отвечал и за прислугу, и за порядок. И владел всем до тех пор, пока на него не было жалоб, и каждый месяц отстёгивал владельцам определённую сумму.

Ещё на первом дворе, стоило вылезти размять затёкшие ноги, Нэрсис стало понятно, что передовая для здешнего ми-

ра затея Херебарда с «франшизой» принесла ошеломляющие плоды. Все хозяева по всему континенту всегда заинтересованы, чтобы заведение приносило прибыль. Но мало кто сможет позволить себе обустроить всё и сразу, а потом сосредоточиться исключительно на сервисе. Здесь же плати – и багаж отнесут, и платье почистят, и сувениров продадут, и свежие сплетни перескажут. Заодно парочка служанок так и стреляют глазками с намёком на ночь. И можно не сомневаться, что состоятельных толстосумов, готовых заплатить втрое, чтобы дома хвастаться – им удалось затащить в постель настоящую гвенья, и не один раз – среди путников будет достаточно.

На омнибусах Великий Лес пересекли быстро. Уже на границе пристали к одному из торговых караванов, идущих дальше в Королевства через Степь: с ним удачно получалось добраться почти до самого Балвина. Единственным если так можно сказать недостатком была излишняя болтливость хозяина, который оказался рад чуть ли не с утра до вечера чесать языком с образованными и равными по положению спутниками... да его преклонение перед гвенья. По мнению торговца, дети Леса были первыми во всём, придумывали самые лучшие в мире идеи, а на всём остальном континенте только и могли, что повторять за ними. И постоянно ставил в пример степняков: на что нэрлих презирают соседей, а даже они подсмотрели идею с трактом да организацией постоянных дворов, а потом старательно всё за Великим Лесом повто-

рили... Нэрсис на этом обычно начинала давиться смехом, и Антону приходилось её постоянно одёргивать. В результате впечатление у купца от девушки осталось как от крайне невоспитанной особы.

Пользуясь тем, что всё внимание сосредоточенно на Антоне, Нэрсис смогла по дороге через Степь на одном из постоянных дворов встретиться с агентами земной разведки, которые передали оружие и кое-какую технику. Здесь было уже можно: всё тщательно замаскировано, а если будут вопросы – сослаться, что купили в Великом Лесу. Не просто так у гвенъя по всему миру репутация непревзойдённых изобретателей, которые постоянно придумывают необычные амулеты?

В последний день долгого пути, несмотря на охватившее всех лихорадочное возбуждение, заночевали на постоялом дворе недалеко от Балвина. В город въезжать лучше утром, чтобы не лихорадочно снимать на ночь первую попавшуюся комнату. Нэрсис встала задолго до рассвета: никак не могла унять нервную дрожь. И лишь когда заметила, что проснулся муж, хоть как-то смогла взять себя в руки.

Крупный торговый город рос настолько быстро, что стен давно не строил. Гордо заявлял, что лучшей охраной богатств является мужество своих сынов. И был прав: за последнее столетие охотники до наживы подступали к Балвину трижды, но каждый раз разбивались о мечи наёмников и городского ополчения пополам со спешенными экипажами.

Не просто так сюда стекались авантюристы и сорвиголовы половины континента: последнюю армию налётчиков раздели до нитки и чуть ли не поголовно захватили в рабство. Городской магистрат заодно добавил в свод законов правило: шайки грабителей на дорогах к городу объявляются беглыми рабами вне зависимости от статуса и сословия. Кто поймал – того и прибыль. В итоге окрестности Балвина стали местом очень безопасным, можно ничего не опасаясь выезжать ещё затемно.

Город начался как-то незаметно. Не поймёшь, где ещё предместья с огородами и виноградниками – а где в рассеянном свете подступающего рассвета угадываются очертания широкой улицы с лавками по обе стороны. В ранний час все они ещё закрыты тяжёлыми деревянными створками, утопленными в полу и укреплёнными прочными накладками. Над лавками – этажи с комнатками для сдачи внаём бедноте. Стоило въехать на улицу, как сразу возникло ощущение, что ты на дне глубокого каньона, над которым светят звезды. И никакого освещения, если не считать фонаря над указательным столбом, и журчащем под ним фонтанчиком с питьевой водой. Зато, в отличие от многих других городов никаких внутренних ворот, разделявших город на время от заката до рассвета на изолированные районы. Да и не спал этот огромный город никогда. Уже в этот ранний час гремели по булыжной мостовой железные обода повозок – хозяева торопились к открытию подвезти товар в лавки, слышались

чьи-то возгласы, ржание лошадей и рёв ослов, неперемнная ругань...

Нэрсис пришлось слегка придержать коня. Чуть ли не под копыта из проулка выскочил человек. Дохнул перегаром. То останавливаясь, то опять начиная движение, то шатаясь и прислонясь к стене, пьяный, бормоча невнятные слова и проклятия, брёл по улице. Отпрыгнув от всадников, он споткнулся о сверток на углу улицы. Сверток зашевелился и обругал в ответ. Нэрсис невольно отвела глаза в сторону: одно дело помнить про такие «особенности» Балвина – и другое столкнуться вживую. Один из множества городских бездомных, пытающийся хоть как-нибудь поспать. Рядом остальное семейство, со своим убогим скарбом: видимо их выгнал хозяин съёмной прежней комнатухи. Пользуясь тёплым временем года, они решили пока пожить на улице в поисках нового лучшего крова.

Вскоре пришлось спешиться. Если в трущобах на окраинах запрет ездить верхом был лишь формальностью, его не соблюдали – на всадника напасть труднее, чем на пешего, то ближе к центру и в приличных кварталах власти заботились о сохранности мостовых. Пропуск на езду верхом стоил дорого и был признаком статуса. Приехавшему искать удачи чужаку не по карману. Да и проталкиваться по улицам сквозь толпу, заполнившую всё вместе с солнечным светом, ведя коня в поводу, намного сподручнее.

Антон никак не мог отделаться от охватившего его ощу-

щения нереальности. Широкие улицы, которые должны воспрепятствовать распространению огня, большие расстояния между зданиями. А всего через пару кварталов – лабиринт темных закоулков, с беспорядочно громоздящимися доходными домами. Как если бы в одном городе объединили величественные прямые линии современного мегаполиса и убогие, извилистые улочки старинных ближневосточных городов с их базарами. Между домами развешано белье на верёвках, напоминая подвешенные к стенам гирлянды. И тут же из деревянной лоджии, выступающей над переулком, выглядывала женщина, чтобы спустить на веревке корзину. Внизу ждал торговец, явно давно знакомый: мужик вынул из корзины положенные монеты и наполнил корзину бобами из своего мешка. При этом покупатель и продавец непрерывно тараторили, обмениваясь шуточками и новостями.

Нэрсис уже бывала в Балвине: приезжала с родителями. Потому сейчас уверенно вела семью к нужной цели, не особо оглядываясь. Зато остальные крутили головами по сторонам не стесняясь. Никаких уличных торговцев с их столиками и кусками полотна с товаром, расположившихся прямо на улице. Самовольный захват общественной земли продавцами или попытка магазинчика «выползти» на тротуар карались огромными штрафами. Превращать свой город в подобие огромного базара никто из торговых акул континента не желал. По той же причине здесь не было и «цеховых кварталов», за исключением складов и верфей возле порта. За-

то повсюду разбросаны мастерские и разные лавки. Нередко жилые комнаты первого этажа особняков, где жили отнюдь не бедные семейства, отделялись от остального дома, строились многочисленные выходы на улицу и всё сдавали в аренду лавочникам и под ремесленные мастерские. Здесь такого никто не стыдился, наоборот, считалось вполне естественным и благопристойным, когда недвижимость приносила доход любым способом.

Наконец они вышли к конторе по найму. Антон не удержался и хмыкнул. Некоторые вещи не меняются от мира к миру. Заведение занимало целый этаж, и хозяева вывесили на стене большой плакат-надпись: «Поможем с купить или арендовать дом. Недорого». Рядом «парковка» – коновязь, которую бдительно охраняли несколько слуг. Антон и Нэрсис привязали коней, оставили рядом Родиона и Алису, сами вошли в ближайшую дверь. Внутри оказалась среднего размера комната. Светлая – хоть и узкие, солнца многочисленные оконца пропускали достаточно. За огромным столом из лакированного дерева сидел приказчик в шафраново-зелёном камзоле. Он мгновенно оценил одежду вошедших, остался доволен – клиенты денежные. Уважительно, но без подобострастия спросил:

- Что надо господину?
- Мена зовут Норгтгар. Арендовать дом. На год.
- У нас лучшие предложения во всём городе.
- Не сомневаюсь. Но для начала я хочу ознакомиться с

описанием и договором.

Работу поделили пополам. Сначала Антон смотрел «техническую» сторону. Помимо защиты, которую придётся перестраивать, и престижа на будущее, стоял вопрос связи. Пусть здешняя наука законы природы узнаёт беспорядочными кусками, пусть про связь молнии и магнита не догадывается, и, следовательно, про существование радиоволн и как их можно использовать не подозревает, рисковать нельзя. Из дома рация будет работать лишь в экстренном случае. Все остальные сеансы – с соблюдением предосторожностей из разных мест. Жильё должно располагаться так, чтобы Родион и Алиса могли его незамеченными покинуть и возвращаться. Дальше Нэрсис просматривала договор аренды.

Наконец нашёлся вариант, устроивший обоих. Антон сунил лист приказчику.

– Смотреть будете?

– Достаточно описания, – высокомерно бросил Антон.

И отсчитал нужную сумму. Роспись владельца уже стояла, как и отпечаток пальца. Антон поставил свои. Дальше земляне вернулись к коновязи. Подождать, пока управляющий заверит договор у нотариуса и мага и пришлёт сопровождающего с ключами, который заодно проводит до места.

Оказавшись на улице, Антон поинтересовался:

– Чего он на нас так странно смотрел? Дураки, не стали дом проверять?

Нэрсис хищно усмехнулась.

– Да нет, в описании всё хорошо написано. И пункт есть, по которому за любое несоответствие штраф полагается. С этим нормально, все торопятся. Аренда для такого хорошего дома очень дешёвая. Дураков ловить. Там в договоре есть интересный пункт, чтобы нас надуть. Только в эту игру можно и вдвоём играть. Через пару месяцев эти жадины у меня над своей же ловушкой горячими слезами рыдать будут, обещаю.

Дом оказался и в самом деле хорош. Двухэтажный, с отдельным защищённым подземным этажом – будущее хранилище ценностей. Вокруг удобный двор, часть которого отгородили устроить лавку. Обязанности сразу поделили. Женщины занялись обустройством систем защиты, а Родион вместе с Антоном торговали. Подводя итог первого месяца, Нэрсис как главный бухгалтер с удовлетворением выдала заключение:

– Хорошо начали. Очень хорошо.

Антон на это ехидно прокомментировал:

– Мечта любого торговца. Получать редкий товар даром и продавать потом за бешеные деньги. Тут прогореть сложно.

– Прогореть по дурости можно всегда, – отрезала Нэрсис. – А я специально считала двумя вариантами. Даже покупай мы всё по-настоящему – остались бы в прибыли, пусть и не такой большой. Ты разбираешься в деле, хорошо ладишь с людьми, – она чмокнула мужа в щёку. – Иначе мы бы с тобой не познакомились. Не спорю, настоящего купца из тебя

не выйдет, делового чутья нет. Но для этого у тебя есть я.

Антон и дети переглянулись, но отвечать не стали. Всё-таки, несмотря на бурную биографию и жизнь среди землян, Нэрсис осталась дочерью многих поколений торгового сословия.

А в начале осени, как и предсказывала Нэрсис, пришли хозяева особняка. Вытрясать деньги с дураков. Погода всю неделю не радовала: без конца тучи, дождь лился как из ведра, мостовая превратилась в сплошные лужи. Мокрые деревья начали торопливо желтеть, уныло приготовившись облетать и засыпать. С моря дул особенно промозглый, пробирающий до костей сыростью ветер. В такие дни покупателей почти не было – кто мог сидел дома, в обнимку с бокалом глинтвейна и нежась в тепле камина. Но два сегодняшних гостя не поленились притащить за собой десяток городской стражи, мага и нотариуса.

Антон встретил всех у ворот, стражу попросил оставаться на крыльце – под крышей, но на ветру. Он был в своём праве, любой на его месте поступил бы также. Поэтому неприязнь была направлена в первую очередь на арендодателей. Их-то вместе с магом и нотариусом обязательно пригласят внутрь.

В доме все расположились в гостиной. Антон налил вина, как принято в приличном обществе не заговорил сразу о цели визита, а принялся болтать о пустяках. Совсем ещё молодой чародей явно испытывал симпатию, особенно заглядываясь на красавицу-хозяйку. На лицо всё постоянно

прорывалось выражение «простите, ничего сделать не могу». Пожилой юрист наоборот наслаждался вином, оставаясь в остальном равнодушен. За годы он видел в Балвине разное, кто не успел и сплоховал – сам виноват, что сожрали. Арендодатели наоборот проявляли нетерпение, чем заслужили неодобрительный взгляд нотариуса. Антон мысленно пометил: первую мелкую победу он одержал уже на старте.

Наконец, когда приличия позволили, старший из арендодателей сообщил:

– Мы пришли уведомить об увеличении арендной платы.

Антон снисходительно осведомился:

– На сколько? И на каком основании? Согласно договору, вы получили всё за год вперёд.

Тут же последовал высокомерный ответ:

– Согласно пункту шестнадцать раздела второго арендная плата зависит от общего состояния дома. Мы хотим потребовать освидетельствования здания.

Во взгляде загорелся надменный и жадный огонёк. К общему удивлению Антон не стал сопротивляться. Равнодушно уточнил:

– Диплом мага и разрешающие документы нотариуса от магистрата.

Передал бумаги жене. Та их прочитала, кивком согласилась: всё верно.

– Тогда не могу возражать. Пойдёмте господа.

В глазах у нотариуса на мгновение мигнул интерес. Самый

опытный, он первым заподозрил – не всё так просто. Слишком уж спокойны Антон и Нэрсис. Хотя вроде бы за их же деньги – ведь ремонт и защиту они делали на собственные средства – их готовятся обмануть... Потому во время осмотра нотариус старательно фиксировал каждый новый амулет и чуть ли не каждый новый кирпич. Когда все вернулись обратно в гостиную, арендодатели переглянулись, и самый старший потребовал:

– На основании осмотра с учётом изменения рыночной стоимости арендная плата увеличивается вдвое. Желаете оплатить разницу сразу за год?

Ни Антон, ни Нэрсис не позволили себе тени улыбки. Хотя Нэрсис угадала даже сумму. Сразу раз в десять поднять нельзя, это противоречит ряду местных законов. А вот каждый месяц вдвое – это разрешённый максимум.

– За два месяца вперёд, – Антон выложил на стол монеты. – Пересчитайте.

Это был самый опасный момент, но жадность победила. Арендодатели взяли золото в руки, быстро проверили.

– Подпись, что всё уплачено.

Заинтересованный нотариус поставил свою закорючку первым, за ним маг. Арендодателям не оставалась ничего кроме как расписаться следом. А дальше раздался спокойный голос Антона:

– А теперь вас двоих, – он ткнул пальцем в невезучих мошенников, – прошу покинуть мою собственность. Пока я не

вызвал стражу.

И тут же заговорила Нэрсис.

– Вы, господа, плохо знаете законы. Да, закон от четвертого числа второго месяца года Высокой воды до сих пор действует. Но, получив деньги по пункту шестнадцать раздела второго договора об аренде, вы не только признали действие этой поправки, но и действие остального кодекса Багровой луны целиком. Не спорю, кодекс несколько устарел, хотя и действует до сих пор по взаимному согласию. Согласно разделу три статья восемь в случае, если арендодатель строения за свой счёт укрепляет его защиту, тем самым увеличивая обороноспособность на подступах к городу, то имеет право выкупа собственности. По расценкам магистрата, приложение два. Наш дом согласно кадастровым записям расположен на земле на расстоянии перестрела от городских стен с внешней стороны.

– К-каких стен?... – ошалело спросил один из мошенников.

– Обычных. Границы и назначение земель определяет Земельная палата при магистрате, – Нэрсис выложила на стол документ. – Вот вам выписка из кадастра, – на стол легли ещё два листа. – Вот заверенная в магистрате копия выписки из кодекса с отметкой, что закон ещё действует. Но, – медоточивый голос был полон ехидства, – дам вам бесплатный совет. Если вы считаете, что цена слишком мала, то имеете право подать просьбу в магистрат, чтобы он вам компенсировал разницу из городской казны.

Парень-маг не скрывая расхохотался. Нотариусу в силу возраста было неприлично, он ограничился улыбкой и восхищённым взглядом в сторону Нэрсис. Скорее небо рухнет на землю, чем магистрат выплатит хоть медную монету таким дурням.

– Я, кажется, уже сказал – вы двое вон из моего дома. А вас, – последовал вежливый кивок магу и нотариусу, – если позволяет время, приглашаю остаться. У нас ещё осталось вино, а на улице начался ливень. Прошу и приглашаю вас переждать непогоду в уюте моего дома.

Нотариус был опытной балвинской акулой, в Нэрсис увидел родственную душу и очень квалифицированного законника. «Посиделки» заодно стали попыткой прощупать почву – не собирается ли девушка влезть в юридический бизнес? Когда стало ясно, что на постоянной основе – нет, навесть мосты насчёт будущего сотрудничества. Всегда найдутся особо сложные дела, где может понадобиться помощь хорошего приглашённого со стороны эксперта.

Нотариус и маг ушли под вечер. Заперев за ними ворота и вернувшись в дом, Антон застал жену в раздумьях. Заметив мужа, Нэрсис вздохнула:

– Всё отлично. Жди письма от главы Ночной гильдии. И будем думать, что дешевле: откупиться или тратиться на защиту от воров.

Антон поморщился: вот к этому он так привыкнуть и не смог. За преступниками гоняется стража, пойманных граби-

телей вешают, фальшивомонетчиков варят в котле с кипятком и так далее – а хозяин всех организованных преступных сообществ города господин Турульф человек публичный, уважаемый. Расскажи земляне, как и почему у них дома воевали с Графом – здесь попросту не поймут. И сколько угодно можно себя убеждать, что такое положение дел легко объяснимо: многовековая статичность порождает строгие традиции и симбиоз множества организаций и гильдий, со строгими правилами и пирамидальной структурой. Горе тому, кто рискнёт действовать на свой страх и риск. Сообщества регламентируют всё – от выпечки хлеба до попрошайничества. Вот только, чтобы система работала без сбоев, в ней должны быть заинтересованы все стороны. Поэтому хозяева преступного мира и могли говорить о своих занятиях открыто, быть не менее уважаемыми людьми, чем богатейшие купцы... и держать криминал в стальных тисках допустимого. Любой дурак, который попробует грабить на улицах или воровать без разрешения от Гильдии, очень быстро окажется в тюрьме или на рудниках.

– Да ладно тебе. Прорвёмся.

Несмотря на беспокойство Нэрсис, следующий месяц вышел тихий. Возможно, потому что зима пришла неожиданно ранняя и суровая. Уже к середине второго месяца осени резко похолодало и завьюжило, закружил снегопад. И не мелкая лёгкая пороша – огромные холодные хлопья снега парили в воздухе, падали на лицо и руки, морозной вышивкой укра-

шали шапки и плащи. К вечернему часу, в котором Антон возвращался с переговоров в одном из банковских домов, намело целые сугробы. Но пока свежий снег лишь задорно поскрипывал под ногами. Идти в синих сумерках по ставшим чисто-белыми мостовым, вдыхать полной грудью морозную свежесть, особенно сладкую после душного помещения с натопленным камином, увязать в робких и нестрашных ещё сугробах стало настоящим наслаждением.

Когда в очередном проулке сумерки сгустились в две рослые тени, Антон почувствовал скорее недоумение. Для ночных грабителей ещё рано. Да и нападать вдвоём на трезвого и вооружённого мужика не со спины, а в лицо – полный идиотизм. Если и не отобьётся, серьёзно разбойников поранит.

– Не ошиблись? – с насмешкой поинтересовался Антон и стремительным движением выхватил клинок.

Заодно сбросил плащ с одного плеча, якобы приготовившись мгновенно бросить его в лицо нападающему... на самом деле прикрывая руку, сжавшую рукоять пистолета.

– Ты не борзел бы, – ответил дальний из грабителей. Сам при этом явно опасаясь. – Мы от Ржавого когтя. Плати, а то лавку спалим.

– Ну, вы и нахалы, – демонстративно удивился Антон. Заодно отметил: для простого недоумка, тупо грабившего на улицах кого попало без разрешения Гильдии, речь слишком чёткая и правильная. – Сразу и спалим. Я вам не босяк из Помойных районов.

– Не зарывайся, купчишка. А то Коготь сам к тебе придёт. На брюхе потом приползёшь... – дальше пошли самые богохульные ругательства, описывающие родство купчишки с экскрементами и тухлой рыбой.

Спустить такое оскорбление и прогнуться под требование «платить» означало потерять лицо. Антон дослушал тираду и холодно ответил:

– Всё сказал? А теперь передай Когтю. Сунется – прирежу. А ты, если не успеешь убраться и передать мои слова – ляжешь прямо здесь.

Напарник бросил на излишне говорливого разбойника злой взгляд: язык без костей не к месту. Всё испортил. Но драться не рискнул. Оба попятились, отошли шагов на десять и скрылись.

Дома Нэрсис выслушала рассказ и выдала заключение.

– Плохо. То есть ты поступил единственно верным способом, молодец. В остальном плохо. Я как раз на днях закончила собирать информацию, но не успела рассказать тебе. Этот Ржавый коготь – отморозок и беспредельщик. Воровского и гильдейского закона не соблюдает. Но умный, логово никак не найдут. Самим разобратся или стражу натравить у Турульфа не получается. Коготь этим пользуется, нагло крышует по принципу «или спалю» и понемногу отжимает данников у Гильдии.

Антон несколько секунд анализировал ситуацию. Далее приказал:

– Первый удар попробуют нанести по вам. На ближайшие дни, пока не разъяснится – мы выходим вдвоём с Родионом и при огнестрельном оружии. Алиса охраняет тебя. Вы вдвоём сидите дома, за двор ни ногой.

Позже Алиса признавала, что виновата она была сама и виновата только она. Три дня ничего не происходило. Девочка расслабилась, стала самоуверенной. Когда в дверь калитки постучали, Алиса выглянула в глазок. Незнакомый человек, один, на улице рядом – никого. Стоит достаточно далеко, чтобы подскочить и схватить. Если попытается ворваться во двор, Алиса успеет отпрыгнуть, с помощью потайной кнопки захлопнет дверь. А уж с единственным врагом как вооружённый профессионал она справится. Девочка, не сообщив Нэрсис, открыла дверь калитки, встав так, чтобы с улицы не получить арбалетный болт. Аркана Алиса не ждала. Умело брошенная петля охватила кисть, верёвку сильно дёрнули, буквально вытягивая девочку наружу. От рывка Алиса сильно приложилась лбом о косяк. На половину секунды потеряла ориентацию. Этого хватило, чтобы человек на улице сунул под нос чем-то пропитанную тряпку. Алиса потеряла сознание.

Очнулась Алиса в длинном тёмном помещении. Затхлый воздух слегка пах канализацией. Тело ныло от лежания на щербатом каменном полу. Первым делом обругав себя за глупость, девочка осмотрелась. Потом обругала уже похитителей – никакой мебели или самого заваливающегося ящика, ку-

да можно присесть. Сапожки с неё сняли, а стоять голыми ступнями на полу оказалось холодно. Быстро ощупала себя: повреждений никаких, кинжал забрали. Но раздевать не стали, и вшитый в платье радиомаяк работает. Самым разумным оставалось ждать, пока товарищи придут на выручку.

Бандиты решили иначе. За дверью послышался хохот и громкие голоса.

– Так это, атаман сказал её не того, не портить.

– Да для бабы это не порча. Счас настоящий хер попробует, ещё просить будет. Бабы – они все такие.

Дверь распахнулась, с факелом в руке вошли двое. Сунули факел в кольцо возле двери. Алиса мысленно возмутилась. Мало того, что пришли насиловать – так ещё и никакого уважения. Ну кто на такие дела ходит с оружием, причём в растёгнутых ножнах? Алиса быстро отступила к дальней стене, изображая испуг. Бандиты снова глумливо засмеялись. Потом один начал развязывать штаны, а второй, растопырив руки, пошёл вперёд:

– Иди к нам, цыпочка.

Алиса застыла, выжидая, пока враг подойдёт на нужное расстояние. Затем, оттолкнувшись от стены, она стремительно метнулась вперёд. Ткнула выставленную руку в нервный узел, выхватила кинжал. Полоснула ближнего насильника в глаза и шею. Второй успел что-то сообразить, но с развязанными и наполовину упавшими штанами шансов у него не было. Алиса метнула кинжал. Продолжая движение, перешаг-

нула через первое тело, подхватила выпавший у второго бандита нож. Хоть и была уверена, на всякий случай перерезала обоим горло. Затем тяжело вздохнула: отсиживаться теперь не было смысла и просто опасно...

Первый труп лицом в нечистотах и с двумя ножами в спине Антон и Родион встретили в подземном коридоре заброшенных катакомб в полусотне метров от логова. Второй – на пороге. А дальше шла большая комната, в которой горели все огни и светильники. Там валялись ещё двое убитых. В центре стоял стол, на котором сидела Алиса.

– Ур-ра, пришли! Ой, мамочки, – неожиданно взвизгнула девочка. – Тут крыса. Я их боюсь. Жирные, с голым хвостом. Я хотела навстречу пойти... Ой, мама, ну уберите вы её...

Родиона охватила нервная икота, а Антон мешком сполз вдоль стены на пол и чуть не выронил пистолет.

Глава 3. Весть из далёких стран

Тонкие пальцы гостя погладили отрез ткани, ощупали фактуру. Затем покупатель, не вставая с кресла, повернулся к окну и внимательно рассмотрел игру цвета на бледно-коричневых пятнах леопардового шёлка. После чего кусок ткани был аккуратно сложен и, к радости купца, отправился в стопку слева, где лежали отобранные образцы. Хозяин роскошного кабинета затаил дыхание, словно он в торговом деле не тридцать лет, и это его первый контракт. Сделка была ему нужна как воздух. Причём обязательно до того как Торговый совет Балвина узнает, что караван на Острова пряностей, в который входили две шхуны господина Сирика, погиб весь. И прежде чем Совет пересмотрит решение о вручении Сирику этим летом золотого пояса. К обычным своим покупателям обращаться с необычным предложением о продаже всего груза разом с пришедшего позавчера корабля Сирик не мог – поползут опасные слухи. А таких, как Нортгар, способных купить большую партию, но при этом тканями обычно не занимавшихся, в городе не так уж и много.

– Хорошо. Вы меня заинтересовали, уважаемый Сирик.

Разорвавший тишину бас заставил хозяина вздрогнуть: несмотря на давнее, больше года, знакомство, привыкнуть, что высокий и худощавый мужчина говорит таким низким голосом, купец так и не смог. Впрочем, заминка длилась

не больше нескольких мгновений, наступала вторая часть встречи, не менее важная. Разговор об условиях.

– Если основной товар соответствующего качества, – пальцы Антона слегка коснулись отобранных лоскутов южных шелков, атласов и паутинника, – я готов купить вот эти ткани.

– Контракт я подготовил, потому, чтобы вам не терять времени на поездку через весь город ещё раз, дорогой Нортгар ...

– Думаю, не стоит торопиться, уважаемый Сирик. По-настоящему серьёзные дела спешки не терпят. Если вы не против, вечером я ещё раз поразмыслю, и через пару дней пришлю вам проект контракта на утверждение.

– Как скажете, дорогой Нортгар. Если вам так удобнее.

– Вот и договорились. А сейчас, простите, мне пора. И да сопутствует вашему делу длань Эбрела.

– Всего доброго. И пусть ваш дом, дорогой Нортгар, не покидает ласка пресветлой Кайны.

Едва за гостем закрылась дверь, и заскрипели ступени лестницы на первый этаж, Сирик позволил себе шумно выдохнуть. С облегчением вытер лицо платком. Получилось! Сразу подписать контракт, конечно, не вышло – но на такую удачу опытный торгаш и не рассчитывал. Случай с Нортгаром, когда наследство переходило к сыну, хорошо разбирающемуся в делах и товарах, но торговой жилки не имеющему, был нередок. И способ исправить несправедливость бо-

гини судьбы Титании придуман был давно. Не зря в купеческом сословии хваткие и образованные девушки всегда в цене. Бывало, конечно, что мужья пытались вести дела и самостоятельно – но здесь, вздохнул Сирик, к сожалению не тот случай. С супругой Нортгар жил душа в душу, и каждый занимался своей частью семейного предприятия. Контракт будет выполнен так, что не найдётся ни единой щёлочки. Не зря к госпоже Нэрсис последнее время за консультациями обращаются и городской магистрат, и глава Торгового совета.

А ещё она такая красавица... Вспомнив праздник начала навигации месяц назад, Сирик вздохнул: вот ведь, одарили Нортгара боги. И дети вышли удачно. Старшенький в папеньку, хотя больше по морскому делу и оружию. Будет, скорее всего, караваны сам водить, а уж в жёны-то ему хоть сейчас готовы отдать подходящих дочерей многие. Пусть до двадцати одного, когда мужчине положено играть свадьбу, ещё шесть лет. Зато дочка – вся в маму, тоже повезёт кому-то. Не то, что собственные оболтусы, худо-бедно тащить семейное дело только и способные. Сирик несколько минут колебался. Всё-таки достал из шкафа бутылку с вином и плеснул в стакан не разбавляя: сегодня можно. Пусть удалось продать не весь товар, денег от сделки хватит поддержать репутацию состоятельного купца, который даже после серьёзных убытков сохраняет немалый свободный капитал. А с «золотым поясом» и его сыновья удержат дело...

Мысли вдруг снова вернулись к Нортгару. Ему бы такого наследника. Сын младшего партнёра в одной из мелких торговых компаний, наследство получил небольшое. Рискнул уехать далеко от дома в Балвин – и всего за два с небольшим года сколотил огромное состояние. Это в крупнейшем-то порту северной части континента, где своих торговых акул хватало. Нет, помогли, конечно, связи с кем-то из гвенъя и нэрлих, через которых он закупал редкие товары. Так на одних связях далеко не уедешь, хватка нужна железная и удача нешуточная. Да и знакомствами обзавестись полезными – тоже целое искусство. А ещё репутация, не зря слово Нортгара ценится не хуже векселя.

Среди торговых людей до сих пор ходила история, как в одном из банковских домов случайно уничтожили вексель малоизвестного тогда купца – и как через два месяца Нортгар пришёл и заплатил и долг, и все полагающиеся проценты до последнего медного се. И вторая: когда пообещал в ответ на угрозы семье от одной из шаек, решившей вытрясти процент сверх договорённого с Ночной Гильдией, что вырвет варнакам сердце – и через неделю всю банду нашли с перерезанным горлом. Да и третья, когда Нортгар дал денег одному мастеру, которому отказали в кредите все остальные – а через несколько месяцев по праву совладельца первым забрал и продал партию необычно больших и качественных зеркал. Узнать планы молодого купца мечтали многие, но пробиться сквозь амулеты и защиту дома не смог пока никто.

Если бы сейчас празднующий в обнимку с бутылкой купец сумел заглянуть в голову коллеги, то был бы изрядно удивлён: Антон тоже вспоминал стычку с бандой Ржавого Когтя. Стоило выйти из дома Сирика и пройти с полсотни шагов по улице, как словно из воздуха соткался нищий оборванец. Камзол линялого непонятного цвета, заплатка на заплате. На шароварах прорехи, обут в поношенные лапти, из которых лезет лыко и просится на помойку.

– Подайте бедняге, господин. И вас не обойдёт удача.

Антон внешне остался серьёзен, хотя в мыслях и расхохотался. Хоть тресни, но определённые традиции соблюдаются неукоснительно. Где находится дом господина Нортгара всем известно прекрасно, а «нищий» перед ним – второй секретарь главы Ночной гильдии. Человек обеспеченный, уважаемый, всегда одевается с иголки и по последней моде. Но именные приглашения секретарь всегда вручает обязательно на улице, и обязательно одетый в живописные лохмотья.

Пришлось дать в подставленную ладонь мелкую монету. «Попрошайка» поклонился и в ответ вручил золочёную карточку с приглашением на бал в честь дня рождения младшей дочери своего господина. В первый год по приезду Антон с помощью неизвестных тогда ещё в Балвине антибиотиков – зелья великого алхимика Нейлона – вылечил внуку господина Турульфу, которую для устрашения попытался проклясть и убить один из его конкурентов. С тех пор знаком-

ство переросло во что-то напоминающее дружбу, насколько это было допустимо для купца и главы преступного мира Балвина. По крайней мере, на свои балы господин Турульф приглашал Антона и Нэрсис не реже чем раз в месяц-два.

– Благодарю. И не обойдут милости богов и вас, добрый человек.

Секретарь исчез также незаметно, как и появился. Антон же вздохнул. О случае с Когтем он предпочёл бы забыть покрепче, господин же Турульф постоянно напоминал. Слова «знает, где торговать, а где и с кистенём пройтись» были в его устах высшей похвалой. Потому и сейчас картонку с именным магическим оттиском украшал орнамент нарисованных рыжим цветом когтистых лап.

Задумавшись, Антон незаметно для себя выбрал не короткую дорогу домой мимо ратушной площади, а круглой путь через порт. Можно было, конечно, вернуться, но после напряжённых переговоров захотелось освежиться, вдохнуть солёного морского воздуха, а не запахи камня пыльных стен и толкучку улиц, полных народа. К тому же приглашение господина Турульфа несколько выбило из колеи, а дальняя дорога поможет успокоиться. Тем более что порт и северная часть города места вполне приличные. Не южные кварталы, где сплошные лабиринты грязных переулков, а люди живут в доходных домах буквально друг у друга на голове.

У одного из перекрёстков пришлось недолго подождать, когда разойдётся охочая до зрелищ толпа: столкнулись две

телеги, возчики вцепились друг другу в бороды, а дети разных возрастов принялись шустро растаскивать рассыпавшийся по мостовой товар. Антон, глядя сначала на мужиков, потом на подоспевшего стражника и начавших уборку мусорщиков усмехнулся. Вот ещё одно отличие от привычных стереотипов. Когда до Катастрофы они собирались компанией студентов, и любители правдоподобия говорили о всякого рода фентэзи, то сразу же вспоминали земное европейское средневековье. Место, где вот уже несколько лет живёт Антон, вполне похоже на книжки, которые они читали и обсуждали тогда. Правда ни грязи, ни отбросов на улице нет и в помине, та же древность культуры сказывается. Туалеты догадались ставить везде, разве что строить удобства приходилось на улице. Да и мостовые просто блестят: мусорщик профессия здесь не самая тяжёлая и весьма выгодная. А уж про всяких насекомых и говорить не приходится, нужное снадобье в любой магической лавке стоит гроши. Красота и благодать – если не заглядывать в трущобы, которых в любом местном городе всегда не меньше половины.

Порт встретил криками чаек, запахами водорослей и йода, шумом и деловой суетой причалов. Гавань Балвина считалась самой удобной на изрядном куске океанского побережья – огромную чашу защищали от ураганов покрытые лесом отлогие холмы, от океанских штормов прикрывала широкая коса. Эта же коса вместе с многочисленными мелями и рифами в западной части бухты позволяла легко оборонять-

ся от морских набегов.

Сейчас, в разгар навигации, водная гладь напоминала бурлящий суп. Антон залюбовался несколькими большими океанскими судами, которые только-только протиснулись через извилистый фарватер, отогнали тянущие их баркасы и выпустили часть белых громад парусов, чтобы величественно подойти к пирсам и встать на заслуженный отдых раньше, чем начнётся отлив. Закрывавшее солнце облачко отбежало, в лицо ударил яркий свет, заставляя прищуриться, превращая порт и корабли в сказочную картинку. Антон прикрыл ладонью глаза и улыбнулся волнам начинающегося отлива. Именно рассказам о Балвинской гавани он обязан знакомству со своей будущей женой. Приехав сюда, ходил любоваться портом и бухтой и в зимние шторма, когда свинцовые волны с шумом накатывали на берег, и в летние штили, когда бирюзовая вода казалась вылитым в чашу гавани расплавленным таинственным стеклом.

С ближней отмели раздались детские крики, кто-то с кем-то ругался и спорил... очарование было разрушено. На обнажившийся с отливом участок дна одна за другой высыпали ватаги ребятишек. Неотличимые издалека мальчишки и девочки, закатав штаны по колено, торопились на свой кусок побережья – пока его под шумок не захватили чужаки. Бегом забирались в ещё холодную от моря грязь, чтобы собрать мусор, который оставляла уходящая вода: угольки, обрывки веревок, обломки досок, кости и медные гвозди, ржавые но-

жи и молотки. Постоянно вспыхивали стычки, иногда драки – если что-то особо ценное лежало на границе территорий или кто-то втихаря пытался пробраться к соседям. Недалеко от того места, где стоял землянин, раздался вскрик, один из детей пропорол ногу то ли ракушкой, то ли ржавым обломком. Кто-то из приятелей помог добраться до твёрдой земли, перевязать рану грязным куском ткани. Через несколько минут оба уже торопились обратно. Время отлива коротко, не успеешь собрать достаточно – нечего будет продать старьёвщикам, не будет угольков и обломков, которые можно унести домой для растопки.

Антон невольно сжал зубы... вот про такое, когда они спорили о выдуманных волшебных мирах, никто и никогда не думал. А ведь этим детишкам, которые вынуждены ползать по ледяной грязи и летом, и зимой, каждый день рискуя простудиться и умереть – на лекарства денег никогда не будет – завидуют многие из тех, кто живёт в южной части города. Порт всегда хоть что-то, но оставляет на берегу. К тому же летом можно собирать ракушки, ловить не успевшую уплыть с отливом рыбу. И не придётся по два-три дня подряд ложиться спать на пустой желудок. И, значит, выживет каждый второй, а не каждый третий. Самое противное, что медицина тут на хорошем уровне. Даже не-маги спокойно живут до преклонного возраста, избежав многих старческих болезней. Пока есть деньги, ты и в пятьдесят будешь не сильно отличаться от себя-двадцатипятилетнего...

У «жаворонков из грязи» столько золота не будет никогда. Когда вырастут, их удел – работать от зари до зари, чтобы обеспечить себя и детей хоть каким-то пропитанием, а в пятьдесят умереть полными развалинами. И сделать ничего нельзя. Он лишь наблюдатель. Может потом, когда рухнут законы Синклита, те, кто придёт следом, смогут что-то изменить... Вот только для многих из ребятишек, которые сейчас копаются в принесённом океаном мусоре, будет уже поздно. С этими мыслями Антон заторопился домой. Настроение было испорчено.

Особняк встретил тишиной. Родион, судя по отсутствовавшей шпаге, опять ушёл драться на дуэли. Пятнадцатилетние парни меряются здесь оружием и умением махать клинком совсем как на Земле в этом же возрасте принято хвалиться новым сотовым телефоном или достигнутым рейтингом в компьютерной игре. Вот и приходилось время от времени доказывать свой статус. Алиса спала у себя в комнате, сегодня была её очередь выходить на связь, и встала она ни свет ни заря. Желудок Антон обнаружил в библиотеке. И занималась девушка, судя по стопке книг на столе, сравнением торговых сводов королевства Келти и городов океанского побережья. Антон от увиденного напрягся: Нэрсис таким способом обычно успокаивала нервы. Когда украли Алису, тоже ждала мужчин тоже в библиотеке, обложившись книгами и свитками.

Услышав, как открылась дверь, Нэрсис подняла голову,

заметила мужа и рассеянно произнесла:

– Как всё прошло?

– Удачно. Можно заключать контракт... что случилось?

– М... тут до меня новости дошли. Об отце. Помнишь его?

Антон нахмурился: ещё как этого поганца помнит. До сих пор хочется удавить своими руками. Они с Нэрсис оба как раз начали работать в департаменте стратегических исследований, и совсем недавно стали встречаться, когда выяснилось, почему отец не заплатил за неё деньги пиратам. Планировал купить дворянство для старшего сына, а расходы на спасение дочери «не вписались в бюджет». У девушки случился нервный срыв, а Антон, рискуя вылететь из департамента, вытребовал отпуск и уехал на месяц вместе с Нэрсис к своей маме. Но своего тестя с того дня Антон возненавидел до глубины души. И что за новость пришла теперь?

Антон стремительно пересёк комнату, обнял жену и начал гладить её волосы и целовать.

От ласки, особенно когда губы теребили шею, девушка заурчала, как довольная кошка и шутливо начала сопротивляться:

– Ну, хватит, Анто-он, хва... мр... хватит. Ты бородой щекочешься, ну почему в здешних краях бриться принято только магам... мр... хватит. Да не нервничаю я. Просто, – Нэрсис вздохнула, – я узнала, что отец недавно утонул. И вот поняла, что меня это почему-то ни капельки не волнует. М... ну Анто-о-он.

– Ну их, эти дела и новости. Пошли, устроим себе день отдыха?..

– Не выйдет, – с сожалением в голосе ответила девушка. – Тебе сегодня надо обязательно сходить на Солёный рынок. Не знаю точно, но прошёл слух, что кто-то из купцов привёз совсем необычный товар и выставит его сегодня. И я полагаю, что результат сегодняшних торгов заинтересует Центр.

Антон вздохнул: в чём-чём, а во всякого рода прогнозах Нэрсис ещё никогда не ошибалась. Но именно Солёный рынок... Приморские страны, в отличие от большинства государств северной половины континента, владеть людьми разрешали. Антон к этой стороне здешней жизни относился очень неприязненно, и торговлю живым товаром всегда старался обходить стороной. Сегодня же торчать в отвратительном месте придётся до самого закрытия. Кто знает, во сколько выставят нужных невольников? А работал Солёный рынок с пяти часов вечера и до полуночи, пока по здешним верованиям богиня Титания отворачивала свой взор от мира и позволяла лепить судьбы других людей руками смертных.

– Да, захвати с собой Алису. Ночью Солёный рынок то ещё место. Стража там, конечно, приглядывает, но с ней мне за тебя будет спокойнее.

Антон чуть замаялся. Нет, в Алисе он не сомневался ни на минуту... за годы в Балвине так и не удалось окончательно привыкнуть к тому, что его охраняет девчонка неполных четырнадцати лет – а не наоборот. И что та же Алиса чуть ли

не голыми руками может прикончить с десятков разбойников. Жена истолковала сомнения по-своему.

– Да не беспокойся ты за меня. Я никуда не собираюсь, а дом у нас настоящая крепость. И за Родиона не переживай, знаю я уровень местных фехтовальщиков. А Родион сам выбирал из предложенных моделей поведения именно такую. Да и готовили его мастера здешним не чета. Две схватки он выиграет, третью аккуратно проиграет или сведёт вничью. Потом, как положено, быстренько в знак примирения напоит соперников в подходящей таверне до деревянного состояния, и, глядишь, ещё раньше вас домой вернётся.

Антон в ответ мысленно махнул рукой: иногда Нэрсис из-за бурной биографии некоторых вещей просто не понимала. К тому же, её рассуждения всегда до ужаса логичны, потому объяснять свои сомнения бесполезно. Проще согласиться.

На рабском рынке и Антон, и Алиса оказались впервые, так что осматривались по сторонам не стесняясь. Изрядный кусок земли рядом с портом отделял высокий кирпичный забор, не меньше чем в два человеческих роста, над которым через равные промежутки висели ярко освещающие территорию шары. Покупатели заходили через парадные ворота, чьи украшенные изысканными орнаментами створки раскрывались за час до начала первых торгов и закрывались за последним посетителем.

На рынок нередко заглядывали богатые люди, которые были в состоянии купить себе разрешение на проезд по го-

родским мостовым верхом. Стоило пересечь линию ворот и спешиться, как немедленно подбежали слуги – причём из свободных – подхватили поводья и забрали коней. Сразу за входом располагались палатки с прохладительными напитками, разнообразными закусками... Антон сморщился и резко отогнал подбежавшего было к Алисе лоточника со здешним аналогом лимонада. Ощущение, словно пришли на спортивный матч или концерт. Сувениров разве что не хватает. Парень в ответ угодливо склонился и заторопился к следующему клиенту. Ошейник выдавал в нём раба, и если он не сумеет всучить за вечер весь товар с лотка, рискует оказаться очередным лотом на продажу. Впрочем, если кто-то из прислуги станет надоедать посетителям слишком сильно, его ждёт та же судьба – потому остальные настроение Антона оценили. Больше ни к нему, ни к Алисе никто не приставал.

За палатками начинался сам рынок. В центре – большой круглый подиум. Туда и будут выводить товар из расположенных у противоположной от входа стены барачков. Перед подиумом раскинулась широкая площадка, на которой уже толпились покупатели. Антон и Алиса подошли в числе последних, и оказались в заднем ряду. Но недолго – их почти сразу заметил распорядитель и поспешил проводить уважаемого купца на лучшее место. Узнали Антона и соседи, вокруг пошли понимающие улыбки: отец поддался на уговоры дочери и наконец-то решил купить ей живую куклу. Наверняка, перед подружками стыдно – остальным, у кого роди-

тели могли позволить, первую обычно покупали годам к десяти, в четырнадцать у некоторых было уже по три-четыре игрушки. А своей девочке господин Нортгар до сих пор не удосужился подарить ни одну.

Они успели вовремя. Через несколько минут свет шаров на стенах потускнел. Вокруг подиума, наоборот, на шестах вспыхнули яркие огни. Над сценой чуть заметно замерцал купол специального полога: он позволит поддержать внутри комнатную температуру хоть в дождь, хоть зимой, и продемонстрировать товар во всей красе. Сразу же зазвучал голос распорядителя:

– Лот первый! Десять каменщиков, состояние здоровья хорошее, возраст от двадцати пяти до тридцати пяти лет!

На подиум вывели понурых мужчин в одних набедренных повязках, а маг тут же создал наверху увеличенное изображение товара, чтобы могли рассмотреть задние ряды. Торги начались.

Время тянулось неторопливо. До закрытия оставался всего час, а ничего «интересного» так и не прозвучало. Но вот распорядитель объявил очередной лот:

– Две дикарки с экваториальных островов.

Сразу же в центр подиума вытолкали двух девушек в плащах-балахонах до горла, маг создал увеличенные слепки лиц... Алиса с силой сжала руку «отца», а Антон резко выдохнул: первой была блондинка с изумрудно-зелёными глазами, редкое для Королевств сочетание, а вторая – самая на-

стоящая негритянка. Но негров в этом мире не было вообще! Тем временем распорядитель продолжал.

– Возраст двадцать лет. Обе ещё не знали мужчины, но хорошо выдрессированы, – по неслышной команде помощник сорвал плащи. Девушки, было, дёрнулись прикрыть наготу, но, наткнувшись на грозный взгляд надсмотрщика, опустили руки. Блондинка залилась бессильным румянцем стыда. – Стартовая цена лота, – продолжал греметь голос, – сто тридцать золотых фаренов.

Толпа зашумела. Цена была высока. Девственница пятнадцати лет не стоила и пятидесяти золотых, а эти куда старше. Но можно было не сомневаться, что диковинка уйдёт легко. Купцы не обманули, сразу же посыпались предложения.

– Сто сорок!

– Сто шестьдесят!

– Сто шестьдесят пять!

Разгорячённые покупатели с азартом набавляли цену. Алиса бросила взгляд на девушек, у которых с каждым выкриком на лицах всё больше и больше проступало отчаяние, потом на Антона – тот молчал. А сумма всё росла.

– Двести семьдесят!

– Двести семьдесят раз! Двести семьдесят...

– Семьсот, – словно гром посреди ясного неба прозвучал спокойный голос Антона. – Полными комплектами зелья Нейлона по ценам гильдии аптекарей.

Гул разом прекратился, толпа ошеломлённо замерла, а

распорядитель торопливо закричал:

– Семьсот раз, семьсот два, семьсот три, продано!

Антон усмехнулся: вряд ли кто осмелился бы перебить такую сумасшедшую цену, но ведущий торги всё равно спешил закрыть ставку. И дело было не только в том, что в свободной продаже смело можно было надбавлять к гильдейской цене не меньше трети – и за большие деньги свободно купить антибиотики и противовирусные средства было почти невозможно. А сведение счётов при помощи блокирующих любую целительскую магию проклятий в Балвине не такая уж и редкость. Тем временем толпа переварила услышанное и снова зашумела. Можно было не сомневаться, что сейчас о купце Нортгаре рождается новая легенда: мол, цену деньгам знает, ненужную пыль в глаза богатством не пускает, но любимой дочери не пожалеет ничего – как Алиса вцепилась в руку Антона, испугавшись, что приглянувшаяся ей покупка уйдёт к другому, видели все.

Обычно рабов доставляли на следующий день. Тогда же новый владелец и расплачивался. Но в этот раз, едва закончились торги, к Антону подошёл один из хозяев Солёного рынка и, плохо скрывая нетерпение, вежливо поинтересовался:

– Я рад, господин Нортгар видеть вас в числе покупателей. Совершенно случайно есть свободный отряд стражи, маг и нотариус, которые могут составить охрану купца по дороге домой, а заодно доставить новых служанок и оформить сдел-

ку прямо на месте. Не желаете ли закончить всё сегодня?

Антон в ответ на такую спешку брезгливо сморщился. Потом смягчился под умоляющим взглядом вовремя подхватившей игру Алисы и милостиво согласился:

– Хорошо. Тогда понадобится ещё и паланкин для моей дочери. И чтобы туда посадили её новые игрушки, пусть наслаждается.

– Конечно-конечно.

Приказы расцветшего от слов Антона продавца выполнялись до того быстро, что меньше чем через десять минут у выхода уже стояли готовые носильщики, а капитан отряда галантно подавал Алисе руку, помогая забраться внутрь портшеза. Там её уже ждали две новые рабыни, одетые, чтобы не смущать непотребным видом молодую госпожу, в глухие платья.

Самообладание у Нэрсис было железное. Ни при виде подошедшей к дому процессии, ни оглядев приобретение, себя она ничем не выдала. С улыбкой встретила мужа в гостевой комнате.

– Привет. Алисе очень понравилось, вот мы и решили, что это станет обещанным подарком.

Нэрсис равнодушно кивнула. Молодой нотариус оказался разочарован. С первого взгляда понятно, что покупка весьма недешёвая, иначе с хозяином не прибыли бы сразу два десятка воинов. Но тут явно мужу наедине потом не выскажут никаких претензий за пустую трату. Неужели слухи не пре-

увеличивают, и господин Нортгар настолько богат, что семьсот золотых для него ерундовая сумма? По дому-то не скажешь... Приказчик и пожилой маг заметили взгляд неопытного коллеги и обменялись улыбками. По-настоящему хороший купец создаёт репутацию и пускает нужную пыль в глаза не дорогими камзолами и не золочёной лепниной, а такими вот эффектными жестами. Наверняка «рекламная» сумма уже заложена в бюджет Нортгара. А что он заодно сумел потратить эти деньги с пользой для себя – так потому и стал тем, кто есть.

Как положено хозяйке, Нэрсис приказала:

– Покупка пусть ждёт вот здесь, – и ткнула рукой в комнатушку сразу за входной дверью. – Там лавка, позволяю им сесть. Ваши воины могут подождать...

– Если позволите, во дворе вокруг дома, – уточнил капитан.

– Вам придётся подождать примерно две клепсидры, – прикинул время Антон.

– Конечно-конечно, – сразу с пониманием отозвался приказчик.

Как и в любом порядочном купеческом доме, ценности наверняка хранятся в особом месте, защищённом всеми мыслимыми предосторожностями. Внести и вынести что-то оттуда может только член семьи, да и то «в обе стороны» он проходит множество проверок.

– Хорошо. А вас прошу пока отведать вина, а ещё специ-

ально для меня привезли сладости из Степи, сушёные фрукты и твёрдый шоколад из Великого Леса.

Следующие полчаса Алиса и Нэрсис развлекали в гостиной капитана, мага и нотариуса. Заодно смаковали вино, шоколад и впятером подшучивали над молодым нотариусом, который явно опять попытался оценить стоимость выставленных блюд. В отличие от молодого коллеги маг, приказчик и капитан хорошо помнили, что хозяин дома имеет обширные деловые связи и со Степью, и с Великим Лесом. Причём торгует эксклюзивом. Наверняка ему не составит особого труда договориться через тамошних партнёров о покупке напрямую не для продажи, а «для себя» того же шоколада или иных деликатесов. А при случае заодно выставить это на стол, чтобы гости опять гадали про его состояние и траты.

Едва на пороге гостиной показался хозяин дома, жена и дочь мгновенно убрали всё со стола. Место деликатесов и вина заняли несколько стальных коробок. Дальше пошёл конвейер. Антон открывал своей печатью коробку, маг её проверял. Приказчик и нотариус пересчитывали, оба ставили отметку каждый в своём списке. Затем коробку запечатывал приказчик уже своим перстнем. Едва наборы были сосчитаны и проверены, на столе оказался договор купли-продажи. Стороны поставили свои подписи, их заверил нотариус. Прозвучал обязательно-вежливый обмен репликами:

– Вы ещё останетесь?

– Благодарим хозяина за гостеприимство, но нас ждут

неотложные дела.

Приказчик и Антон пожали друг другу руки, после чего гости покинули дом, а хозяева торопливо активировали защитные контуры. Дальше Нэрсис потребовала:

– Теперь объясняйтесь.

– Да тут и объяснять нечего, – пожал плечами Антон. – Знаем не больше твоего. Это тот самый «необычный товар». Увидели, что явно наши. Думаю, это из-под второго куска. Я предложил цену, которую никто не рискнул перекупить.

Нэрсис хмыкнула:

– Выбросить тысячу золотом... Да уж, таких точно мало кто найдётся, – она негромко рассмеялась. – Зато какие слухи пойдут. Но от участия в торговом караване до Элбрихта, похоже, вежливо откажемся. Знаю я тамошнее ворьё. Узнают про сегодняшней спектакль – мзду попробуют на таможене содрать несусветную. Ладно. Пошли знакомиться. И надеюсь, они имеют хоть какое-то понятие о географии местной. Иначе соображать, где их выбросило, будем до морковкина заговения.

Девушки сидели там же, где их оставили: на лавке в комнатке у входа. Неподвижные, словно две деревянные куклы, или, скорее, две смертельно перепуганные птицы. Они будто боялись лишней раз вздохнуть, чтобы не привлечь к себе внимания. В глазах плескалась обречённость. Местный язык они знали, на требование пройти в гостиную отреагировали. Механическим шагом перешли в другое помещение, сели на

кушетку. И опять замерли.

Антон по привычке, все свои, заговорил на имперском койне. Ноль внимания, язык был явно незнаком. Вопрос на языке Королевств – и снова неудача: сковавший губы страх и чудовищный акцент сделали ответ полностью неразборчивым. Нэрсис, Алиса и Антон переглянулись: тупик. Вдруг Нэрсис осенила идея. Девушка кинулась в кабинет и через пару минут вернулась с ноутбуком в руках... эффект вышел неожиданный. При виде так хорошо знакомого устройства у негритянки началась истерика, у её подруги ручьём хлынули слёзы, и она что-то затараторила по-английски.

– Понимаешь? – спросила Нэрсис.

Антон растеряно развёл руками в ответ.

– Я английский язык изучал на первом-втором курсе. Дальше «I love You» и «My name is...» всё давно выветрилось, – и быстро глянул на Алису: ещё одной ступенью защиты сеансов связи было использование какого-то земного языка, сильно отличающегося от русского.

Девочка отрицательно покачала головой:

– У меня французский. Или уже сразу криптограмма на койне.

–

Parlez-vous français

?

Блондинка встрепенулась, потом замотала головой.

В это время в комнату вошёл встревоженный Родион. Ещё

на подходе к дому парень увидел активированные щиты. Причём и типовую защиту магов Королевств, и хитро спрятанные придумки земных технологий, так что особняк теперь мог выдержать осаду небольшой армии.

Коротко объяснил, в чём причина задержки:

– Пришлось провожать одного барана через весь город. С горя от поражения упился в стельку. Что у вас тут?

За всех ответила Алиса:

– Сегодня прошёл слух, что продают необычных рабов. Мы пошли... И вот. Оказалось, кто-то из наших. Но они только по-английски говорят. Французский и по-нашему никак. У тебя какой второй язык?

– Финский. Osaatko puhua ranskaa?

Гости не отреагировали. Антон же экспрессивно выругался, в сердцах и от растерянности перейдя на русский:

– Ну, и как же, вашу мать, извините понимать?

Блондинка радостно захлопала в ладоши. И затараторила. С акцентом, с ошибками, но вполне чисто по-русски.

– Русски? Вы русски? У меня дедушка из Венгрия, Карпаты. Там много ваших, русски с Украинцы. И дедушка сказал учи, полезно. Русски везде встретишь. Вот, пригодились.

Антон хлопнул себя по лбу:

– Я баран. Ну, мог бы сообразить, что койна они не могут знать в принципе. Вы с Земли? Второй переход? Где вас выбросило?

– Я – Эйприл, мой подруга – Мэйбл. Второй? Вас много?

– Много, много. Из центра России с Земли кусок километров на сто пятьдесят в поперечнике перебросило. Мы здесь как бы сказать? Неофициальные торговые агенты.

Эйприл затараторила по-английски, переводя для подружки. А дальше пришлось ненадолго прерваться. У Мэйбл опять началась истерика, причём даже силой напоить её успокаивающим не получалось. У второй девушки нервы оказались крепче, хотя бы внешне она держалась. Но уговорить подружку не смогла. Пришлось Алисе сбегать за инъектором. Держали Мэйбл вообще вчетвером, пока девочка прижмёт головку капсулы возле ключицы и впрыснет под кожу лошадиную дозу транквилизаторов. Когда негритянка успокоилась и заснула в одной из комнат наверху, остальные вернулись обратно в гостиную. Эйприл в отличие от подружки более-менее успокоилась. Дальше говорила по-русски хоть и с акцентом, но почти без ошибок. И сумела рассказывать их историю. Сбивчиво, местами сумбурно, но главное понять было можно.

– Мы на острове были. Тихий океан. Порт для судов? Ну, как заправка и мотель по дороге.

– Порт-убежище, – сообразила как бывший моряк Нэрсис. – И охрана?

– Да-да. Там небольшая военная база была. Наша, американская, и береговая охрана. Я к подружке приехала, в посёлок. Большой. Там те, кто в порту и для военных, но не военные. Как как это по-русски?

– Гражданский персонал? Инженеры, докеры, прачки там всякие? – предположил Антон. – Спасатели МЧС или что там? Если не ошибаюсь, именно этим береговая охрана и занимается.

Эйприл закивала.

– Когда началось... Сухогруз большой зашёл, штормовое предупреждение было. Несколько рыболовных кораблей откуда-то из Азии. Военный корабль стоял, на отдыхе или заправлялись? Не знаю. И ещё несколько кораблей морской службы на помощь кому-то как раз в море выходили, когда ударило, – Эйприл вздохнула. – У Мэйбл отец там служил, как раз оказались на границе тумана. Два вдребезги, третий на берег бросило. По посёлку ударило. И на четыре месяца нас заперло.

Нэрсис и Антон переглянулись. Импульс был намного слабее. Наверняка и площадь внутри оказалась небольшая, а не только время заключения меньше.

– Генерал Тейлор, он базой командовал. Сразу взялся порядок наводить. Кто-то шуметь пытался... в общем, пару человек, который склад со спиртом сломали, прямо на площади и повесили. А как туман исчез, оказалось... в общем. Мы на островах возле экватора. Почти как раньше.

– Море какого цвета? – разу уточнила Нэрсис.

– Откуда вы знаете? Зелёное с жёлтым.

– Юго-западная часть. Потом сядем с картой, но и так поняла. Не очень повезло. Из всего тамошнего огромного ар-

хипелага вас выбросило возле течения. По нему ходят охотники за рабами, пираты и торговцы. Попади вы севернее, про вас бы вообще никто не узнал.

Эйприл всхлипнула. И продолжила рассказ. То ли над морем законы разных миров перемешивались медленнее, то ли дело было в другом химическом составе порохов, но огнестрельное оружие, хоть и стало действовать хуже, всё равно оставалось вполне боееспособным. Да и война на море отличается от суши, особенно когда твой противник не имеет пушек. Все равно, с трёх километров ты потопишь вражеское судно, или с десяти. Шансы на выживание всем виделись хорошие. Оказавшийся во главе колонии генерал Тейлор человеком был умным и решительным. Он сразу же понял, что изоляция для землян – это гибель, едва кончатся запасы и сломаются последние инструменты. Как только на соседних островах нашлись люди, к ним сразу же отправили послов. С парой племён заключили союз, одарив вождей подарками. Ещё несколько племён запугали до икоты, едва те попробовали совершить набег – морские пехотинцы быстро доказали, что свой хлеб едят не зря.

– Первый год спокойно прошёл. Электричество наладили, сухогруз приспособили. Там топлива лет на сто хватило бы. Военный корабль, который на берег бросило, разобрали. Пушки на берег, сталь на инструменты всякие и на торговлю. Потом приплыли первые купцы. За листы стали из обшивки они готовы были нам много чего везти. А как узнали,

что тут порох не знают, мы в мастерских понемногу начали делать и мечи, и доспехи на продажу. Пираты одни сунуться пытались, так с помощью колдунов из местных дикарей удалось обучить с десятков способных к магии. Чтобы чужую магию видеть или мины спрятать. Мы из снарядов вокруг острова настоящие минные поля устроили. В общем, в первый же раз их, не знаю, как называется... корабль, в общем, так бабахнул! А кто не потонул, дикари поймали и с собой увели. Больше мы этих, с корабля, не видели.

Нэрсис и Антон, которые до отправки в Балвин и знакомились с материалами аналитиков, и сами участвовали в разработках сценариев открытого контакта, переглянулись. Генерал Тейлор был, судя по всему, хорошим военным и администратором. Но он не мог знать о делах континента, у него под рукой не было армии социологов, историков и прогнозистов. Потому руководитель второй колонии ошибся. И он, и его помощники явно посчитали, что после того как будут подчистую уничтожено с десятков пиратских флотилий, остальные любители наживы решат искать удачу в другом месте. Да, финансировавшим пиратов денежным мешкам всё равно, сколько наёмников погибнет, если расходы на очередное судно невелики, а прибыль обещает с лихвой перекрыть стоимость десятков сожжённых бригав. Но покойникам добыча ни к чему...

Землянам на континенте повезло. Их было намного больше, одним набегом не уничтожишь. Они быстро развернули

армию, которая заставила с собой считаться и могла больно ударить в ответ. Но главное, рядом оказалась Степь, с которой как оказалось им нечего делить – но многое можно обменять. А ещё через нэрлих земляне хотя бы на несколько лет, хотя бы внешне сумели вписаться в привычное местным мироустройство. Альянс получил время, чтобы набраться сил и бросить вызов существующим порядкам.

В океане вышло иначе. Земляне не просто находились далеко от уютных особняков, их не охраняли ни правила Гильдий, ни законы Синклита. Испуганные поставками великолепной стали и оружия, купцы Касильяса были готовы выложить любую сумму, лишь бы уничтожить нарушающего монополию конкурента.

– Извини за вопрос, – уточнил Антон. – Сколько вы продержались? Нам это важно знать, чтобы попробовать помочь остальным. И понять, что ждёт нас.

Эйприл помотала головой.

– Всё в порядке, я понимаю. Три с небольшим года. Третий год стал самым страшным. Кроме пиратов, к которым мы уже привыкли, и которых стало поменьше, появились какие-то фанатики. Кто-то пустил слухи, мы и порчу издалека наводим, и некромантией на трупах детей занимаемся, для чего нам с континента детей воруют и привозят. Потому у нас такие хорошие мечи, за них душами заплачено. Генерал... он предполагал. Последние полгода постоянно учения по пожарной тревоге, ещё что-то такое...

Тут она ненадолго закрыла лицо руками и смолкла, собираясь с силами.

– Когда оборону прорвали, и в порту свалка началась, мы, кто не мог драться, как на учениях – разбились на группы и на соседние острова. В каждой группе один-два солдата или человека из береговой охраны, обученные выживанию. Каждый вёл в своё убежище, про которое не знали остальные.

– Как вас обнаружили? – спросила Нэрсис. – Сколько вы прятались?

– Год почти. Как зима началась, мы решили порыться в развалинах. Всё равно штормит, никто не плавает, а там могло сохраниться что-то. У нас с вещами плохо было совсем, с инструментами. Какие-то бандиты рискнули зимой к нам приплыть...

– Окно погоды. А там – охотники за рабами, – пояснила Нэрсис. – На севере архипелага зимой голодно, многие племена откочёвывают южнее. Рисковые парни наведываются за живым товаром. Или они наберут трюм, или все долго и мучительно будут умирать ради хорошего лова рыбы.

Эйприл закивала.

– С одного из кораблей нас и заметили... я так думаю. Устроили охоту. Девушек заковали в цепи. Остальных убили. А как доставили в Балвин, стали готовить к продаже. Вы не знаете, какие это звери, – разрыдалась Эйприл, – и как они нас «дрессировали».

– Ну почему же, – произнесла себе под нос Нэрсис, – очень

хорошо представляю.

Эйприл, не обратив внимания, продолжила.

– Они выбрали Кэрил, она самая старшая была. Она... она феминисткой была, мужчин терпеть не могла. Так её прямо перед нами насильовали и пытали. Кэрил с собой покончить хотела, её наказали, и нас вместе с ней... – на лице Эйприл отразилась тень пережитого ужаса, девушка мелко задрожала от воспоминаний. – Каждый день, что они с ней делали... Через месяц или полтора Кэрил превратилась в животное, готовое лечь под любого, кто войдёт, сделать всё что угодно – лишь бы её не мучили. После чего ей у нас на глазах отрезали голову. И заявили, что если не будем послушны – они продолжат «урок» на следующей, пока остальные не поймут.

– Сколько вас? – вмешался Антон.

– Нас... нас четырнадцать осталось. Мэйбл и я маркетинговым ходом стали, завтра вечером остальных продавать должны.

– То есть, все ещё здесь. Родион. Как рассветёт – бегом к господину Турульфу. Передашь, что я прошу быть его посредником в покупке. Цену назовёшь... В два раза выше стандартной, оплата и комиссия антибиотиками. Отказаться от предложения главы Ночной гильдии торговцы не рискнут.

К вечеру пленницы были доставлены в дом купца Нортгара. А вскоре по разведывательной сети землян полетело сообщение о том, что надо выручать остальных соотечественников, кто тоже уцелел, но попал в рабство...

Расширенное совещание руководства Альянса в этот раз проводили в столице Степи: так быстрее всего могли подъехать те из туштаев, кто в обычное время занимался хозяйством своих владений. Заслушали доклад о второй группе землян. Выводы аналитиков: слухи о необычных пришельцах неизбежно расползутся. Да, тех, кто ещё прячется, скоро вывезут с Архипелага. Но есть и немало таких, кого взяли в плен или поймали потом. Из них наверняка уже выпотрошили всё, что можно. Пусть обрывками, но куски информация запросто сложат и увяжут с колонией. Так что стоит приподнять информационную завесу про Альянс. Но как это сделать лучше, чтобы окружающие увидели именно то, что необходимо? А Синклит не всполошился раньше времени?

После непродолжительных споров туштаи и сенаторы согласились, что выгоднее всего на первый план выставить землян. Пока внимание сосредоточено на них, Степь и преобразования в ней останутся в информационной тени. Оптимальным вариантом станет посольство к кому-то из влиятельных правителей людей: богатое, но слабое в военном отношении новое королевство ищет защиты у более сильного... Но к кому первому?

Неожиданно прямо посреди совещания вошёл офицер и вручил главе сената и Великому кагану какой-то документ. Те быстро его просмотрели и передали дальше по кругу для ознакомления остальным. Белозёров кивнул, предлагая начать коллеге. Заговорил Толгой.

– Противники перемен сделали свой ход. Только что Служба безопасности перехватила группу смертников, которые должны были ворваться на заседание. Но это – отвлекающий удар. Одновременно пришло сообщение, что остальные собрались и спешно двинулись в сторону Лина. Перехватить их не успеваем. Зная характер олигархов Лина, можно быть уверенным, что ценность полученной информации они поймут сразу. Продать её захотят оптом и Синклиту как самому щедрому покупателю. Несколько лет у нас есть, но не больше.

Остальные закивали. Чем старше чародеи, особенно привыкшие к всевластию и безнаказанности маги людей, тем чаще среди них случаются выверты сознания. Один ради дегустации нового экзотического блюда откажется от встречи даже с королём, другой каждую неделю будет таскать к себе в постель девственниц, веря, что продлевает этим жизнь. Правящий мастер-магистр был старейшим из магов-людей, потому и вывих разума у него был особый. Периоды активности лет по пятнадцать-двадцать, когда он выезжал с осмотрами подвластных территорий, посещал Академию, менял планы и кроил политику континента по своему разумению, сменялись затишьем. На те же пятнадцать-двадцать лет мастер-магистр запирался в своём замке и вёл дела по решениям периода активности. Сейчас как раз шёл период спокойствия, но сколько он продлится – угадать не мог никто.

– С учётом этого предлагаю, – сказал Толгой. – Дать лор-

ду Херебарду взятку в виде договоров, которые он давно хочет подписать. В обмен заручиться спокойствием на западной границе. Посольство отправить в Келти. Оно не только контролирует вольные графства между собой и Брошенным королевством, но и сможет гарантировать невмешательство в наши дела с Лином со стороны остальных Королевств. С Келти ссориться никто не рискнёт. И этой же зимой взять Лин штурмом.

Один за другим сенаторы и туштаи высказались «за». Пробе военных сил Альянса этой зимой – быть.

Глава 4. Посольство. Часть I

Кабинет, рассчитанный на двоих, был невелик. Но сейчас, когда рабочий день в здании министерства иностранных дел закончился, а сосед ушёл, комната показалась какой-то слишком уж большой и пустой. Лампа, освещавшая лишь стол, делала кабинет намного уютнее. И потому Тарья выключила верхний свет, оставила лишь настольную лампу. Возвращаться домой сегодня почему-то не хотелось особенно сильно.

Девушка приоткрыла окно и вслушалась в шорохи и шум летнего дождя, размеренно падавшего на листья деревьев и крыши домов. Ритмичная дробь капель обычно придавала ей спокойствия, помогала отстраниться от окружающих проблем. Внутри сразу разливалась тёплая атмосфера душевного комфорта... не сегодня. Сумерки, за мокрым окном видны лишь размытые огоньки. Город красив, словно игрушка. Никаких в нём страхов, тревог и сомнений – от самой себя не спрятаться. Бежав из родного дома, она мечтала о дипломе мага, карьере, уважении. И ведь добилась. Генерал Свиридов в своём докладе отметил её заслуги во время рейда и то, что беженцы были в первую очередь идеей Тарьи. Потому и на время учёбы она сохранила погоны, совмещая университет и службу в армии. На зависть сокурсников на вручении дипломов мало того, что Тарья получала красный ди-

плом – так ещё и гордо хвасталась новенькими капитанскими погонями. Поэтому сразу после окончания университета ей единственной из всех последовало лестное предложение выйти в запас и перейти в Министерство иностранных дел. На новом месте она тоже очень быстро завоевала уважение коллег, перед ней открылись широкие перспективы.

Для иммигрантки – предел мечтаний. Она с гордостью может сказать, что стала не хуже своего идеала, леди Эйнире... Вот только семьёй так и не обзавелась. Хотя скоро ей уже двадцать восемь. И тут генерал Свиридов оказался прав со своим жизненным опытом. Увидел в их отношениях с Никитой то, что могло быть – но так и не состоялось. Ведь оба следующих романа во время учёбы оказались бурными и в итоге пустыми, никчёмными. Вот и не хочется сейчас домой, в тихую, одинокую и непонятно с чего неуютную квартиру. Особенно если вспомнить, что Нэрсис-то удалось свою мечту реализовать как раз самым лучшим образом. Официально она, конечно, постоянно в разъездах и научных экспедициях. Открытки присылает, но дома бывает редко и недолго, так что заехать и повидаться не успевает... Тарья давно и немало работала в той же системе, так что с первого дня догадалась про фальшивку, хотя и старательно писала ответы на все открытки. Сама же была уверена – подруга вместе с мужем уехала в Балвин, как и хотела. И с тех пор ни разу не возвращалась.

Неожиданно раздавшиеся в коридоре шаги показались

громкими и гулким. Тарья вздрогнула. Но удивиться не успела, в кабинет зашёл её начальник.

– А, вы ещё здесь, Тарья? Удачно, что вы задержались. Ознакомьтесь, пожалуйста. Официально объявлено всё будет через две недели. Поэтому через неделю самое большее жду от вас свои мысли и рекомендации по материалу.

Начальник вручил что-то вроде толстой книжки формата А4. Именной сейф для особо важных документов. Сплав магии и технологии, сканирует отпечаток и тепловой след ладони. Вот и повод слегка засидеться... как бы надо, а не из-за того, что домой не хочется. Работать с документами из такого сейфа полагалось исключительно в своём кабинете, убирая потом всё обратно в сейф.

Начальник ушёл, Тарья включила уже верхний свет. Приложила ладонь, откинула крышку. Достала бумаги. Глаза медленно поползли на лоб. Она привыкла, как и остальные вокруг, считать тайну о жизни землян лучшей защитой. Но в папке лежала документация по отправке официального посольства в Келти. Поскольку земляне чужаки, не имеющие в геральдической палате Синклита своего щита, на них не распространяются местные законы. Конечно, полчища любителей поживы разобьются о современное вооружение Альянса, но не воевать же с половиной континента? «Сенат за мирное сосуществование со всеми»... на этом Тарья усмехнулась. И продолжила читать дальше. Писавшие служебную записку подчеркнули, что у Келти репутация грозная, заде-

вать интересы королевства побоятся. И если удастся заключить с ним договор и открыто торговать через него, это гарантирует спокойствие.

Маги, которые станут нести основную нагрузку по безопасности, таковыми для чужаков не будут. На первый план выставят «официального» чародея. Если герцогство или королевство было не настолько богато, чтобы содержать постоянного мага, нередко для разового поручения нанимали молодого выпускника Академии или одной из основанных Синклитом школ. Этого вполне хватало, чтобы чуют яды, ловушки и пользоваться заранее заготовленными артефактами и талисманами. Задачей же Тарьи будет как мага и как хорошо знакомую с обстановкой в Королевствах «изнутри» сформировать требования к «официальному» магу. Разработать рекомендации к выбору кандидатуры...

Когда про посольство объявили официально по министерству, Тарья не знала ругать себя за хорошую аналитическую записку или радоваться. Ибо по её результатам какое-то начальство, которое наверняка даже не слышало про автора рекомендаций, решило, что лучше всего на должность официального мага подойдёт Тарья Килассер из министерства иностранных дел.

Дальше Тарью закрутила суета. Официальный маг не только ширма, а также индивидуальный телохранитель посла во время переговоров. Это ещё и первая линия обороны в случае неприятностей. Потому и готовиться пришлось так,

будто она и в самом деле маг-«академик» на жалованье, и срабатываться с двумя хмурыми то ли армейцами, то ли безопасниками. А ещё отрабатывать различные сценарии с послом и главным переводчиком... Впрочем, знакомство с последним стало светлым пятном во всей кутерьме. Ибо Иван Валентинович личностью был примечательной. Гениальный музыкант с абсолютным слухом, настоящий герой первых недель после Катастрофы. Сейчас старший преподаватель и фактически человек, создавший в городе консерваторию чуть ли не заново с нуля. Полиглот, изучавший языки для собственного удовольствия. А уже «здесь» составлявший вместе с Агенором и Мэргеном словари с русского и койна на языки гвенъя и нэрлих.

Первое время Тарья, несколько раз бывавшая на его концертах, смотрела на великого музыканта как на нечто далёкое от простых смертных. Да и о чем он может говорить с девчонкой в два раза младше него? Но Иван Валентинович оказался очень обаятельным человеком, любил рассказывать интересные истории из своей жизни. К Тарье сразу отнёсся по-отечески, упорно переиначивая её имя на Дарью. А ещё он просто горел музыкой, старательно выпрашивал у девушки всё, что она видела в своих путешествиях по континенту. Причём иногда умудрялся из её непрофессиональных рассказов и такого же непрофессионального пения вытаскивать интересную информацию там, где, по мнению Тарьи, её и быть не могло. Стоило пересечь границу Келти,

как Иван Валентинович начал теревить девушку постоянно, прося рассказать про что-то или помочь завязать разговор с тем или иным местным жителем.

Вот и сейчас, стоило посольству остановиться на обед, прозвучало:

– Дарья! Дарьюшка! Можно тебя ненадолго?

Не спрашивая, причину можно было угадать сразу. Земляне расположились неподалёку от крупного села, куда как раз приехали выступать бродячие комедианты. Но представление будет вечером, а пока, спросив разрешения у одного из «рыцарей» – благородные господа не прогонят бедных странников – артисты принялись за репетицию. Кто-то взял за нитки кукол, двое мужчин разминали пальцы, приготовившись играть сопровождающую музыку... вот инструменты-то Ивана Валентиновича и заинтересовали.

С разрешения начальства, в сопровождении пары охранников, Иван Валентинович и Тарья подошли к артистам. Первое время комедианты отвечали скупой, только из страха перед дворянской блажью. В том, что перед ними важный господин никто не усомнился, внешний вид от имитации местных камзолов до замаскированных под латы бронжилетов охраны прорабатывался очень тщательно. Но Тарья кинула пару медных монет, показала ещё несколько «на потом», и слова полились потоком: успевай спрашивать. Иван Валентинович сразу же увлечённо принялся разбираться в игре на помеси гитары и мандолины, охрана откровенно зе-

вала. И так пока не прозвучал сигнал, что обед готов, и скоро трогаться.

Его Величество повелитель Келти Турстан Второй узнал о посольстве, когда глава тайной канцелярии подошёл к нему во время беседы с посланцем высокородного соседа короля Эдфельда. Они как раз прогуливались по Галерее мира – опоясывая чуть ли не половину дворца, галерея была своеобразной картой, изображавшей все обитаемые земли континента. Беседа шла о пустыках, но скрытые намёки понятны были обоим, как и выбор место для прогулки. Молодой Эдфельд считал, что армия должна кормить и себя, и короля. Будучи неплохим полководцем, он создал свою знаменитую конницу, которая до сих пор не потерпела ни одного поражения, и начал расширять страну. Покорённые земли разорялись, лучших мастеров отправляли в столицу, чтобы никто не мог с ней соперничать в ремёслах. Поглотив всю мелочь на юге от себя, Эдфельд получил небольшой кусок общей границы Келти. И отправил доверенное лицо прощупать соседа. Хотя, по мнению молодого завоевателя, Келти заросло жирком, грозная слава победителя Лозады тенью мерцала за королевством до сих пор. Да и выставить Турстан Второй мог из одних дружин вассалов армию как минимум вдвое против Эдфельда.

Глава тайной канцелярии принц Редвалд был хоть и высок, но жилист. Никакой дородности. Турстан же всегда был очень красив, медведь с пшеничной бородой. Не зря девки

в сопливой молодости, даже не зная, кто перед ними, западали именно на старшего брата. Посланник Эдфельда всегда на принца смотрел с плохо скрываемым высокомерием. Сам косая сажень в плечах, он всё мерил доблестью на поле боя. Редвалда же все, по его мнению, боялись только из-за таланта вовремя всадить нож в спину. Разуверять его братья не собирались. Да и не любил Редвалд распространяться, что на тренировочных поединках спокойно рубится сразу с двумя гвардейцами.

Вот и сейчас неуклюжими движениями человека, который к мечу не очень привычен, но по положению носить обязан, Редвалд подошёл и, склонившись так, что полы синего с серебром кафтана чуть не начали подметать пол, доложил:

– Ваше Величество. В дне пути от столицы замечен отряд посла страны по ту сторону Степи.

Турстан в ответ на это царственно позволил вельможе удалиться, после чего обратился к своему спутнику:

– Надеюсь, вы, герцог, теперь не станете торопиться с отъездом? В честь посла обязательно будет бал, и вы увидите, как у нас могут веселиться.

После чего мысленно добавил: «Уж высокородные-то шлюхи столичного света тебе понравятся точно. Не зря намекаешь о бале все последние дни. И наверняка привлекает кое-кого вовсе не знаменитая изысканность наших торжеств. Удачно подвернулся повод, чтобы празднование не выглядело откровенной взяткой с нашей стороны. А ты, Редвалд,

всё-таки поганец. Ведь твои люди наверняка вели их от самой границы. Но сообщил ты, братец, только сейчас».

Будь на месте принца Редвалда любой другой... Но Мудрый Змей просто так ничего и никогда не делал. И если разыграл сцену с «внезапным докладом», так и надо. Стоит обязательно к нему заглянуть и поговорить, когда дворец затихнет.

Звать брата вечером не пришлось. Войдя в малый кабинет рядом со спальней, Турстан обнаружил Редвалда, сосредоточенно заваривающего в чайнике берхт. И, раз стража на входе не предупредила, зашёл Редвалд через тайный ход. Значит, разговор пойдёт о вещах, про которые лучше не знать даже доверенным ушам. Вдруг кольнула зависть, она любила приходить именно в такие моменты. Брат мог спокойно наслаждаться властью из-за кулис, без выматывающих церемоний и встреч с дураками вроде сегодняшнего герцога Ордо. Турстан с удовольствием бы поменялся, но был на три года старше. А Редвалд, ещё при отце разгромив первый заговор «посадить младшенького на трон марионеткой», заявил, что есть незыблемые правила, которые не смеет нарушать никто. Если хочет блага своей семье. Потому хоть и стал после коронации вторым человеком в стране, публично всегда относился к королю как к правителю. Зато наедине они могли снова стать братьями.

– Редвалд, признавайся. Зачем ты устроил этот балаган?

Брат сначала разлил по чашкам душистый напиток, потом

не торопясь сделал несколько глотков из своей и лишь затем ответил.

– Турстан, ты блестящий дипломат. И в искусстве убедить, что выгодная тебе сделка осчастливит заключившего её барана, ты намного превосходишь меня. Но экспромтом актёр из тебя так себе. А герцог Ордо не отходил от тебя эти дни ни на шаг. Вы оба услышали про некое далёкое государство первый раз, было заметно. С одной стороны, удачно вышло с этим балом. С другой – вдвойне удачно, что никого не удивит, если на балу и сразу после него ты будешь обихаживать неожиданных гостей. Мол, из-за вас устраиваю. Предложишь им задержаться. Эдфельд и остальные всё поймут... Поймут именно то, что нужно.

Теперь не сразу ответил король. Несколько минут он обдумывал слова брата, затем спросил:

– Ты считаешь, это так важно?

– Я мало знаю, больше могу предполагать, – Турстан удивлённо поднял бровь: чтобы Мудрый Змей чего-то и не знал? Тем временем Редвалд продолжил. – Началось всё с того, что мессир Гармунд передал мне одного паренька, из повздоривших с академиками.

Король кивнул: традицию прятать под крылом службы безопасности молодые таланты, которые не сошлись с магами и Синклитом, начал ещё дед. Фактически выкупил тогда у одного из преподавателей проштрафившегося студента, нынешнего придворного мага.

– Парень жаждал доказать, что мы не зря на него потра- тились. И сделал мне анализ идущих через королевство то- варов. Причём не просто «ввозят-вывозят», а через какую границу и в каком направлении. Было очень неприятно об- наружить, что за последние годы мы на юго-запад продаём шерсть и лён, а из степи обратно везём ткани, которые и от- правляем на восток. Причём на восток вывозим тканей мы с каждым годом всё больше, вот только своих – всё меньше. Пока это ещё не очень заметно, но мы почти перестали де- лать дешёвые ткани. Мануфактуры и мастерские перенесли внимание на бархат, льняной шёлк и им подобные.

Турстан с тревогой посмотрел на брата: Келти издавна славилось именно как продавец своих тканей. И теперь один из столпов благосостояния гибнет. Тем временем Редвалд рассказывал дальше.

– Я приказал проверить остальное. По другим товарам не так плохо, но и там мы легко можем превратиться в посред- ника и продавца сырья, который полностью будет зависеть от Степи. И просто запрещать бесполезно.

Король закусил нижнюю губу: действительно, пошлины на импорт поднять несложно. Но если кто-то таким спо- собом хочет захватить торговлю, поток товаров и главный тракт континента пойдёт через соседей. А Келти лишится хотя бы дохода посредника, и при этом всё равно проиграет.

– Одним степнякам не хватит возможностей, да и зачем? Я попросил мессира Гармунда, он имеет доступ к хроникам

магов. Никогда прежде подобной, скажем, экспансии, не случилось. Теперь же всё началось несколько лет назад. Сначала я грешил на гвенъя: эта внезапная дружба лорда Херебарда с нэрлих. Потом копнул глубже. Перемены, просто тогда ещё незаметные, начались, после того как исчезла Белая стена. И возникло это самое новое королевство. Именно тогда у степняков впервые появилась, к примеру, дешёвая и очень качественная фланель. Я начал копать дальше. И обнаружил удивительное Ничего. То есть разных слухов и рассказней полно, это новое королевство лежит недалеко от торгового тракта через степь. Но слухи противоречат друг другу, цельной картины не получается. Словно кто-то старается специально. Зато то немногое, что я сумел выяснить, меня тревожит. Первое – это их наука. Второе – военная мощь. Третье – агентура. Мои люди сумели вычислить всего шестерых, при этом просто обязана быть сеть. Играет кто-то по силе самое меньшее равный нам.

Турстан позволил себе улыбнуться. Увлечение наукой было одной из немногих слабостей, которые Редвалд на пару с королевским магом могли себе позволить. Не зря сейчас брат на первое место поставил именно её, а не силу армии, как многие другие.

– Мои люди проверили товары. Похоже, делали их на чём-то вроде наших мануфактур, только в тысячи раз совершеннее.

С лица короля разом сползла улыбка, а остатки благодуш-

ного настроения испарились. Другие страны всегда завидовали армии Келти, учёным и изобретателям столичного Университета. Множеству остальных вещей, благодаря которым королевство всего за два поколения выросло чуть не вдвое и стало сильнейшим на северной половине континента. Но Турстан знал, что основой благополучия были именно впервые обустроенные дедом мануфактуры. Не одна-две – а сотни по стране. И теперь объявился сосед, который сделал то же самое, но лучше.

– Потому-то они сумели вооружить армию самыми лучшими мечами – мне удалось выяснить, что их союзники из степняков теперь поголовно с саблями из булата. А это не одна тысяча клинков. Такого себе не может позволить никто, включая Касильяс со своими мастерскими. Там придумали что-то ещё. Об этом знают в Лине, не зря последнее время скупают наёмников и всякую военную алхимию, – Редвалд огорчённо поцокал языком. – Но они не захотели делиться. И ещё. На уровне слухов, но моя интуиция советует поверить. Несколько лет назад в это новое королевство сунулись гвенья. И армию вторжения размололи так, что Великий Лес не подумал продолжать войну, а сразу запросил мира. Может, ты и помнишь подобный случай...

– Не было такого, – резко ответил король.

Редвалд понимающе кивнул: старший брат развлекался как раз военной историей.

– Это я тебе не спрашивая хроники скажу. Нет, светлого-

лосых били и раньше, вплоть до поражения. Но всегда после десяти-пятнадцати лет войны. И чтобы они запросили мира после единственной стычки – такого не было. Но ты ведь не просто пугать меня пришёл? У тебя есть какие-то идеи.

– Скорее мысль. Я уверен, что эти непонятные люди вступили в союз со Степью. Иначе так вооружать нэрлих нет смысла. Но что-то им надо и от нас, причём «это» не купить за золото и не заполучить обманом. Иначе посольство не отправили бы вообще или отправили не к нам.

– Значит, будем торговаться. Согласен. Я их... придумаю, чем уговорить, – усмехнулся король, подводя итог.

Следующий день вышел для всех суматошный. К обеду возле Золотого моста, там, где внутренний пояс городских стен отделял кварталы аристократов и дворец, зазвучала труба, и герольд провозгласил:

– Посол шлёт Его Величеству Турстану Второму, да будет ему здоровья и долголетия, свои наилучшие пожелания и просит разрешения въехать и вручить грамоту от имени повелителя своей страны.

За воротами посольство встречал сам король, что было несколько удивительно. То есть формально посла чужого государства обязан встречать лично монарх или его наследник. Но никого бы не удивило, если бы владыка столь могущественного королевства, как Келти, отправил встречать посла никому не известного крохотного государства кого-то из младших принцев, а то и вообще королевского мажордо-

ма.

Прозвучало:

– Дозволяю.

Посол в сопровождении мага и переводчика въехал в ворота, вручил свитки. Король сломал печати, символизируя, грамоты приняты. Дальше последовали долгие витиеватые протокольные речи с обеих сторон, смысл которых сводился к одному: Турстан Второй решил дать гостям краткую аудиенцию тем же вечером. Пусть и не в тронном зале, а в парке.

Тарья, которая на всех протокольных мероприятиях присутствовать была обязана, еле сдерживалась, чтобы не крутить во время аудиенции головой по сторонам. Королевский сад не мог не вызвать чувство благоговения перед миром прекрасного. В этом парке можно было полюбоваться самыми диковинными в мире деревьями. Название у каждого написано на специальных табличках и для каждого с помощью магии и труда садовников обогревали и увлажняли почву, создавали климат как на родине. Экваториальная пальма здесь запросто могла соседствовать с северной лиственницей. Вокруг деревьев самые разные цветы, площадка для игр, гигантского размера фигуры-скульптуры из деревьев-цветов-лиан. Лабиринт из кустов, где можно побродить, а то и уединиться в одной из многочисленных беседок. Тарья настолько увлеклась, да и речь короля к ней не относилась, что чуть не пропустила мимо ушей: бал в честь приехавших назначен всего через два дня.

Перешагнув порог огромного, украшенного гобеленами и золочёными орнаментами бального зала, Тарья еле сдержалась, чтобы на лице не проявилась восторженно-глупая улыбка. Вроде от сопливой девчонки, которая до смерти завидовала соседскому парню, что тот стал оруженосцем известного рыцаря и будет вместе со своим господином сопровождать посла, увидит знаменитый дворец в городе Орбирхте, её отделяло полтора десятка лет. А ещё бегство, скитания и жизнь на новой родине. Но всё равно, исполнение заветной мечты детства ударило в голову, словно крепкое вино. Нет, по идее ей примерно так и положено себя вести, ведь играла Тарья юную выпускницу Академии магии. Девушку-провинциалку. Вот только состояние было не наигранным, а это могло принести неприятности – но ничего с собой поделывать Тарья не могла.

Очарование длилось ровно до того момента, как на Тарью обратил внимание посланник короля Эдфельда. Кажется, герцог Ордо уже успел насладиться какой-то баронессой в одной из многочисленных комнаток праздничных апартаментов дворца, договорился на ближайшие ночи самое меньшее ещё с четверыми, после чего решил дополнить коллекцию наивной провинциальной дурочкой.

– Такая прекрасная дама скучает одна...

– Простите, ваша светлость, но следующий танец уже обещан.

Получив отпор, герцог закружил вокруг девушки, словно

стервятник, то приглашая на танец, то зазывая «подышать воздухом на балкон». Спас её наследный принц Кенелм, который заметил затруднение Тарьи.

– Госпожа маг, я вижу, вам немного душно? Не хотите ли немного выйти в парк, подышать свежим воздухом? А потом приглашаю вас на танец.

Наглый ухажёр решил не перебегать дорогу столь важной персоне и ретировался. Зато для Тарьи лекарство оказалось хуже болезни. Какое-то время она вежливо отвечала на заигрывания, согласилась на танец. Но вскоре начались разговоры о том, «не тяжело ли такой молодой девушке быть единственной в посольстве женщиной среди мужчин». Тарья довольно резко ответила:

– Долг перед Родиной зовёт, не спрашивая пола и возраста. Когда я училась магии, то обещала встать под знамёна моего повелителя сразу, едва ему понадобится.

После чего рассыпалась в многословных излияниях-извинениях, смысл которых сводился к «и вам ничего не светит». И поспешила раствориться в праздничной толпе.

Бал продолжался до двух ночи, пока самые стойкие не начали падать от усталости и не разбрелись по домам и гостевым комнатам. Дворец затих, а в королевском кабинете началось напряжённое обсуждение. В этот раз кроме хозяина и Мудрого Змея в креслах расположились придворный чародей, наследник престола Кенельм и принц Ордрик – сын Редвалда в ведомстве отца отвечал за безопасность королев-

ской семьи. Самые влиятельные люди государства обменялись впечатлениями.

– Вы правы, дядя, – рассказывал наследный принц Кенелм. – Нас прощупывают, и тонко. Ищут контакты. Взять эту магичку. Если бы не ваше предупреждение, то я бы и впрямь поверил, что ей лет двадцать с небольшим. Глупая дуручка из захолустья, чуть ли не сразу после Академии или какой-то из школ Синклита. Впервые попала на королевский бал и готова на всё, лишь бы остаться в обществе старшей знати подольше. Восторг был сыгран безупречно, Ордо купился и вывел её на меня. А дальше – сначала заигрывания, и резкий отказ в последний момент, который должен меня заинтересовать. На какую-нибудь прогулку, романтические вздохи вдвоём...

– Где без лишних ушей можно затеять разговор, – согласился король.

– Скорее, передать приглашение к разговору, – задумчиво ответил Змей Келти. – Этот их приём, с незнанием языка. И переводчиком. Ведь изящно придумано, не удивлюсь, если специально выискивали что-то из очень редких южных языков. На официальных переговорах переводчик – доверенное лицо, а вот попробуй кто пообщаться с послом помимо тебя, Турстан, отказать повод изобретать не нужно.

– Может и не пришлось выдумывать, – добавил придворный чародей. – Я тут прикинул. Попробовал рассчитать на основе доступных слухов хотя бы примерно место, откуда

они к нам явились поначалу. Если я не ошибаюсь, это вовсе не брошенные земли, а бывшие земли Ордена. И если моя версия верна, они не заняли пустующую резиденцию, а их перенёс вместо себя Орден, когда бежал куда-то за океан. И магов, кстати, ещё двое. Эта девчонка – она, скорее, боевой маг. Мы с вами, Редвалд, похоже придумали готовить ваших бойцов. Я и здесь уверен. Она старше, и ей не раз приходилось убивать. Что-то вроде личного телохранителя во время переговоров и человека для особых поручений. А вот за общую защиту отвечают другие.

– Пусть Кенелм передаст через посла этой магичке приглашение на экскурсию по дворцу. И день выберет, после того как посланец Эдфельда уберётся домой, – внёс предложение принц Ордрик. – Посол, естественно, будет опекать «молоденькую девушку» и вынужден будет её сопровождать. Хороший повод задержаться в городе, «чтобы не гневить наследника». Наш способ ответить, что мы согласны на переговоры. И главное – можно гарантировать твою безопасность, Кенелм. Уж извини, но даже под негласным присмотром за пределами дворца я тебя наедине с этой убийцей не оставлю.

– А ближе к середине прогулки вы случайно наткнётесь на меня, и я присоединюсь из вежливости, – завершил разговор король.

Путешествие по дворцу вышло неплохим и представительным, пусть из числа гостей участвовали только Тарья, да посол с переводчиком. Ради возможности не просто прой-

тись по всем закоулкам, а послушать историю каждой комнаты, каждого каменного завитка Тарья была готова потерпеть и неудобное-непривычное за последние годы пышное платье с кринолинами, и аккуратные ухаживания и заигрывания принца. К тому же в южном крыле они наткнулись на короля и тот, из уважения к послу, присоединился к гуляющим. Это оказалось весьма удачным. Раз земляне играли в подданных небольшого государства, ищущего покровительства сильного соседа – то не удивились бы, если их посольству пришлось ждать второй аудиенции не одну неделю.

Экскурсия неторопливо шла из предыдущей комнаты в следующую, от одного великого архитектора и предка-заказчика к другому. Посол интуитивно уловил подходящий момент и через Ивана Валентиновича аккуратно наводил мосты к. Турстан Второй раздумывал, «стоит ли оказать милость новой аудиенцией»... когда все вышли в очередную большую залу. Там стояли кресла, а дальнюю стену украшал самый настоящий орган. Гости замерли и смолкли: кто-то при виде изумительных мозаик стен и пола, на которых играл свет трёх огромных хрустальных люстр, а Иван Валентинович – при виде столь привычного и вместе с тем незнакомого инструмента.

Срывающимся от волнения голосом музыкант попросил:
– Ваше Величество, не позволите ли попробовать поиграть на вашем органе?
– Дозволяю.

Не обращая внимания на заинтересованно и удивлённо поглядывающего короля, музыкант поспешил к клавиатуре. Рядом почти мгновенно возник ответственный за инструмент слуга и начал отвечать на вопросы. Пианист сделал вид, что не заметил время от времени прорывающееся на лицо органиста выражение отчаяния: мол, знатные господа набалуются, а мне потом заново настраивать. Иван Валентинович дотошно разобрался, чем здешний инструмент отличается от привычных ему, затем пробежался по клавишам в двух-трёх простеньких гаммах.

Все в зале расслабились, возобновились негромкие разговоры... когда под сводами неторопливо побежали звуки пятьсот шестьдесят четвёртого органного концерта Баха. Величественное Токката, лирично-задумчивое Adagio, а затем быстрое и лёгкое Fugue. Все заворожённо замерли, замолчав на полуслове. А Иван Валентинович, пользуясь моментом, едва отзвучали аккорды, попросил:

– Дарюшка, давай теперь с тобой.

Несколько минут – и над людьми поплыла новая мелодия:

Ave Maria, gratia plena,

Dominus, tecum,

benedicta tu in mulieribus

et benedictus fructus ventris tui, Iesus.

Sancta Maria, sancta Maria,

Maria, ora pro nobis nobis peccatoribus,

nunc et in hora, in hora mortis nostrae.

Едва замолкло последнее «Амен», наступила звенящая тишина. Первым сделал уважительный поклон сам король, за ним остальные.

– Это... это было невозможно.

– Что вы, что вы, – засмутился Иван Валентинович, – слышали бы вы меня чуть раньше. А тут... вот закончу все дела перед государством, вернусь хотя бы к преподаванию – буду обратно навёрстывать. А пока без ежедневной практики...

– Всё равно. Я надеюсь, – обратился король к послу, – вы пробудете у нас ещё какое-то время, чтобы мой музыкант мог перенять хоть немного умений вашего спутника. А Вас маэстро, прошу – потому что гению не смеют приказывать даже боги – дать нам ещё несколько концертов. Моя супруга и семья будут огорчены, если не услышат Вас.

Глава 5. Посольство. Часть II

Переговоры затянулись до августа месяца. Радио раскалилось от постоянных шифровок. Временами заседания посла и короля напоминали грозу и обмен молниями. Да и внутренние споры с обеих сторон по накалу не уступали друг другу. Молодые принцы настаивали, что договор выходит для Келти невыгодный, ведь страна всё равно будет постепенно становиться посредником. Хотя собственную промышленность на новых условиях вытеснять будут и медленнее. Старшее поколение в ответ заявило, что они получают главное – выигрыш по времени, заодно возможность ездить в новую страну. А дальше останется ловить шанс и перестраивать свои мануфактуры. Земляне тоже довольно тяжело проглотили ряд условий Турстана Второго. Например, заморозить активную деятельность агентурной сети на территории королевства. Разрешить поездки подданных Келти на территорию колонии.

С первым сработала репутация Мудрого Змея, который до этого успешно громил чужие разведки. О том, что в этот раз Редвалд отчаянно блефовал, назвав «для примера» всех вычисленных агентов, земляне не знали. И согласились достаточно быстро. Со вторым вышло намного сложнее. Но в итоге победило мнение адмирала Рота. Пусть местная аристократия путешествует к землянам, проникнется их культурой

и достижениями, захочет получить то же самое. Пусть промышленность Келти обогатится знаниями... а в итоге станет зависима от заводов Альянса. Больше шансов, что в грядущем конфликте Келти станет добровольным предpoleм. Но главное, уже сейчас через Келти можно торговать фабричными товарами с остальным континентом.

Когда на свитках легли последние подписи и печати, принц Редвалд предложил:

– Не хотите ли вы сразу, ещё до отъезда, ознакомиться со страной и выбрать города, где откроются торговые и консульские представительства? Я готов предоставить вам охрану и провожатого.

Посол согласился сразу:

– С удовольствием приму ваше предложение.

Сам же подумал, что поездка – отличный шанс оценить Келти в целом, а не по подробным, но локальным докладам агентов. Конечно, никто не сомневался, что присланный сопровождающий имеет отношение к тайной службе. Но уже на второй день стало ясно: ни сам граф Реддинг, ни его люди открыто за посольством шпионить не станут. Наоборот иногда они были излишне деликатны – и землян это устраивало. Всё увиденное и услышанное графом и его людьми явно не продвинется дальше ушей правящей семьи. Поэтому посол дал разрешение, и вечером третьего дня к Реддингу обратился начальник охраны посольства.

– Господин граф, пока мы сегодня ночуем в лесу и без по-

сторонних ушей, предлагаю оценить наши и ваши возможности. На случай неприятностей.

Сначала устроили стрельбы, затем провели несколько спаррингов врукопашную. В итоге пришли к выводам, что на дальних дистанциях лучше действуют земляне, на расстоянии клинка – гвардейцы графа. А радиосвязь удобнее симпатических амулетов, зато амулеты хорошо позволяют оценить состояние бойца – если часового ранят или обездвигают, амулет мгновенно поднимет тревогу.

Объединённый отряд неторопливо ехал от города к городу, от замка к замку. И Тарья неожиданно для себя оказалась в роли гида. Причём временами даже для сопровождавшего их графа. Она не говорила никакой секретной информации, коллеги могли прочесть всё и дома – просто не обратили внимания. Во время подготовки посольства люди в первую очередь зубрили свою роль, по дороге в столицу было не до посторонних вопросов. Девушка же, удивлённая неожиданным взглядом на королевства людей и скрытыми пружинами того, что она долгое время воспринимала само собой разумеющимся, впитывала информацию словно губка. И теперь щедро делилась с остальными.

Например, когда они проехали очередную деревню, один из товарищей удивился:

– Ну, Средние века же натуральные. Ладно, магия, эпидемий нет. Ладно, я так понимаю в Келти обстановка стабильная, три шкуры не дерут и войн никаких уже давно. Не три-

надцатый век, а ближе к семнадцатому. Так всё равно дети должны через одного болеть и так далее? У нас в сёлах в каждой семье человек по десять рожали, а тут...

Тарья сразу же объясняла:

– А что вы хотите? Издержки той самой стабильности. Тысячелетний застой общества и техники требует минимального прироста населения. Средства контрацепции дешёвы, а сексуальные отношения внутри семьи регулируются многочисленными установлениями от имени разных богов. Особенно в деревнях, где всё на виду и за интимные отношения в запрещённый день можно схлопотать огромный штраф в пользу соответствующего бога. Зато отрицательный прирост в правящих классах, где редко заводят больше двух детей – хороший предохранитель от вырождения. В родстве с богатым купцом или получившим дворянство за личную храбрость воином большинство не видит ничего зазорного.

Люди кивали, соглашаясь... чтобы вскоре подъехать со следующим вопросом. Ничего не спрашивал лишь посол. С одной стороны, как глава делегации, он-то все материалы читал и помнил по обязанности. С другой – большой жизненный опыт подсказывал ему вещи, которые от Тарьи и остальных остались скрыты. В Келти численность населения не просто растёт, а с каждым поколением всё заметнее обгоняет соседей. В торжественных делегациях магистратов и на переговорах с этими магистратами в основном мелькают не бархатные кафтаны знати, а суконные торговцев и мастеров-

вых, стряпчих и банкиров. А ещё в городах везде стоят не просто механические часы, а часы с минутными стрелками: значит, есть немало людей, которые ценят каждую минуту и следят за своим временем. Не крестьяне или бароны – а торговцы, мастеровые, школяры.

Система гильдий в Келти трещит по швам. В городские советы и магистраты ещё обязательно входят дворяне, но их власть всё более иллюзорна и держится лишь на устаревших законах и обычаях. Ограничив права высокородных лордов в пользу худородных дворян, дед Турстана Второго нанёс системе смертельный удар. А нынешний владыка королевства продолжает его политику, всё больше опираясь не на дружины вассалов, а на города. Молодой класс бюргеров уже ощутил, что золото всё чаще становится крепче и острее стали. И потому они поддержат любые начинания короля, если реформы позволят им урвать у дворян хотя бы немного власти и влияния на политику страны. Итоговый сценарий контакта оказался самым верным. Королевство на пороге буржуазной революции. Синклит этого не потерпит – значит, есть реальный шанс оторвать Келти от Синклита.

Когда посольство надумало повернуть обратно, уже начался сентябрь. Сегодня караван не доехал до какой-нибудь деревни, а встал недалеко от небольшого лесочка. Тарья сначала привычно раскидала охранные пологи, а потом огляделась вокруг. Лес был красив и печален. Прозрачен осенью и чист воздух, прозрачна вода в ручье, из которого скоро бу-

дут брать воду. На дне виден каждый камешек, лишь поверху плавают на воде лёгкие пожелтевшие листья. На золотом фоне пожелтевшей листвы алели яркие пятна раскрашенных клёнов. Налетел ветерок, и, медленно кружась в воздухе, к земле разноцветные листья. От дерева к дереву протянулись тонкие серебристые нити последней в этом году паутины. И тишина: лишь едва-едва шелестит под ногами опавшая сухая листва. Высоко в небе закликали пролетающие на юг птицы... Что-то тоскливое, прощальное слышалось и виделось в этом осеннем лесу. И непонятно с чего пришла эта грусть: ведь через несколько дней они пересекут границу Альянса, а там и до дома недалеко.

Ночь взорвалась рёвом тревоги, грохотом автоматных очередей и взрывами гранат. Магия, следящие пологи и осветительные заклинания погасли сразу. Причём с подобным ударом ни земляне, ни их коллеги из Келти не сталкивались ни разу. Одновременно нападавших сопровождали какие-то шустрые твари, часовых на участке атаки они сняли совсем незаметно. Вот только благодаря двойной системе контроля постов магией и техникой тревогу подняли быстро – хотя атакующие явно рассчитывали уничтожить до того, как пойдёт с проверкой караулов офицер, все внешние посты и возможно потрепать внутреннее кольцо охраны. Также «неправильно» солдаты повели себя и дальше. Часовые медленно отступали к лагерю, поддерживаемые огнём из-за спины. Земляне огрызались по теням из автоматов, а мечники

графы защищали их в ближнем бою. К тому же охрана со «спокойной» стороны не кинулась тоже отбивать нападение – хотя по всем признакам атака была отнюдь не отвлекающей – а застыла на внутреннем периметре. Новая волна с противоположного направления наткнулась на столь же плотную оборону, причём каждый защитник удерживал свой сектор, и выманить никого не получалось.

Темнота переполнилась вспышками очередей и осветительных ракет, сухим лаем автоматов, рёвом и лязгом железа там, где противник успевал пересечь простреливаемое пространство и утыкался в солдат графа. Враг напирал с остервенением безумных фанатиков. К тому же людей явно чем-то накачали и обработали, живучестью они не уступали нападавшим вместе с ними тварям. Смертельно раненые, всё равно какое-то время ещё бежали и пытались драться. Кончился бой также внезапно, как и начался. Рассвет подвёл неутешительные итоги: убито или ранено треть, четверо – двое землян и двое солдат графа – пропали. Нападавших легло не меньше полусотни. И ещё нашли похожее на человека создание с клыками и алебастровой кожей. Его пытались утащить, но не смогли из-за плотного обстрела. На солнце не защищённые одеждой участки кожи на трупе стремительно начали краснеть, потом почернели. Словно обуглились. Хотя в прах труп и не рассыпался.

Увидев «белого», граф Рединг витиевато выругался, потом начал объяснять:

– Это не-мёртвый.

Посол удивлённо поцокал языком.

– Да уж. Упырь. Или правильно вампир? Никогда бы не подумал. У нас это давным-давно персонажи страшных сказок.

Рединг поджал губы.

– У нас, к сожалению, пока нет. Хотя и очень хочется их всех тоже отправить... в общем, туда же. Уверен, что эти твари действовали совместно с людьми барона Стор. Этого барона наша служба уже давно подозревает в связях с культом Красного Дэса. Но обыскать домен и проверить мы не можем. Предок барона оказал какую-то услугу Синклиту, и теперь его земли проверять можно только с согласия барона и там, где барон разрешит.

– Храмы бога смерти есть в каждом городе, – уточнил посл.

– Храмы Чёрного Дэса, – поправила Тарья, которая как местная уроженка сразу поняла, о чём речь. – Поклонники Красного культа вне закона. Они считают, что кровь – символ бога, и надо лить её на алтарях как можно больше. А не-мёртвые – это любимые дети бога, потому имеют право взять любую жертву. И Жнецы, как зовут жрецов красного Дэса, и не-мёртвые подлежат уничтожению вместе с последователями во всех Королевствах.

– Как мы можем спасти наших людей? Здесь солдаты барона и вампиры нападали вместе. С этими доказательствами

король может двинуть туда войска?

Граф Рединг в ответ на вопрос посла покачал головой:

– Нет. Вот если бы мы хоть кого-то взяли живым... А так барон всегда сможет отказать. Люди не мои, первый раз их вижу. Тут вообще явно фанатики культа. Зато можете вы. Точнее, можете прийти под стены замка и потребовать выдачи. Но исключительно с теми спутниками, кто находится с вами в час нападения. Барон на это и рассчитывает, видимо знает – своих вы не бросаете.

– Зачем?

– Основной доход барона Стор – торговля информацией. Мы, – граф больше и не думал скрывать свою принадлежность к тайной службе, – за последнее время изрядно укоротили его руки. Его высочеству Редвалду не нравится, когда кто-то наживается во вред королевству, – «торгует новостями мимо принца» мысленно перевёл посол. – Барон не может расплатиться по одному векселю, ему грозит опись имущества, не поможет никакой «особый статус». К нему в поместье скоро явятся приставы.

Тарья и остальные не скрывая хмыкнули. Что за приставы и как они всё будут описывать – хорошо понятно. Граф продолжил.

– Потому барон и решился на эту авантюру: захватить или выманить вас. Когда не-мёртвый высасывает кровь и не убивает человека, а превращает в ожившего мертвеца-гуля, ломаются любые ментальные блоки.

– Уточните. Как именно звучит формулировка о спутниках?

– «Если ищущие справедливости перейдут рубеж домена, на помощь им да не придёт никто из тех, кто пересечёт границу на высоте ниже двадцати человеческих ростов». Говорят, Синклит оставил оговорку для себя с тех времён, когда ещё дружил с Орденом. А может и гвенья со своими небесными всадниками постарались.

– Это хорошо, – зло сверкнули глаза посла. – Граф Рединг, не считите за труд. Сопроводите нас до замка этого Стора. Обещаю вам очень интересное зрелище. И гарантирую, что барон ещё не раз пожалеет о сегодняшней глупости.

Рединг на мгновение вздрогнул: предложение на первый взгляд было самоубийственным. Потом долг перевесил.

– Хорошо. Мои люди вам не нужны? Тогда я возьму пару помощников, а остальных сразу от границы баронства отошлю с новостями.

Через пять дней отряд стоял в полутора километрах от замка. Границу домена специально пересекли с рассветом, чтобы до заката осталось как можно больше времени. Граф, его свита и охрана землян были готовы к бою, сейчас истекали потом в поддоспешниках, кольчугах и бронежилетах под ярким солнцем бабьего лета. Зато посол демонстративно надел лишь полотняный кафтан. Едва отряд оказался на краю открытого пространства, где лес уступал место лугам, к замку полетел усиленный магией голос Тарьи:

– Вас не тронут, если вы в течение получаса вернёте нам наших людей в целостности и сохранности. В противном случае замок будет стёрт с лица земли.

В ответ пришло молчание. Подъёмный мост и не подумал опускаться, а на стенах мелькнули каски стражников. Граф Рединг вопросительно взглянул на посла. Тот в ответ лишь кивнул, посмотрел на часы, снял с пояса коробку рации и тихо сказал в неё несколько слов. После чего добавил громко:

– Полчаса.

Следующие тридцать минут ничего не происходило. Граф всё заметнее нервничал, земляне, наоборот демонстрировали спокойствие. Только охрана рассыпалась по окрестностям, да Тарья вместе с коллегами-магами начала творить какой-то хитрый полог, призванный закрыть от вражеских плетений кусок луга рядом с отрядом. Едва истёк назначенный срок, в прозрачном голубом небе раздался стрёкот, и с востока выскочила четвёрка вертолётов. Два сразу дали залп НУРСами по замку: от стен во все стороны полетела каменная крошка, изнутри поднялся столб дыма. Остальные два обработали местность вокруг защищённой точки высадки, отчего загорелось, выбрасывая густой дым, собранное в стога сено. Посла и Рединга заволокла серая хмарь, от гари сразу начали слезиться глаза, и запершило в горле.

Почти сразу в небе показалась новая тройка пузатых винтокрылых машин. Вертолёты подошли к чёрным клубам, после чего резко, один за другим нырнули вниз – выбросить с

минимальной высоты десант и тут же уйти обратно в небо, если кто-то попытается атаковать с земли. Рединг удивлённо раскрыл рот и ещё собрался что-то спросить, как посол ответил:

– Это только начало. Как только авангард даст сигнал, что в состоянии обеспечить безопасность основных сил... – в небо взлетели три красные ракеты. – А вот теперь смотрите внимательно. Крайне редкое зрелище. И завораживающее.

Едва переводчик успел перевести фразу до конца, небо вновь наполнилось гулом. Теперь басили тяжёлые винтовые транспортные самолёты – первые дети возрождающейся авиационной промышленности. В глубине выцветшей синевы осеннего купола показалось несколько точек – и небо заполнилось белыми облаками сотен парашютов. Граф ошеломлённо замер. Тем временем земли достигли первые солдаты, дальше техника, и начался штурм.

Вот первая двойка самоходных артиллерийских установок деловито принялась обстреливать шрапнелью стены. Вторая пара САУ ударила по плотине между замком и рекой. Сразу к небу взметнулись столбы земли и щебня. Запруда была защищена надёжно, но удары снарядов, предназначенных для уничтожения бункеров, плотина и заклатья не выдержали. С грохотом всё рухнуло грязевой волной, и ров начал стремительно мелеть. Закончив с плотиной, орудия переключились на ворота и стены. Почти сразу после этого в небо поднялись ещё четыре фонтана земли и камней – сапё-

ры уничтожили потайные ходы из замка и подземного храма. Пути для бегства были тщательно замаскированы, но вот то, что кроме привычных способов их будут искать аэрофотосъёмкой, строители не предполагали.

Какое-то время укрепления стояли, оттуда прилетело несколько бессильных и бесполезных огненных шаров в ответ. Но вот щепой разлетелись ворота, зашаталась и рухнула в облаке пыли одна из угловых башен. Под прикрытием огневого вала и пулемётного огня пехота пошла на штурм. Со стен в ответ не прилетело ни одной стрелы или заклятия. Всем было понятно, что самое большее час – и в последних уголках замка будет подавлено любое сопротивление.

К послу и графу подошли двое мужчин. Знаки различия Редингу были незнакомы, но он и так понял, что перед ним кто-то из армейского начальства.

– Командующий операцией генерал Свиридов, – представился первый. – Это – майор Северин, его люди будут штурмовать храм.

– Граф Рединг, – с трудом оторвал взор от замковых стен посланец Келти.

Свиридов, увидев, как взгляд графа словно сам собой возвращается к самоходкам и сотрясающим замок взрывам, мысленно усмехнулся: это с непривычки. Война с гвенъя хорошо показала, что достаточно местным слегка пообвыкнуть – и танки горят как свечи. Но пока пусть наслаждается. В это время подоспел вестовой:

– Товарищ генерал, барон запросил капитуляцию.

– Граф, приглашаю вместе с нами, – сказал генерал. – Я слышал, вы тоже давно желали с пообщаться с господином Стор? К тому же, если позволите – ваше присутствие как эксперта по культу Красного Дэса во время допроса будет не лишним. Капитан Килассер, вы тоже идёте с нами.

Внутри замка царил полный погром, хотя тела убитых уже успели убрать в сторону. Двор и комнаты центральной башни были усеяны обломками мебели и осколками камня, а выбитая снарядами пыль и крошка лишь слегка припорошили пятна крови. Впрочем, Реддинг не обращал внимания, весь поглощённый другим зрелищем – к замку уже подоспел отряд для штурма подземной цитадели, майору Северину докладывал один из заместителей... гвенья! Причём, хотя Реддинга девушка не признала, граф именно эту гвенья хорошо запомнил в охране посла Великого Леса несколько лет назад. Слишком уж редкий золотисто-рыжий цвет волос, и слишком пикантный был случай. И граф точно знал, что после того визита она перешла в Зелёную стражу. А теперь служит землянам. Новость для принца Редвалда, которую важнее сообщить даже раньше отчёта о штурме.

Старший сын барона погиб во время боя, но самого хозяина вместе с остальной семьёй взяли живыми. Свиридов обратился к Тарье:

– Капитан, вы лучше остальных знакомы с местными реалиями. Подготовьте всё для допроса.

Под руководством девушки солдаты быстро расчистили пиршественный зал главной башни. Едва в зал ввели связанного барона, девушка неожиданно для всех громко произнесла:

– Ба, кого я вижу! Так вы, оказывается, не купец, а самый настоящий дворянин. Да не просто барон, а адепт Красного Дэса. А я-то думала, откуда мой дядя взял столь редкое проклятье.

Барон побелел. Генерал Свиридов на слова девушки резко бросил:

– Капитан Килассер, после окончания операции получите взыскание. За нарушение субординации. Сейчас докладывайте. Основное. Что вам известно про деятельность этого... дворянина.

– Так точно. Защиту в замке моего отца пробил специфичное проклятье. Маг замка опознать его не смог, но позже господин Манус сумел восстановить, что в основе лежало что-то из чародейства не-мёртвых. Матрицу моему дяде привёз человек, называвший себя купцом Вигга. Здесь опознан мной как барон Стор.

– Знать бы, что барон приторговывает проклятиями, – задумчиво сказал граф Рединг, – да ещё такими – взяли бы его намного раньше.

– Он вам нужен? – уточнил генерал.

– Если что-то останется после допроса, – покачал головой граф, – пригодится. Но если нет – нам для казни хватит и

среднего сына, а служителям храма Чёрного Дэса отдадим жену.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться? – неожиданно для остальных поинтересовалась Тарья.

– Разрешаю.

– Разрешите провести допрос мне? Для этого понадобятся младшие дети.

Свиридов с непроницаемым лицом посмотрел на девушку, потом потребовал:

– Уточните.

– Есть один редкий способ, но я... справлюсь с издержками. Когда замыкается сознание, сам реципиент цел, зато ощущает все физические и душевные результаты воздействия на «донора». И главное, что без особого вреда для допрашиваемого полный цикл можно повторить несколько раз.

– Действуйте, капитан. Что вам понадобится ещё?

Тарья деловито перечисляла, какие компоненты ей необходимы. Включая пару помощников, которые перенесут вид детской крови.

– Вы... вы не можете, – с белым от ужаса лицом захрипел барон.

– Ну, почему же? – деловито ответила Тарья, включая газовую горелку и раскладывая поудобнее, чтобы потом не обжечься самой, стальные спицы, пару металлических прутьев и набор столярных инструментов. – Я вот вспоминаю свою сестрёнку, и как она умирала от лёгочной чумы. Но вы ни-

чего такого не думайте, сейчас это отнюдь не личное. Главное – вытащить наших людей живыми, и чтобы при этом не погиб кто-то ещё. Согласись вы помочь сразу...

На пару минут от подготовки отвлёк шум, в зал вошёл настоятель ближайшего храма Чёрного Дэса с несколькими помощниками. Извещённые заранее, они ждали у границы владений. А едва пришло сообщение, что замок пал, и подозрения насчёт подземного храма Красного Дэса подтвердились, приехали. Барон торопливо, боясь, что его заткнут, обратился к вошедшим – прося спасти детей и напоминая про долг жрецов защищать живущих. Седой настоятель грустно покачал головой:

– Вы сами исключили себя из круга Жизни, дав на своей земле приют кровавому ужасу и не-мёртвым.

Отец семейства выдержал ровно до момента, когда на столе перед ним распяли двух младших отпрысков, срезали одежду и начали калить на огне первую спицу. И пусть слова перемежались проклятиями – информация полилась рекой. Свиридов махнул рукой, жестом отменяя экзекуцию.

Сведения, полученные от барона, позволили не только узнать число этажей – шесть, и то, что пленников держат на нижнем уровне, в апартаментах Хозяев, но и получить примерные карты двух верхних ярусов. И главное – устройство внешнего рубежа охраны. Вход в храм представлял собой длинный коридор, который чередовал прямые участки с крутыми углами-изломами. Гули созданиями были тупы-

ми, но сильными и живучими. Под управлением Жнецов в ближнем бою тварями становились опасными и быстрыми. А боевые заклятья требовали «прямой видимости».

Для штурма Андрей выдвинул в первые шеренги самых здоровых бойцов с ростовыми ОМОНовскими щитами. Первые два ряда сложили чешуёй – правый край перекрывает щит соседа и в свою очередь уходит под щит слева. А спиной боец опирается на задний ряд. Следующие три ряда держали вместе длинные Т-образные перекладины. У входа на подземные уровни Андрей оглядел товарищей и громко сказал:

– Ну что, мужики? Никто, кроме нас.

– Где мы – там победа, – отозвались товарищи.

Андрей махнул рукой. Сапёры подорвали заряды, тяжёлые бронзовые створки снесло внутрь коридора. Когда осела пыль, стало видно: вдоль коридора с обеих сторон идёт бесконечный строй смыкавшихся со стеной фальш-колонн, покрытых рельефными изображениями. На полу и потолке сплошь бело-бежевая плитка с теми же рисунками. Причём всё очень мирно: охота, рыбная ловля, купанье, сбор винограда, пастьба животных, танцы и праздничные собрания с музыкантами, акробатами и борцами. Лёгким покрывалом всё укрывали ароматы мускуса и еле ощутимого тлена.

Перегородив коридор, отряд шагнул внутрь. У поворота остановился, дальше полетели светошумовые и обычные гранаты. И только потом двинулись люди. Не ожидавшего ничего подобного Жнеца оглушило и нашпиговало осколками

ми. Один из трупов-гулей, мерзко воняя, лежал и дрыгался на полу: ему раздробило ноги. Ещё двое, оставшись без контроля, заметили врага и, согнувшись так, что когтистые пальцы касались земли, медленно зашагали к людям. Тут же загрохотали автоматы, ломая кости, разбивая головы и позвоночники. Гули окончательно подошли. Бойцы подобрались к следующему повороту.

Второй раз получилось несколько хуже – Жнец уцелел, хотя и потратил все силы на защиту. Гули, скаля зубы и воняя, резво кинулись вперёд. И застряли на перекладинах – трое мужчин были сильнее одного зомби. Жнец оскалится в злорадной усмешке. Для него ситуация застыла – люди защитились, но сами колоть и рубить гулей не могут. С улыбкой он и помер, когда очередь из автомата прошла его насквозь. Следом уничтожили и гулей.

Всё повторялось раз за разом: очередной поворот, гранаты, если Жнец был в состоянии колдовать – его уничтожила Шоннах при поддержке стрелков. Затем бойцы со щитами и перекладинами «отжимали» уцелевших гулей, чтобы автоматчики могли разломать им голову и позвоночник. Жнецы дрались с ярость фанатиков – на стороне Шоннах и спецназовцев был неторопливый опыт. К тому же, если земляне хоть немного сомневались – летела новая порция гранат. Один раз их попытались остановить посреди очередного прямого участка. На Шоннах навалилось сразу трое Жнецов, толпа зомби медленно напирала. Полотно защитного поло-

га медленно сдвигалось в сторону людей... Шоннах ушла в глухую защиту, затем неожиданно оттолкнула гулей ударом воздуха. И тут же строй расступился, выдвинулись огнемётчики. Воздух наполнился дикими криками горящих заживо Жнецов и смрадом палёного мяса. Дальше, чтобы пожар не ушёл вниз, огонь залили пеной из огнетушителей.

Оказалось, попытка «взять навалом» была актом отчаяния. Дальше дорогу преградили новые ворота: вход на храмовый уровень. Заряд взрывчатки без труда снёс преграду, бой перешёл в лабиринт хозяйственных помещений и келий неофитов. Стало труднее: враг отказался от попыток задавить числом, а старался бить внезапно, из засад, пользовался тайными ходами и лучшим знанием лабиринта. Остановить наступление всё равно не удалось. В отличие от боя с обычными террористами, здесь спецназовцам не требовалось ни брать кого-то живьём, ни беспокоиться о заложниках. Да и вплетённая в камни магия хорошо гасила пожары, потому огнемётами пользовались не стесняясь.

Когда первый уровень был полностью зачищен, и Андрей с остальными бойцами стоял в центре яруса возле лестницы на следующий этаж, кто-то из солдат задумчиво произнёс:

– Дьябло. В школе на компьютере игра у меня была такая. Там по лабиринту ходишь, нечисть убиваешь. Потом лестница-спуск на следующий уровень – и снова, пока главного босса не убьёшь.

– Дьябло говоришь? – резко бросил Андрей, в голосе те-

ную прорвались и беспокойство за жену, и ярость за раненых подчинённых: гули сумели зацепить несколько бойцов. И хотя с современной медициной блокирующее целительскую магию проклятье и трупный яд с микробами на когтях были не так страшны, как местным, по больницам товарищам придётся валяться не один месяц. – Я им такое Дьябло покажу! Семёнов! Что у нас со связью?

– Тянут кабель, будет с минуты на минуту.

– Хорошо.

Северин взял трубку у подошедшего солдата, и наверх полетело:

– Говорит Север. Первый чист. Нам нужно...

Через полчаса в полу комнат с двух противоположных сторон яруса зажужжали буры, вгрызаясь в метровой толщины камень. С «той» стороны уже ждали, в просунутые световоды камер тут же полетели проклятия, стоящие на полу приборы заискрились и вышли из строя – это ничего не меняло. Пятьсот миллисекунд – огромное время, чтобы хватило и увидеть нижнюю комнату во всех подробностях, и переслать изображение на поверхность для дешифровки. Получив снимки, сапёры установили заряды. Выбранные куски пола рухнули вниз, вверх полетели огненные шары и что-то из школы Холода. Этого оказалось достаточно сбить и опрокинуть заранее приготовленные ёмкости с горючей смесью. Бойцам оставалось подождать, пока стихнет огонь, и подошедшие на ставший безопасным первый уровень чародеи

через брешь в перекрытии заблокируют применение магии в комнатах возле проломов на следующий ярус. После чего спецназовцы начали зачистку с двух сторон. А дальше повторить для нового этажа.

Обиталище не-мёртвых таким способом атаковать было нельзя, там находились пленники. Но и ресурсы Хозяев ночи заканчивались. В проходе на шестой ярус людей попытались задержать не люди, а десяток бледных фигур с горящим алым глазами. Это было самоубийство: среди нападавших имелась гвенья. А они к чарам бессилия и чарам уничтожения магии – главному оружию не-мёртвых – были не чувствительны. Не зря дети Леса обязательно входили в любой отряд охотников на эту разновидность нечисти.

В Шоннах полетело множество плетений, переполненных силой. Одно за другим они срикошетировали от подставленной защиты – опять сказалось то, что против гвенья и остальная магия не-мёртвых работала в одну десятую силы. А тысячелетняя магическая школа Зелёных стражей была куда сильнее самоучек, пусть и с опытом жизни в две-три сотни лет. Новая атака – Шоннах кольнула в ответ, ближний не-мёртвый рухнул, его кожа на глазах сначала покраснела, потом обуглилась. И тут же загрохотал автомат Андрея: связанный нитями эспера с женой, он чувствовал и видел потоки эфира, не отвлекая мага от работы. Пули нырнули в замеченную майором брешь, и второй не-мёртвый упал, лишившись головы и руки...

Не-мёртвые отступили, оставив на полу пять тел. Явно понадеялись остановить врага в напичканных смертельными ловушками личных покоях. Вышло по-другому. Стоило перешагнуть через порог, как уже в первой из комнат на землян кинулись четверо свежих гулей... бывшие товарищи. Судя по всему, их убили в тот же день, как привезли. Андрей приказал:

– Забираем тела и отступаем. Больше нам здесь делать нечего.

Генерал Свиридов, едва выслушал доклад, ледяным тоном отдал свой приказ:

– Как только последний из наших солдат поднимется обратно – сжечь храм на х... вместе с обитателями. Дотла.

Глядя от опушки на поднимающиеся в небо густой чёрный дым, у графа Рединга не повернулся язык напомнить о многочисленных сокровищах не-мёртвых и Жнецов, которые наверняка собирались столетиями и остались на последнем ярусе.

Похожая судьба ждала и замок. Генерал осведомился у графа:

– Что-то из бумаг или кто из людей барона вам нужно?

– Нет, уже забрали.

– Хорошо. Всех остальных – расстрелять, замок сжечь вместе с имуществом. Впрочем... детей можете отпустить в том, что на них сейчас надето.

– Для детей барона лучше бы умереть вместе с замком, –

осторожно сказал граф Рединг. – В храм таскали на алтарь местных крестьян, теперь они наверняка будут мстить... не самая лучшая смерть.

– Я знаю, – холодно отозвался генерал. – Но взаимоотношения хозяев домена со своими крестьянами – не моё дело.

– Разрешите забрать нам, – вдруг вмешался старый жрец, – обещаю, остальной мир их больше не увидит.

– Не возражаю, – отмахнулся как от назойливой мухи генерал Свиридов. – Вне замка и если, – генерал усмехнулся, – успеете раньше местных – они ваши.

После чего демонстративно развернулся и ушёл, показав, что считает вопрос исчерпанным. Граф остался стоять на опушке леса, глядя на тёмную в полосе заката пустую раковину стен ещё утром грозной крепости.

Глава 6. Проба сил

Жители городов редко любят восход солнца: высокие каменные громады домов закрывают горизонт. Сельские жители тоже пропускают короткий час восхода солнца. Начало дня – их ждёт работа. А вот Тарья восходы любила, с самого детства. Над стволами старых лип возле родительского дома поднимался огромный пылающий шар, раздувался, сиял радостным светом, играл, улыбался от вида проснувшейся земли. Над макушками деревьев мчался предутренний ветер, одна за другою гасли в небе чистые звезды, всё чётче и чётче проступали на посветлевшем небе громады облаков. Тарья любила рассветы...

Сегодня перед ней тоже рассвет, но рассвет по всем меркам особенный. Сколько лет назад она сидела в камере смертников города Балвина и тряслась от страха оказаться в вольном городе Лине? И вот она всё же стоит под его стенами. Только не рабыней, а офицером армии, которая готовится взять город штурмом. Турстан Второй показал себя изумительным дипломатом. Незаметно для всех он умудрился внести в договор о соседстве несколько пунктов, которые все вместе позволяли ему послать наблюдателей на любую войну на границе Альянса и Келти... а Лин частью своих земель на юге как раз вклинивался между этими двумя странами. В МИД срочно отправили запрос прикомандировать кого-ни-

будь, способного, если что, завернуть посланца короля обратно. Причём, поскольку намечалась война – желательно из офицеров запаса с боевым опытом, идеально – мага. С учётом недавней командировки выбор пал на Тарью. И она не жалела, хотя находиться постоянно при штабе войск Альянса и было немного боязно. Так высоко она никогда не заманивалась.

Адмирал Рот оторвался от окуляров стереотрубы и потёр глаза. Да, вольный город Лин – орешек крепкий. Толстые стены, высокие башни, свежий снег на крышах искрится в полуденном солнце. На два километра вокруг фермы и предместья сожгли и сровняли с землёй до плоской равнины, все рощи вырубил. Запасов по докладам шпионов достаточно, чтобы продержаться в осаде года три, не меньше... А к тому времени болезни, нехватка воды и продуктов обессилят любую армию, не спасёт никакая магия. Не зря город ещё ни разу не смогли захватить – хотя не у одного поколения владык Степи он сидел занозой.

Александр ещё раз взглянул на запёртые ворота и поднятый мост, и подумал, что сегодня начнётся репетиция будущей войны против Синклита. С одной стороны город, который защищают лучшие на континенте полки наёмников и команды магов – хозяева Лина не поскупились на найм. А с другой – Альянс нэрлих и землян. Обе стороны вооружены передовыми достижениями своей военной техники.

Рядом с Александром довольно кхекнул Толгой: недале-

ко от рощицы и холма, где располагалась ставка командования, солдаты строительного батальона заканчивали прокладку семидесятикилометрового трубопровода, по которому в лагерь будет подаваться питьевая вода. Вся магия, которую потратили защитники, чтобы сделать в округе колодцы и источники ядовитыми, пропала впустую. А ведь это не только энергия, но и кровавые жертвы. И пусть Лин трудностей с «человеческим материалом» для таких вот заклятий испытывает куда меньше остальных – в городе полно товара-полукровок и женщин-«маток» – ресурсы всё равно не бесконечны.

– Двадцать часов, – обратился каган к адмиралу, глядя как заполняется первый грузовик-цистерна. – На полтора часа раньше срока. Неплохо.

– А вот с прокладкой траншей вокруг города отстаём, – Александр склонился над бумагами на большом столе, – и на мёрзлую землю не спишешь, холода ударили не очень давно. Количество часов для подготовки водителей тяжёлой техники придётся увеличивать. Маги тоже запаздывают с докладом.

– Про магов говорить ещё рано. Нас ждали, явно приготовили что-то необычное.

Адмирал молча кивнул в ответ и принялся делать пометки на одной из карт. Их действительно ждали. Не зря там сначала скрылись бежавшие от расправы сыновья бывшего туштая Хучина, а теперь и недовольные переменами. Они

принесли хозяевам города информацию о современном оружии. А насколько им поверили, скоро станет ясно.

Александр провозился с бумагами и картами до самого вечера, то мысленно поругиваясь – не хватало привычных командирских планшетов и многого другого, то посмеиваясь. Вот ведь, знали бы его преподаватели в академии космофлота, где пригодится их наука. Прежде чем работать за компьютером, курсант должен уметь всё сделать вручную – правило соблюдалось в училищах неукоснительно. Закончив муторную работу, адмирал вздохнул: пользоваться бумажками придётся ещё долго. И даже о примитивных ядерных боеприпасах можно не вспоминать. Пусть не сразу, но электронике и технике вплоть до первой половины двадцать первого века повторить можно, а дальше... Дальше была глухая стена и надолго. Следующее поколение электроники базировалось на очередном научном «скачке». Вот тут-то и сказалась разница в законах природы, а на полноценное исследование ресурсов не отыскать до конца войны. Самое обидное, что кристаллоблоки и биоблоки центральной вычислительной системы и реакторов холодного синтеза работали нормально, но вот запустить изготовившие их станки пока невозможно.

Едва на востоке забрезжила порозовевшая от налетевшего мороза полоска заката, собрали первое совещание для подведения итогов. Выяснилась и причина задержки с докладом от магов: Лин применил для защиты города модифи-

кацию очень редкого и сложного заклинания. Магической энергии и человеческих жертв оно требовало огромных, было неудобным – накрепко привязывалось к определённом месту. Очень долго устанавливалось и ещё дольше снималось. Зато в городе считали, что они нашли способ обезопасить себя от огнестрельного оружия вообще. Как выяснили маги, в поле действия колдовского полога любой предмет замедлялся, и тем сильнее, чем выше его кинетическая энергия. Человек, машущий мечом, этого не заметит. Стрела или камень из катапульты пролетят метров восемь-десять в лучшем случае, после чего мгновенно потеряют скорость и рухнут на землю, а снаряды и пули станут падать уже через полметра.

Совещание затянулось до полуночи. Пожилой ординарец, в которые жена навязала мужу друга их семьи – его послушает даже адмирал – командира в палатке встретил ворчанием.

– Безобразие, молодой человек. Третий раз ужин разогреваю. А микроволновка это не печь, вкуса не прибавляет.

Александр что-то невнятно пробурчал в своё оправдание и жадно, обжигаясь, начал есть – на улице похолодало, и по дороге он успел замёрзнуть. В палатке, конечно, тепло. Но, если быстро не поесть, не согреться изнутри, можно заболеть. А старик продолжил воспитывать:

– Война-войной, а обед по расписанию. Между прочим, годами поболе меня будете, а такой простой истины так и не усвоили. Правильно меня Наташенька попросила присмат-

ривать... – остальное Александр уже не услышал, прямо в одежде повалился на кровать и мгновенно заснул.

Утро встретило метелью. Мёрзли, поругиваясь, только часовые и дежурные. Остальные предпочитали сидеть в юртах и палатках, отгородившись от непогоды мембранными тканями, утеплителями стенок да жаром теплогенераторов. Зато маги с шаманами и операторы погоду наоборот хвалили: если обороняющиеся предусмотрели какие-то сюрпризы – чем позднее заметят автоматы, тем меньше испортят дорогой техники.

Первый «подарочек» обнаружился метров за сто пятьдесят до стен. Там, где когда-то стоял посад, а теперь угрюмо торчали обломки фундаментов и обгорелых брёвен. Поясавшее город кольцом заклятие «Облако смерти», непрерывно создающее и удерживающее над собой ядовитый газ без запаха. Одна из тележек замерла, собирая информацию. Группа специалистов-химиков и шаманов тут же тихонько заспорила над монитором, куда поступали данные, обсуждая тип газа и методы его нейтрализации. Остальные роботы неторопливо двинулись вперёд. Сто двадцать метров, сто, девяносто... прогремел взрыв: первая из тележек угодила в яму-ловушку, там сработало заклинание. На стене сразу же поднялась паника, кто-то по привычке выстрелил из катапульты. Камень с шумом рухнул в крепостной ров, проломил тонкую корочку льда и выбросил на берег тучу брызг. Других попыток не последовало – оборонительное заклятье мешало

и хозяевам. Защитникам оставалось с опасением смотреть и пытаться понять, что такое движется к городу.

Кто-то всё же попробовал метнуть заклятие. Стены огласили радостные крики: подумали, что тележки встали из-за попадания. Вскоре защитники утихли – большая часть роботов снова неотвратимо поползла вперёд, разматывая за собой катушки провода. На пункте управления среди инженеров закипел жаркий спор. Несколько штук и в самом деле встало из-за поломок, а не по приказу. Сами того не зная, бросив именно шаровую молнию, защитники сгенерировали мощный электромагнитный импульс. Продолжить ли попытки вернуть управление испортившейся техникой, или же списать её как потери в надежде подобрать позднее? Управлявшие автоматами операторы были, наоборот, молчаливы, внимательно следя за тележками. Вот три штуки достигли рва и встали, ещё две вползли в воду и тоже замерли у подножия крепости без видимого эффекта. Пункт управления огласили радостные возгласы: получилось. Также радостно вопили и на стенах, динамики автоматов старательно передавали оскорбительные крики о врагах-неудачниках. Люди и нэрлих, слушая очередную фразу с поминанием нечистых животных-прародителей, улыбались. Информация о защитных чарах и укреплениях лилась от датчиков рекой. Два-три дня – и можно атаковать стены не опасаясь сюрпризов.

Метель сыпала снегом четверо суток, а когда ушла дальше на запад, всё вокруг укрыл толстый белый пушистый ковёр.

И сразу же началась подготовка к штурму. Согласно общепринятой тактике осаждающие должны сейчас гнать к стенам толпы скота, чтобы губительная магия рассеялась на животных, чтобы быки и овцы своими телами уничтожили все западни. И сразу, пока туши не начали разлагаться, пойти на приступ. Вместо этого едва стихла пурга, в сторону «Облака смерти» двинулись группы фигур в мешковатой одежде, в странных масках-шлемах с длинным шлангом, соединяющимся с ящиком за спиной. Фигуры одна за другой подходили к облаку, что-то распыскивали, разбрасывали и уходили живыми. Сверху, особенно с башен, было хорошо видно, как в лагере эти фигуры окатывали то ли водой, то ли ещё какой-то жидкостью, пока та не переставала менять цвет с зелёного на красный, после чего нэрлих вылезали из своих странных одежек и уходили. Затем другая группа снова шла разбрасывать непонятные предметы рядом с Лином. На третий день «сева» городские маги с ужасом обнаружили, что «облако» распадается и гаснет.

Едва газ рассеялся, к стенам двинулись непонятные железные махины, толкавшие перед собой что-то вроде плугов. Время от времени «коробки на колёсах» останавливались, механизм на «плуге» бросал вперёд свёрток и гремел взрыв обнаруженной ловушки. Иногда водители ошибались, и в западню попадал «плуг». Тогда приходилось возвращаться за новым. Общей картины это не меняло. Взрывы поднимали фонтаны мёрзлой земли и снега всё реже. Когда отгре-

мел последний взрыв, беспокойство в городе сменилось ужасом: из-за горизонта вереницей трудолюбивых муравьёв поползли грузовики со щебнем, который сбрасывали рядом со рвом – чтобы медлительные гусеничные бегемоты-бульдозеры могли спихнуть камни в воду. В панике со стен пытались стрелять, но снаряды катапульта не долетали и до края воды. Боевые же чары из-за гасящего заклятия были неэффективны, легко отклонялись щитами либо бессильно размазывались по скребкам. Ров вокруг города был выкопан на совесть, засыпали его неделю. И всё это время лагерь выглядел сонным, почти пустым – но всем было понятно, что пустота обманчива. Едва уровень щебня достигнет поверхности воды, начнётся штурм.

Защитники ожидали, что первым признаком атаки станут осадные башни, которые наверняка уже заготовлены. За день-два их соберут и двинут к городу. Равномерно выстроившееся вокруг Лина войско стало неожиданностью, началась суматоха, в панике все побежали на стены. Вместо штурма с разных сторон к городу опять двинулись тележки-автоматы. Они неторопливо ползли до границы простреливаемой из катапульта зоны, потом резко ускорялись – чтобы проскочить опасный участок, ударить в кладку и взорваться. Да, всего через полметра ударная волна гасла, и эффективность отдельного заряда заметно упала, но тележки долбили стены с упорством трудолюбивых муравьёв. Вплетённые в камень защитные чары не помогали. Чаще наобо-

рот усиливали разрушение: блокировку от резонанса на них никогда не ставили. Ибо даже архимаг не сможет выстоять два или три дня под обстрелом недалеко от стены, чтобы разобраться в плетениях чар.

Взрывы длились три часа, и за охватившей всех паникой, дымом и пылью никто не заметил, что осаждавшие давно разошлись по палаткам. На следующий день всё повторилось в точности, разве что стены не выдержали и рухнули сразу в пяти местах. Бреши за ночь заделали, но на третий день временную кладку разнесли очередные взрывы. То же самое повторилось и новым утром, после чего измотанные горожане перестали делать баррикады из камня в проломах. Лишь завалили дыры всяким мусором.

Утро пятого дня «обстрела» ничем не отличалось от предыдущего. Всё также вышли кольцом воины, всё также встали за ровным строем тентованные грузовики. Но, едва прогремели первые взрывы напротив проломов, солдаты расступились, и первый грузовик ринулся к бреши в стену. За ним второй – но уже к соседней дыре. И так везде. Машины выгрузили солдат и уступили место следующим. В проём дохнули струи огнёмётов. Где-то выстроенная буквально в последнюю секунду хлипкая баррикада вспыхнула сразу, где-то загорелись пологи магов, но вскоре чародеи отступили. Всё равно далеко пламя не пройдёт, опираясь на амулеты и пентаграммы, на улицах защита от огня сильнее. Горящие проёмы тут же залили пеной. Надев кислородные маски,

чтобы не обжечь раскалённым воздухом горло, сквозь беззащитные теперь бреши ворвались первые штурмовые отряды. Началась яростная рубка. Обороняющиеся отчаянно пытались удержать участки стены хотя бы возле проломов: тогда получится бросать в пробоины камни и лить на головы солдатам смолу. Когда стены пали – попробовали закрепить-ся в ближних домах. Не смогли, бой почти сразу выплеснулся вглубь улиц. Степняки были сплошь вооружены саблями из булата, а доспехи из сплавов и полимеров весили вдвое меньше обычных, и при этом намного лучше защищали и от удара мечом, и от стрелы.

Уже через час после того, как первый воин ворвался за кольцо стен, стало ясно: город обречён. Но стычки всё равно продолжались всю ночь и следующий день, пока степняки методично обшаривали дома и подвалы, додавливая последние очаги сопротивления, выкуривая и добивая жителей. Каган и адмирал Рот на командном пункте внимательно следили за сражением, наблюдая на мониторах кадры с беспилотников. Толгой, довольный успехом – ему удалось то, о чём мечтало не одно поколение каганов – оторвался от экрана и взглянул на Александра. Как тот реагирует на бойню? Правитель Степи успел хорошо познакомиться с культурой землян и знал, что к резне гражданского населения среди них относятся без одобрения. Адмирал мысленно усмехнулся: потому-то сюда и отправился не Белозёров, а он. В прошлой жизни ему довелось видеть картинки и пострашнее.

Например, когда штурмовая бригада десантируется с орбиты в мегаполис, давя при этом спрятавшуюся среди небоскрёбов и над бомбоубежищами планетарную противокосмическую оборону. Но сказать хоть что-то в ответ было необходимо.

– Толгой, свяжитесь с командирами в северной части. Пусть будут осторожнее рядом с питомниками и загонами. Мы договаривались, что полукровки и рабы младше пятнадцати лет отойдут нам. У меня на них есть кое-какие планы, – равнодушно бросил Александр, глядя на собирающиеся для штурма «зданий производящего комплекса» отряды. – И пусть в остальном городе не усердствуют с детьми младше двух, они тоже пригодятся, – после чего с ленцой принялся наносить пометки на карту окрестностей.

«Всё, что можно сделать для обитателей Лина», – продолжил адмирал мысленно. Впрочем, тут же честно признался себе: если бы Толгой отказался – настаивать бы не стал. Будущее колонии важнее... Но если можно проявить хоть немного гуманизма – Александр постарается.

Эпилог. Хранитель

Нет дерева красивее и мощнее зелёного дуба. При самых сильных ветрах грозно шумят ветви, но не склоняется ствол. На вершине развесистого дуба выют гнезда птицы. Даже в глубине леса дуб высоко возносит свою зелёную крону. А вырастая на свободе, широко раскидывает густые крепкие ветви, покрытые зелёной жёсткой листвою. Но в то же время дуб – теплолюбивое и светлюбивое растение. Несмотря на свою силу, он дерево нежное, боится крепких морозов. Поэтому старейший маг обитаемых земель, Хранитель равновесия мира, величайший из друидов, сильнейший из чародеев, Мудрейший – имён и прозвищ за три столетия долгой жизни накопилось не счесть – старался приходить сюда каждые несколько лет. Это только кажется, что лесные великаны несокрушимы. На самом деле их здоровье – хрупкая чаша, которую легко разбить, но тяжело склеить.

Мужчина отогнал уже приготовившихся к пиршеству злых июньских комаров, прижался к тёплой шершавой коре и стал внимательно осматривать дерево внутренним взором: не завелись ли где-то жучки-древоточцы, не подкралась ли болезнь. Закончив, он прикрыл глаза и отдался воспоминаниям.

Подвальную лабораторию освещали лишь факелы и свечи: магические светильники давали помехи. Огромное, разде-

лѐнное пополам решѐткой помещение окутывал полумрак. Впрочем, хозяину он не мешал. Его и человеком-то давно можно было назвать с натягом, столько он уже провѐл над собой изменений. Морщинистый сморчок с большими глазами без радужки бормотал, рассказывал и кромсал ножом очередную жертву, разложенную на лабораторном столе. Пленникам из второй половины комнаты свет тоже был особо ни к чему. Зная, хотя бы не видеть, что их ждѐт. А наслушались они уже достаточно.

В лаборатории суетился никто иной, как бывший ректор Магической Академии Синклита. Старик подошѐл к отмеренному богами пределу и бредил бессмертием, продлением жизни. Когда о его экспериментах, причѐм не только на рабах, но и на тайно пойманных свободных людях, и даже на некоторых коллегах, стало известно, сумасшедший маг бежал. Спрятался в лесу, отделявшем земли вольного города Лина от Королевств. Про него постепенно начали забывать, он же продолжил опыты. Теперь на невезучих путниках, одиноких или оставших от своего каравана. Или как сейчас, когда к его дому вышел отряд наѐмников, угловивший в ловушку-путалку на торговом тракте.

Сегодня настала очередь молодого парня, на свою беду присоединившегося к отряду перед самым их последним походом. Нож летал и тыкал, парень уже не орал, а просто хрипел от боли... Впрочем, если подумать – не самая худшая участь. Первые жертвы колдун отбирал, пока у него не

кончился запас женщин из какого-то идущего в Лин каравана. Опыт всегда длился сутки. Сначала людей заставляли спариваться, потом мгновенно наступала беременность. Женщина сначала живьём жрала партнёра, потом отдавала соки из себя. К моменту родов превращалась в высохшую мумию, которую плод разрывал изнутри. Но раз за разом итог экспериментатора не удовлетворял, а разнополюый материал закончился. Хозяин приступил к «опытам по улучшению человеческой породы» напрямую.

Наконец жертва забилась в судорогах, утихла. Колдун щедро полил её эликсирами из десятка пузырьков. Вспыхнули линии пентаграммы. Тело окутала зелёная дымка. И раны начали затягиваться!

– Получилось! Получилось! – запрыгал вокруг стола чародей.

Договорить не успел. Прямо сквозь плиты пола проросли многочисленные побеги шиповника, пронзая и разрывая тело сумасшедшего колдуна. Миг – ломая стены и фундамент, к небу взвился могучий дуб, в ветвях как в колыбели бережно унося последнюю жертву удачного эксперимента.

Лахлан до сих пор каждый раз спрашивал себя: могло ли быть иначе? Проснувшись в нём сила Леса и Жизни в мгновение ока смела колдуна, а парня оставила в кровь разбивать кулаки о кору могучего дерева, поглотившего и дом, и темницу. Поглотившего вместе с теми из товарищей, которые ещё были живы. Управлять своими способностями Лахлан

научился далеко не сразу. Каждый раз приходил к выводу: по-другому случиться не могло. И всё равно в следующий визит задавал себе тот же вопрос снова.

Заканчивались размышления всегда одним и тем же. Можно и нужно идти наперекор судьбе – но есть тропы, которые предопределены. Сложись иначе, не попади их отряд в ту ловушку – не родилась бы легенда о старейшем маге обитаемых земель, Хранителе равновесия мира, величайшем из друидов, сильнейшем из чародеев... Впрочем, если быть уж совсем честным, признался себе Лахлан и задумчиво погладил кору дуба ладонью, его история и триста лет приключений – и в самом деле ожившая сказка.

Вставать и идти хоть куда-то не хотелось, поэтому Хранитель остался сидеть на траве, облокотившись на ближайший из корней спиной и любуясь сквозь зелёную листву прозрачным летним небом. Вдали слышались всплески поисковой магии. «Опять следят, – лениво забралась в голову мысль. – Сколько лет уже, а никак не угомонятся. Но последние годы вроде тихие и вежливые пошли».

Лахлан невольно улыбнулся и почесал бороду, вспоминая начало своего пути в облике Великого друида. Он тогда только-только освоился со своим даром и вышел к людям, наконец придумав, как объяснить свою необычную силу. Тогда как раз из-за ошибки магов в королевстве неподалёку начался мор среди лесных животных, напасть грозила перекинуться и на крестьянские стада. Недоучки из выпускников Ака-

демии как обычно попытались решить проблему «в лоб», силой исправляя природу. Не вмешайся Лахлан, завершилась бы история нашествием мутировавших из-за магии чудовищ – магиматов. Едва всё закончилось, с его подачи сначала среди людей, а потом и среди остальных рас, пошла гулять легенда: мол, в прошлый раз вот также погибла далёкая страна Торон, стала Брошенным королевством. И, чтобы катастрофа не повторилась снова, мироздание разрешило Хранителю не просто наблюдать, но и вмешиваться. На руку историям шло и то, что старел Лахлан теперь очень медленно. Раз в двести с лишним дольше обычного – и значит, если сейчас выглядит на тридцать, то помнит ещё времена до Синклита.

Людская молва подхватила и напридумывала столько, что Лахлан порой диву давался, пусть никогда не спорил. Хотя над большинством историй всегда посмеивался: расскажи кому правду – не поверит. А на самом деле нынешний глава Синклита почти на два десятка лет старше него, хотя всемогущий мастер-магистр об этом не подозревает. Да, возможности Хранителя изрядно преувеличены – в той стычке с двумя младшими магистрами Ордена запретного знания Лахлану просто повезло, что сопляки слишком надеялись на магию, а он по старой привычке наёмника до сих пор таскал с собой метательные ножи и короткий меч. Но людям нужна сказка.

Вот только одно дополнение к легендам доставляло изрядное неудобство: якобы где-то в лесу скрыт источник силы,

отпив из которого, древний маг и стал Хранителем. И если чародеи Академии успокоились почти сразу, старательно один раз изучив здешние края вдоль и поперёк до самых корней и ничего не отыскав, то отдельные энтузиасты пытались следить всякий раз, едва чародей наведывался к памятному дубу.

Ни с того ни с сего захотелось поразвлечься. Невидимой тенью Лахлан скользнул вслед десятку молодых парней. Пару раз попросил пробежавшего мимо волка издать протяжный вой и чуть не расхохотался в голос, видя, как молодые маги побелели лицами. Затем помог городским недотёпам слегка заблудиться, причём сообразили они лишь четыре раза пройдя мимо приметной расколотой берёзы. Парни окончательно перепугались и начали звать на помощь. Кто-то со страху кинул молнию в дерево, в ответ из-под корня обиженно принялась пищать-ругаться мышь-полёвка. Лахлану на этом игра надоела. Да и времени было уже за полдень, а дорога предстояла дальняя. Надетая когда-то маска давно стала настоящим лицом, а игры в сохранение мира – смыслом долгой жизни. «И это правильно, – мысленно сказал себе Хранитель, выгоняя из леса на дорогу молодых шалопаев. – Всегда должно быть то, ради чего ты просыпаешься каждое утро. А то ударяет сила в голову таким, как эти балбесы, у которых сводится всё к «пожрать» да «поспать». Они быстренько исчерпают все удовольствия, закостенеют в своей глупости, не увидят, что миром можно интересоваться

бесконечно... И потом все дружно удивляемся, чего это почти всем магам, как в зрелый возраст войдут, так жизнь уже кажется пресной и тянет на извращения».

Когда испуганные появлением грозного Великого друида и его проповедью о том, что негоже от страха по мышам молнии метать и лес портить, парни дружно бросились улепётывать в сторону ближайшего города, Лахлан грустно улыбнулся: жидковаты искатели пошли. И дело отнюдь не в стариковском брюзжании, что раньше и трава была зеленее, и вода мокрее. Мир и правда менялся не в лучшую сторону. Всё чаще доблестью считалась трусость, которую горделиво называли разумной осторожностью. Вот эти молодые парни. Следили за ним не столько из желания узнать секрет, дотянуться до неведомого – сколько пощекотать нервы да похвалиться перед приятелями. Ведь давно известно, что если не сильно портить заповедный лес, то Хранитель ничего не сделает, а просто выгонит обратно на тракт. Впрочем... вроде бы в новой стране на юге Степи по-другому. Стоит проверить. Но сперва в Лин. Посмотреть, что там наворотили прошлогодней зимой любители повоевать. Это важнее.

Первые признаки стали заметны задолго до развалин. Земли вокруг города были безжизненны, ни одного зверя или птицы. Деревья стояли без листьев. Трава росла на отравленной почве мелкая, желтоватая и жухлая. Потом и вовсе исчезла. А ведь на дворе в разгаре лето! Лахлан двинулся дальше, решив всё же посмотреть на развалины. Отра-

ва ему не страшна, без еды и воды, даже без сна он сумеет продержаться несколько суток. Сможет пройти туда и обратно. Пологий холм под ногами плавно перешёл в широкое поле. Посередине тёмной громадой высилось... Первыми в глаза бросались две башни как две чёрных, обгоревших головешки на фоне серого неба. Не сияла черепица, лишь чернел острой пастью провал на месте двускатной крыши. Вокруг – высокий, толстый пояс камней. Стенами эту мешанину обломков назвать было уже нельзя. Смердело так, будто гнить начала сама земля. Лахлан втянул ноздрями воздух и ощерился – впереди, в этой каменной каше, была только смерть. Делать там было нечего, и он сразу повернул назад.

Победители воевали ради мести, захватывать территорию не собирались, и о последующей чистке от защитных заклятий не задумывались. Теперь созданные магами Лина чары без присмотра разрушались, грозя отравить не только источники на поверхности, но и землю под собой. Затем всё неизбежно просочится в водоносный слой и стечёт в Ардл, вместе с рекой достигнет Келти. А это означало не уродившие или ядовитые поля, тысячи умерших от голода и вынужденных питаться непригодным зерном крестьян. Будь неурожай вызван естественными причинами, скажем засухой, Лахлан бы внимательно подумал, прежде чем вмешиваться. Но сейчас происходил явный беспорядок. Обычные люди не должны страдать из-за глупости слишком много возомнивших о себе правителей. Тем более таких, как хозяева города Лина

– сначала не одно столетий насилуовавших природу себе подобных, а под конец решивших влезть в основы мироздания. Хранитель сомневался, что заклятия удалось бы рассеять без последствий даже с помощью заложенных ключей управления и кровавых жертв. С гибелью же авторов затеи последствия и вовсе становились непредсказуемыми.

Возле земель покойного Лина пришлось бродить почти месяц, и внимательно оценивая размер катастрофы, и заставляя меняться и расти новые травы вокруг. Пусть хотя бы частично создадут фильтрующий пояс. Затем пришлось сделать крюк через Келти, обсудить дела с тамошним королевским магом Гармундом. Покидал королевство Хранитель в отвратительном настроении. И так с этими развалинами потерял уйму времени, а ещё придётся через год-два наведываться сюда снова. С очисткой отравы в реке местные справятся. Гармунд и чародей сильный – не зря дед у него из гвенъя, и мужик толковый. Вот только как бы опять не нашлись слишком ретивые подчинённые, которые захотят решить проблему разом и втихаря, чтобы потом потребовать награды. Ладно, если сами погибнут да сроки заклятия продлят. Сотню лет назад в одном из южных королевств Великий друид уже пустил дело на самотёк, и в результате для войны с химерами в помощь войску Синклита пришлось собирать ополчение нескольких государств. Наступление же пустыни на земли, из которых химеры вытянули все соки, Хранителю удалось замедлить с огромным трудом, а повер-

нуть пески и мёртвую глину вспять не получалось до сих пор.

Мрачное настроение Хранителя по дороге через Степь вылилось в неприятности для двух молодых шаманов. Ещё издалека Лахлан почуял хорошо знакомый магический «запах», который висел над Лином. Входя в стойбище, уже был уверен в том, что увидит. А слова одного старика, которые он тихонечко буркнул, завидев Хранителя, убедили ещё сильнее:

– Говорил я – доиграются.

Стены юрты, где обитали два молодых шамана, Лахлан просто снёс: заставил ткани и шкуры мгновенно истлеть от старости, не затрагивая каркас. Грозно посмотрел на лица двух парней и на зверушку на столе, которой явно скормили отравленные травы, попутно колдуя и стараясь вызвать какое-то изменение.

Над запасами ядовитой травы и над клеткой мгновенно вспыхнуло пламя, за миг оставив лишь пепел. В два шага Лахлан оказался рядом и треснул каждого дурня кулаком по макушке. Можно было и на расстоянии, но так на его взгляд выходило эффектней и доходчивей. Секунду полюбовался оторопелым взглядом и тоской незадачливых экспериментаторов – их способности оказались заблокированы. Потом обратился к старейшине, который побежал к юрте вслед за Хранителем.

– Эти два балбеса моей властью лишены права чаровничать. Снимет проклятие лишь Великий Мэрген. Проследите,

чтобы они до него доехали и покаялись. Заодно передайте ему моё решение: эти недоумки следующие два года будут вместо занятий колдовством чистить навоз и изгонять из головы непотребные мысли.

И ушёл в Степь разозлённый. Теперь придётся делать новую петлю и заезжать уже к Мэргэну. В старом друге можно быть уверенным, он проследит, чтобы подобное не повторилось. Заодно Мэргэн выяснит, откуда у сопляков возникла мысль влезть в область знания на грани запретного. Но лучше всё-таки предупредить о случившемся лично, а не через кого-то.

Ещё издали Лахлан заметил, как изменился Дархан. Первым из-за горизонта показалось здание с высокой трубой, из которого шли магнетизм и тепло. За ним – огромный завод, где плавилось и текло огненной рекой железо. Следом новые и удивительные дома. Каждый дом огромен – семь, десять, пятнадцать этажей. И каждый непохож на остальные. Каменные «юрты», дома-сады и дома будто парусники из стекла. Лахлан немного потерялся – где искать Мэргена? Но Хранителя узнали и сразу же показали ему на три бруска из стекла и бетона. Выглядели они как ещё один необычный эксперимент смелых молодых архитекторов и оказались новыми зданиями Школы знаний. Там и обнаружился Мэргэн. Сидел за столом перед плоским ящиком на подставке, в котором мелькали изображения. Стучал по доске с буквами.

Увидев старого друга, Мэргэн сразу же всё сдвинул на

край стола. Достал из сейфа пиалы и пузатый фарфоровый чайник. Заварил чай, приказал занести сладости и пироги. Лишь когда гость выпил первую пиалу, заговорил:

– Давно ты не заглядывал. И какой ветер в этот раз вёл твои паруса?

Хранитель вздохнул.

– Я заглядывал в Лин. Намусорили там зимой.

Мэрген кивнул. В открытую попрекать нэрлих старый друг не стал – и обижать не захотел, и хорошо понимал, что такое для Степи город Лин. Но и насчёт «мусора» он в своём праве как Хранитель.

– В общем... Я так слышал, что вы сейчас с Келти дружите. Так что помогите Гармунду, а то отравы в реку потекла. И заодно проследи за своими. Два балбеса уже нашлись, решили поэкспериментировать с химерами из ядовитых земель. Я им настучал, скоро придут к тебе каяться.

Мэрген нехорошо прищурился и бросил короткое:

– Хорошо. Разберусь.

На душе у Лахлана сразу полегчало. Уж за Степь то можно быть спокойным – если Великий шаман обещал, значит, проблем не будет.

– А ты пока вот что посмотри. Как тебе? Сейчас как раз над ней сiju, – Мэрген повернулся и достал из сейфа за спиной рукопись.

Первое, что бросилось в глаза Лахлану – текст печатный, но с пометками Мэргена. Уже необычно, не издание типо-

графии. Старый друг любил отдыхать, переводя на нэрлих необычные книги и трактаты. И знал слабость Лахлана – в первой своей жизни буквы молодой наёмник не жаловал, хотя читать и умел, зато, будучи уже Хранителем, книгами увлёкся.

– Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита», – Лахлан прочитал название. – И быстро просмотрел первые несколько глав. – Очень интересно. И откуда?

– Из той самой страны, куда, как я понимаю, ты собрался дальше, – глаза старого шамана струились смехом.

И Лахлан неожиданно задержался, хотя рассчитывал заглянуть к Мэргену едва ли на пару дней. Впрочем, себя он быстро уговорил – заодно выучит язык этих землян заранее. Хранитель провёл в доме Мэргена больше двух недель. Обсуждал и книгу, и автора, и страну. Заодно немного помог отшлифовать конечный текст на нэрлих. А когда покидал Дархан, неожиданно поймал себя на том, что от плохого настроения не осталось и следа.

На границе Хранителя уже ждали. Мужчина – явно чиновник немалого ранга, вместе с почётным эскортом из полусотни воинов и двух магов. А может с ним был и не эскорт, а стража? Случалось и такое. Правда, очень быстро все понимали, что ограничивать перемещения Великого друида только себе хуже. Или Хранитель заинтересуется – что от него так прячут – или соседи. И если Мудрейший об увиденном, коли оно миру не во вред, промолчит, то любопытство

соседей обойтись может весьма дорого.

Лахлан не удержался от небольшого озорства. Путешествовал он, в отличие от коллег, в самой обычной одежде, по виду воин или средней руки купец. Лишь для впечатления выращивал перед визитами прямо на месте красивый посох. Вот и сейчас на дороге к постоялому двору и встречающим сначала показался одинокий путник. И тут листья на земле и на деревьях сорвались вихрем, на мгновение окружили Хранителя. А потом превратились в золотой плащ, выстлали багряным, зелёным и золотым ковровую дорожку и воздвигли арки над ней. И главное: чародейства ни маги, ни амулеты воинов не почувствовали! Лахлан, глядя на удивлённые лица встречающих, мысленно усмехнулся – чего не сделаешь ради репутации... Самое в таких случаях забавное, что никто и никогда не думает, что всё очень просто: одно большое и заметное действие можно заменить тысячей мелких и незаметных. Людям проще поверить в чудо и волшебную силу избранного.

Эскорт доставил Хранителя в гостиницу Верхнего города, оставил отдыхать. На дома и улицы спустилась ночь и тишина – но в кабинете Гая Гальбы, который отвечал за безопасность всех внешних контактов колонии, бушевали споры.

– Манус, – в очередной раз спросил председатель Сената Белозёров, – значит, вы считаете, что мы должны пустить этого мага везде, куда он попросит? А если он потом донесёт Синклиту?

– Это невозможно, – Манус замылся, соображая, как объяснить начальству то, что в Королевствах каждый ребёнок знал и понимал с детства. – Хранитель не сотрудничает ни с Синклитом, ни с кем-то ещё. И тайны от него не попадают ни к кому. Ему вообще, говорят, чужды человеческие дрязги и беспокоит только здоровье мира. А что касается «не пускать»... последним пытался Орден. Хранитель легко уничтожил сразу двух магистров, хотя и по одному они были, говорят, сильнее десятка обычных архимагов. Мы, конечно, можем попытаться Хранителя мира задержать, даже убить. Обойдётся это нам дороже, чем вторжение гвенъя. После чего с нами разорвёт все отношения Степь, а Королевства поголовно объявят священную войну.

– Что скажет генерал Гальба? – спросил адмирал Рот. – Как главный эксперт.

– Я за то, чтобы не препятствовать. В разумных пределах, конечно. Везде, кроме законсервированных линий промзоны и реакторов. Выигрыш от хорошего впечатления стоит некоторого риска. Особенно если через Хранителя удастся наладить контакты с Кругом друидов. Это было бы крайне не лишним.

– На этом и предлагаю решить, – подвёл итог Рот.

– Согласен. Убедили. И решение утвердим волей председателя Сената, с пропусками за моей подписью. Проще следить и контролировать, если что, – пробасил Белозёров.

Лахлан о спорах вокруг своей персоны не знал, отсыпался

после дороги. Да и не интересовался. Подобное неизменно происходило раз за разом. Лишь порадовался с утра оперативности здешней бюрократической машины: уже на рассвете к нему в номер постучался офицер и занёс готовое решение от правителя. Вместе с временным паспортом. И предложение взять все расходы по пребыванию среди землян на себя.

Лахлан в ответ усмехнулся: таким тонким способом отслеживать его перемещения догадывались крайне редко. В Королевствах тайные службы, как правило, предпочитали мелочную экономию. Быстро пробежав письмо глазами, Лахлан согласился и с остальным:

– Передайте, что возражений нет. Как и насчёт посещения мест с особым статусом договариваться отдельно. Я уже видел у Мэргена, – он улыбнулся, – и не спорю, что бывают места, куда лучше глядеть издали.

Ему и так было что посмотреть. К тому же тактичность хозяев, не приставивших за беспокойным гостем открытой слежки, Хранитель тоже оценил высоко. Нечасто ему попадались правители, готовые сотрудничать, а не прятать грехи и отвечать на вопросы сквозь зубы после угроз.

К лёгкому удивлению землян и счастью контрразведки, первым делом Лахлан не двинулся по секретным объектам и полигонам, не отправился инспектировать заводы и лаборатории, а пошёл в магазин. Там Хранителя приятно обрадовали не только выбор готового платья, но и то, что прода-

вещ спокойно отнёсся к его ломаному русскому, а на нэрлих говорил достаточно бегло. Вскоре Лахлан сменил камзол на костюм и плащ и отправился в университет. На проходной ждала ещё одна приятная мелочь – не пришлось, как в Академии Синклита, спорить с охранником на входе, убеждая, что ему можно пройти. Оказалось достаточно приложить к турникету QR-кодом паспорт – полоска на турникете загорелась зелёным. Хранителя уже внесли в списки допущенных постоянно не-сотрудников. Дальше Лахлан поинтересовался у вахтёра, где найти декана Мануса. А там попросил дать ему помощника выучить русский язык.

Манус на секунду растерялся, такой просьбы он не ожидал. Хранитель как можно теплее улыбнулся:

– Я всегда говорю на местном языке. Считайте это знаком уважения. Но объясняться надо нормально, а не с пятого на десятое.

– Хорошо. Я прикажу, вам сейчас же подберут пару лучших наших аспирантов-филологов.

Через пару недель Лахлан из аудитории перебрался в университетскую библиотеку. С удовольствием оглядел огромный каталог во всю стену от пола до потолка. Отобрал для себя пару десятков книг по разным наукам, по философии, несколько художественных романов. Подошёл со списком к девушке-библиотекарше. Она хоть и посмотрела на список любопытным взглядом, без возражений выдала всё. Но когда Лахлан под вечер отдавал книги обратно, девушка не удер-

жалась и поинтересовалась:

– Вы так быстро всё пролистали. Не смогли в них отыскать нужное? Или не понравилось?

Хранитель улыбнулся. Давний эксперимент подарил ему немало необычных способностей, которыми в новой своей жизни он пользовался редко.

– На самом деле я внимательно прочитал всё. Хотите, перескажу? А послезавтра приду ещё. Завтра хочу сходить в театр.

Кроме театра Лахлан решил заглянуть и в центральную городскую больницу. В отличие от жилых домов, здание было самое простое: пятиэтажный куб из стекла и бетона без украшений и лепнины. Хотя и не так давно построенная, выглядела больница уже немного потрёпанной: искусственный камень стен и пола царапали и стирали тысячи пациентов. Впрочем, остальное было в отличном состоянии. Предупреждённый заранее главврач встретил необычного специалиста лично в холле, громко сердечно поприветствовал, поблагодарил за визит. Лахлан невольно поморщился, сплетни разлетятся по округе быстрее света. Торопливо прервал словоизлияния и попросил:

– Хорошо-хорошо. Вы подготовили истории болезни пациентов, которым не могли помочь местные врачи и которым возможно сумею помочь я?

– Да-да, конечно. Всё в моём кабинете.

– Тогда сразу предлагаю позвать туда лечащих врачей, – и

пояснил: – Не думаю, что я один с первого взгляда разберусь там, где не смогли хорошие целители. А вот вместе мы что-нибудь да придумаем.

К концу осени Хранитель стал в читальных залах привычным ежедневным посетителем, как и в центральной больнице. Пусть его и приглашали теперь не для лечения, а как консультанта и диагноста в особо сложных случаях – Лахлан мог увидеть намного больше, чем самые совершенные приборы и провести сложный анализ «на месте». Хранитель вписался в жизнь города, словно существовал здесь не один год... хотя сам Лахлан кажущимся спокойствием не обманывался. Приглядывать за ним наверняка не перестали.

Очередным ноябрьским днём Хранитель вышел из гостиницы на улицу, огляделся. Деревья уже почти облетели, хотя немногие побуревшие листья ещё отчаянно цеплялись за ветки. По тротуарам степенно текли многочисленные ручейки, оставшиеся после ночного дождя. Пахло сыростью, близкой зимой и холодами. Словно никак не решаясь согласиться, солнце с каждой минутой светило всё ярче и ярче, пробиваясь сквозь пелену облаков. Золотистые солнечные зайчики рассыпались по округе, слепя глаза. Ласковые тёплые лучи как бы на прощанье в преддверии зимы решили последний раз попробовать обогреть осенний город. Несколько минут Лахлан ещё думал. Потом всё-таки сказал себе: «Пора». И зашагал к зданию Управления службы безопасности. К генералу Гальбе.

Когда тот сразу его принял – ничуть не удивился.

– Если вы не против, я бы хотел какое-то время пожить дома у одного из жителей города. Я выберу сам.

– Пожалуйста, – видно было, что необычная просьба всё-таки застала генерала врасплох. – Не вижу препятствий. И ещё. Вам что-то понадобится?

Лахлан отдал небольшой листок с записями и цифрами. Генерал пробежал его глазами. Кивнул.

– С вами приятно работать. Смотрю, есть даже предварительная смета. Хорошо. Ничего требующего предварительного согласования я не вижу. Судя по списку, вы уже нашли подходящую семью?

– Совершенно верно. Но договариваться я буду сам.

Милтрита, женщина-выходец из Королевств, сюда переехала вместе с дочкой и получила гражданство. Теперь могла стать хорошим мостиком, который поможет Хранителю объединить понимание жизни здешнего народа и остального мира. Они как раз удачно познакомились ещё в больнице: слишком уж загадочным случаем для всех была её дочка Саннива. С одной стороны абсолютно здоровый ребёнок, уже тринадцать, все детские проблемы должны быть давно позади. Но регулярно внезапные провалы иммунитета.

Уговаривать Милтриту пришлось довольно долго, слишком уж натерпелась женщина в своё время от хозяина-мага. И сейчас она поначалу категорично отказывалась, хотя, услышав предложение о новой и полностью обставленной

трёхкомнатной квартире, задумалась. Наконец было сказано:

– С магами я не хочу иметь дела. Никак и никогда.

– Но я не маг. Я Хранитель мира.

На этом, как и рассчитывал Лахлан, лицо Милтриты дрогнуло. Истории про мудрого Хранителя она впитала с молоком матери. Дальше последовал ещё один аргумент:

– И сами знаете, я врач. Очень хороший.

Милтрита ещё посопротивлялась, но было понятно – ради Саннивы она потерпит кого угодно.

Квартиру специально выбрали в прежнем районе, чтобы не вырывать хозяев из привычной среды. Новоселье случилось в начале декабря, но Лахлан переселился только на следующий день: всё-таки в кругу друзей и знакомых Милтриты он был лишним. И сразу же оказался вовремя: на празднике Санниву просквозило, у неё поднялась температура. И теперь мама не знала, бежать ли ей на работу – или дожидаться вызванного врача. Лахлан её буквально вытолкал:

– Милтрита, ну что вы, в самом деле? Вы же знаете мою квалификацию. Присмотрю я за Саннивой. К тому же я предполагал заранее, поэтому кое-какие лекарства подготовил с собой.

Когда женщина ушла, Лахлан принялся колдовать с травами на кухне. Помимо лечебного эффекта они должны были стать последней проверкой: угадал он с причиной болезни или нет?

Саннива выпила лекарство безропотно, не ощутив вкуса. И тут же уснула. Заглянувшая после обеда немолодая терапевт на пару мгновений замерла на пороге, встретив незнакомого человека. Лахлан сразу объяснил:

– Я знакомый Милтриты, врач. Сюда приехал в командировку в центральную клиническую больницу и остановился у них.

Терапевт обрадованно закивала:

– Вот и славно. Как там Санечка?

– Нормально. Я сразу начал лечение, температуру уже сбил.

Врач всё же прошла, внимательно осмотрела девочку, прощупала лимфоузлы и заставила показать горло.

– Замечательно. Просто замечательно. Эдак послезавтра выгоним тебя обратно в школу.

Девочка поморщилась: она уже настроилась отдохнуть. В кои-то веки болезнь проходит не в постели, сил полно, а учиться не надо.

Но когда на следующий день после обеда забежали подружки, проведать одноклассницу – то застали Санниву за столом и со стопкой учебников. Рядом стоял усмехающийся Лахлан. А на подоконнике виселись стопкой коробки с пластилином-глиной, который застывает после обжига... и раскинулась небольшая живая модель стройки Московского кремля. Рабочие бегали, одни таскали кирпич и возводили стену, другие ходили вокруг с плакатами и требовали кто мяса, кто

стройматериалов.

Подруги оторопело замерли, глядя на чудо. Потом одна рискнула спросить:

– Это что?

– Сколько нужно шлакоблоков, чтоб дворец построить в срок, – буркнула Саннива.

– В смысле?

– В прямом. Вот он, – девочка ткнула в Хранителя пальцем, – дал задачу на расчёт всего необходимого для стройки.

– Строго в рамках программы за текущий класс, – со смешком прокомментировал Лахлан.

– Ага. Если рассчитаю правильно, то будет мне настоящий Кремль. Как вон там, – Саннива показала на небольшую модель храма Кайны, стоявшую в углу на полке.

Подруги тут же начали передавать модельку из рук в руки. Сделано всё было с величайшим искусством. Можно разглядеть и маленькие каменные блоки, складывавшие стены, и витражи в окнах, и черепицу. Узор на входных дверях. Глаза у девчонок загорелись: каждая представила, как будет выглядеть не крошка-храм, а целая крепость.

– А нам можно?

– Всем можно. Хоть всем классом.

Слова оказались пророческими. Уже на следующий день к Санниве началось настоящее паломничество, а класс к неожиданной радости учителей рьяно взялся за учёбу и расчёты.

На Новый год Лахлан пришёл в школу, одетый Дедом Морозом. Поводил хороводы с младшими детьми, из совершенно пустого мешка доставал подарки. А Саннива и её одноклассники каждый получил по башне, стене и прочей детали Кремля и Красной площади. Под радостные вопли дети на специальном столе сложили элементы друг с другом, детали слились в единую крепость. Прогремело общее:

– Ур-ра!

Словно живой, перед мальчишками и девчонками встали Кремль и Красная площадь. Причём оказалось – если коснуться рукой брусчатки в определённых местах, вокруг разворачивалась иллюзия, и ты словно оказывался внутри модели. Лахлан тихонько сунул в руки учительницы листок с инструкцией:

– Здесь написано как включать, выключать и как подзаряжать.

– Спасибо. Первый раз даже у закоренелых троечников сплошные пятёрки за четверть.

Следующее небольшое чудо Лахлан продемонстрировал в конце января. Саннива после школы задержалась, заскочила домой без шапки и с сапогами полными снега. Милтрита ахнула и с порога начала ругаться:

– С ума сошла! А ну под горячий душ и...

– Горячий душ не помешает, а насчёт остального завтра проверите. Ничего с ней не будет. Я разобрался, в чём дело.

Милтрита растерянно переводила взгляд с дочки на Хра-

нителя. Потом села на стул в коридоре и разрыдалась от счастья.

В мартовские каникулы Лахлан неожиданно попросил:

– Саннива, мне нужно съездить с тобой в университет. Показать тебя кое-кому.

Девочка равнодушно пожала плечами: надо – значит надо. Врачу виднее.

Из холла университета они сразу поднялись в одну из лабораторий, где их встретил заранее предупреждённый декан Манус. Хранитель помог девочке снять куртку и ботинки, затем уложил спутницу на кушетку. В воздухе перед глазами Саннивы возник небольшой мерцающий диск, Лахлан принялся чётко и ритмично говорить слова на незнакомом наречии. Едва девочка впала в транс, последовал вопрос:

– А теперь, уважаемый Манус, присмотритесь внимательно к распределению потоков в её теле.

Главный чародей землян на несколько минут сосредоточенно замер, потом ахнул.

– Не может быть! Она же Разрушительница заклятий! А последним таким магом был...

– Да. Великий грандмастер Ордена запретного знания.

– Но откуда?! Как?!

– А вот это я спрошу у её отца, – в глазах Лахлана моргнул недобрый огонёк. – Один из магистров Синклита решил поразвлечься. Приспособил для пыток, совмещённых с оргиями, кое-что из древних техник Круга друидов. А когда мать

девочки понесла, испугался, что всё вскроется, и вышвырнул Милтриту на улицу. Понадеялся, что сами сдохнут, и не придётся марать руки убийством собственного ребёнка. На обратной дороге я собираюсь к нему заглянуть, и, клянусь Титанией, после этого кое-кто будет лично оправдываться перед Кайной-ведущей-души-в-мир.

Увидев выражение лица Мануса, Лахлан расхохотался.

– Ну, в самом деле. Понимаю, все эти легенды о равнодушии Хранителя во благо мира. Но вы-то умный человек, должны понимать, что к сонму богов я не принадлежу. Так, лекарь, который штопает крупные раны да чистит воспаления. И осчастливить всех не могу. Слишком хорошо знаю, какая хрупкая штука равновесие, и чем может отозваться лет через десять сегодняшний лишний дождик во время засухи. Но всё это не мешает мне помогать там, где могу. И наказывать человеческую гнусность, если уж она перешла черту, а остальные равнодушно отворачиваются. Но к вам я пришёл из-за другого. Сами знаете, что такое Разрушитель, и как отдаётся в организм искажение внутренних потоков. Кое-чему я её, конечно, научил, неконтролируемую пока энергию стихий сцеживал, но дальше требуется ваша помощь. Когда я уеду – продолжить и доучить.

– Конечно-конечно!

Видно было, что бежать оформлять документы и разрабатывать индивидуальный курс занятий для такой редкости, как Разрушитель заклятий, Манус готов хоть сейчас.

– Вот и замечательно.

Назавтра Лахлан попрощался с Милтритой и Саннивой. В ответ на слёзы девочки пообещал заехать ещё раз. И направился смотреть заводы и остальные поселения землян. Затем внимательно изучил остатки Мёртвого города, посетил места сражений с гвенъя. После чего снова оказался в кабинете Гая, где вместе с генералом-безопасником гостя ждали Рот и Белозёров.

Разговор сразу пошёл о «плодотворном сотрудничестве». Сергей Матвеевич от лица Сената официально предложил Хранителю почётное гражданство – тогда земляне обязуются оказывать ему такую же помощь, как и своим, ничего не требуя взамен... Все были так серьёзны, что Лахлан опять не удержался. Начал грозную речь о заводах, губящих природу, о грязи вокруг городов и о взятке, которую виновники пытаются ему дать. Испортил всё генерал Гальба, который через несколько минут демонстративно зевнул и сказал:

– Уважаемый Хранитель. Вот если бы вы устроили этот цирк сразу по приезду, я, может, даже поверил. Но не сегодня.

– Признаю поражение, – улыбнулся Лахлан. – Вы меня раскусили. Хотя, на мой взгляд, ряд мер и качество очистки определённой части заводских отходов пока меня не устраивает. Да и в Лине будьте добры помочь соседям и прибрать мусор за собой, – видя, как с лёгкой неприязнью вытянулось лицо Белозёрова, Хранитель поспешил пояснить: – Нет,

нет, уважаемый Сергей Матвеевич, вы меня не так поняли. Знаю, читал в вашей истории, было такое движение фанатиков, считавших, что всё зло от машин. Луддиты, которые ломали станки инструментами, сделанными на этих самых машинах. И их последователи, из «Гринпис», которые ездили бороться с нефтяными скважинами на бензиновых машинах и кораблях. Неужели вы думаете, что я из таких?

Хранитель ненадолго замолчал, затем стал очень серьёзным и негромко продолжил.

– Дело не только в том, что люди никогда не откажутся от возможности жить лучше и легче, не получив взамен что-то равноценное. Вы не очень хорошо представляете пропасть между своей жизнью и Королевствами, где даже знать не может позволить многое из обычного и привычного вам здесь. Но вот есть ещё кое-что. Мы бежим по кругу. Последние века рост едоков хоть и сократился, число людей всё равно пусть медленно, но растёт. С полей и рек всё чаще начинают брать больше, чем они могут дать. В Королевствах леса остались в основном в дворянских охотничьих угодьях. Пока это не очень заметно. И не будет заметно ещё несколько столетий... потом будет поздно. Вы же показали, что выход есть, – Лахлан хитро прищурился. – А ваше почётное гражданство я всё-таки приму. Очень уж интересно, что у вас выйдет. И несколько молодых друидов пришлю, помочь и обменяться опытом. Возьмёте?

– Возьмём, – вместе ответили Рот и Белозёров.

Гай же добавил:

– Я бы вообще предложил организовать совместную работу Круга друидов с нашими биологами и экологами. Есть кое-какие идеи. Если вы согласитесь передать наши слова их старейшинам.

– Передам. Тогда, – голос Лахлана разорвал рабочую тишину кабинета необычной торжественностью, – как Хранитель Мира, заявляю: вы достойны занять место в круге существования. Так несите же нашему миру добро и ищите своё место под общим для всех солнцем!